
Федеральное агентство по образованию

Научный журнал
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 4 (97). Декабрь, 2008

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук,
ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.

Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (г. Йюенсуу, Финляндия)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)
Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)	Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)
И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)	МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)
	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. Б. АКУЛОВ
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)	В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)	В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)
РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)	З. К. ТАРЛАНОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)	С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Federal Educational Agency

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 4 (97). December, 2008

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences,
Executive Secretary

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru
uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)	I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)	L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)
I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)	M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)
	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series «Social Sciences & Humanities»

V. AKULOV
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. KUNIL'SKII
Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)	A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)
A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)	V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
R. GRYÜNTAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	Z. TARLANOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)	S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Кочкуркина С. И.*
Карелия и Финляндия в эпоху Средневековья (историко-культурные связи) 7

- Чернякова И. А.*
Андрусов монастырь на пороге Нового времени: к истории старообрядчества в Карелии 15

- Яловицына С. Э.*
Об особенностях миссии православного духовенства в приграничном приходе (на примере северо-западных приходов Архангельской епархии в XIX – начале XX века) 31

- Каменев Е. В.*
О применении лингвистических методов в историко-антропологических исследованиях (на примере определения семантики предиката *делать честь*) 36

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Нилова В. И.*
Финская музыка периода автономии в пространстве национальной культуры 41

- Захарченко С. О.*
Этический аспект российской деловой культуры 49

СОЦИОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ

- Милюкова И. А.*
Патриотизм глазами современной молодежи Карелии: анализ эссе школьников и студентов 54

- Марков Б. В.*
Человек и наука 64

- Пивовев В. М.*
Субъективная достоверность и ее критерии 72

ФИЛОЛОГИЯ

- Зайцева Н. Г.*
Отражение вепско-северно-русских контактов в вепском лексическом тезаурусе 79

- Кошемчук Т. А.*
Человек самосознающий в романах Ф. М. Достоевского (Раскольников и князь Мышкин) 84

ЭКОНОМИКА

- Акулов В. Б.*
Специфические менеджерские ресурсы и повышение эффективности функционирования экономических организаций 94

РЕЦЕНЗИИ

- Зайков П. М.*
Рец. на кн.: Словарь карельского языка: В 6 т. «Karjalan kielen sanakirja». Helsinki, 1968–2005 101

ДИСКУССИИ

- Яковлев А. И.*
Ответ критику 104

ПАМЯТЬ

- Коппалева Ю. Э.*
Мартти Эсаевич Куусинен. К 80-летию со дня рождения 106

- Научная информация 109

- Информация для авторов 112

- Contents 113

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Е. И. Соколова. Дизайн, верстка И. Г. Лежнев.

Подписано в печать 1.12.2008. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Изд. № 269

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

УДК 39(470.22)

СВЕТЛАНА ИВАНОВНА КОЧКУРКИНА

доктор исторических наук, заведующий сектором археологии
Института языка, литературы и истории Карельского
научного центра РАН
babkin@karelia.ru

КАРЕЛИЯ И ФИНЛЯНДИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (историко-культурные связи)

В статье рассматриваются историко-культурные связи Финляндии и Карелии в исторических рамках эпохи Средневековья на археологических материалах с привлечением данных смежных дисциплин.

Ключевые слова: археология, культура, этнокультурные контакты приграничных народов

Этнокультурная история древних карел, вепсов, саамов и русских, издревле проживающих на территории Карелии и в приграничье с Финляндией в тесном контакте друг с другом, имеет длительную историю создания фактического археологического материала и данных смежных дисциплин. В течение более чем века археологи России и Финляндии накопили большую археологическую информацию в виде коллекций предметов, каталогов, полевых отчетов. Археологические памятники раннего Средневековья на Карельском перешейке стали известны благодаря работам П. Т. Швиндта (1851–1917). Будучи уроженцем Ряйсяля (ныне пос. Мельниково Приозерского района Ленинградской области), с самого начала своей деятельности увлекся исследованием истории родного края, проводил в 1891 году раскопки в крепости Кякисалми (совр. Приозерск). Во время путешествия по Карелии собрал богатый материал, частично вошедший в его работы по крестьянским костюмам и карельской вышивке. Его этнографический опыт и глубокие знания в этой области сказались на высоком для того времени качестве

публикации карельских могильников [13], но в финляндской литературе в свое время она не получила признания, хотя, по словам К. А. Нордмана [26; 43], ни до, ни после Швиндта (а мы добавим: и до сих пор) таких обширных раскопок не производилось. Немаловажная работа проделана исследователем по сбору случайных находок, сохраненных его усилиями для науки. Эти находки иногда – единственные упоминания о некогда существовавшем памятнике. Докторский труд исследователя значителен по кругу освещенных вопросов: он содержит довольно подробное описание погребальных обрядов и материальной культуры, мужской и женской одежды, хозяйства и верований. Вопрос о происхождении культуры и ее связях с окружающими регионами Швиндтом не разрабатывался, за что его упрекали современники. С сегодняшних позиций эти потери не кажутся катастрофическими – публикация памятников сохранила свою значимость и пережила многие ранее выдвинутые гипотезы и теории.

Большие работы в Северо-Западном Приладожье или в Ладужской Карелии (имеются в ви-

ду территории по северо-западным берегам Ладоги и Карельский перешеек) проводил Я. Аппельгрэн (1853–1937; с 1906 года – Аппельгрэн-Кивало). В 1891 году опубликовал результат большого труда – огромную работу о фортификационных сооружениях (*muinaislinnat*) Финляндии, куда включены и памятники Северо-Западного Приладожья [11]. В работе представлены планы и результаты проведенных им раскопок в Куркиеки (Лопотти), Хямеенлахти, Суур-Микли, Тиуринлинна (Тиверск) и впервые дано описание укрепленных поселений летописной корелы. Для того времени исследование можно считать образцовым с точки зрения изданного материала и сбора топонимической номенклатуры. К. А. Нордман, анализируя этот период в финляндской археологии, видел причину такого состояния науки в слишком малом числе специалистов-археологов, которым приходилось заниматься многими делами, не имея возможности остановиться на детальной проработке научных проблем [26; 45]. Специализация в финляндской археологии началась с деятельности А. Хакмана и Ю. Айлио.

А. Хакман (1864–1942) – крупнейший знаток древностей железного века. Памятниками Северо-Западного Приладожья он не занимался, за исключением Тиуринлинна, в раскопках которого лично принимал участие. Но для нас важна другая сторона его деятельности – работа над каталогом новых приобретений по железнному веку Исторического и Национального музеев, регулярно печатавшихся им в журнале «*Finsk Museum*» с 1909 по 1925 год. Благодаря заботам Хакмана современные исследователи имеют представление обо всех случайных находках и раскопках в Северо-Западном Приладожье.

Диапазон научных интересов А. М. Талльгрена (1885–1945) простирался вплоть до Сибири. Он прошел археологическую подготовку в Швеции, затем, заведя кафедрой археологии в Дерптском университете, организовал археологические исследования и охрану памятников в Эстонии, осуществил свою идею издания ежегодника «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*», посвященного археологии Западной и Восточной Европы. И хотя кипучая деятельность не позволяла ему сосредоточиться на частных проблемах, он провел небольшие раскопки около Выборга и Рауту (совр. Сосново) и посвятил карельской тематике три обзорные статьи.

В плодотворной и разносторонней деятельности К. А. Нордмана (1892–1972) видное место уделено проблематике железного века Карелии. К слову сказать, его вполне справедливо называли кабинетным археологом. В опубликованной монографии [25] высказанные им суждения о происхождении карел, их взаимоотношениях с Новгородом, о влиянии Новгорода на развитие карельской культуры оказались прозорливыми и прогрессивными на фоне некоторого застоя, царившего в финляндской литературе 40-х годов XX века.

Позднее он издал несколько статей, посвященных некоторым памятникам древних карел.

Отсутствие планомерных археологических работ в 20-х годах XX века в Северо-Западном Приладожье тормозило накопление материала. Обычная практика выявления древностей в то время осуществлялась через проверку поступивших от местных жителей сведений. Лишь в конце 1930 – начале 1940-х годов исследованиями Э. Кивикоски (1901–1990), специалиста по археологии Фенноскандии, внесен существенный вклад в изучение и публикацию древностей Северо-Западного Приладожья. Ею раскопаны погребальные памятники в районе Сорвала и в Саккола-Патъя (Ольховка), а также курганы на Олонецком перешейке. К числу заслуг исследовательницы нужно отнести доброкачественную, по сравнению с материалами 1920-х годов, полевую документацию. Кивикоски выполнила грандиозную работу по созданию каталога древностей Финляндии и Северо-Западного Приладожья [17]. В итоге к началу 1939 года в археологических коллекциях Национального музея (г. Хельсинки) третья часть приходилась на изделия из Северо-Западного Приладожья и около 40 % – на предметы каменного века, найденные в Карелии [15; 137].

В 70-х годах XX века в Северо-Западном Приладожье отрядом Института археологии АН СССР (теперь ИИМК РАН) под руководством А. Н. Кирпичникова осуществлены раскопки крепости Корела и разведочные работы в Тиверске [5]. С 1970 года и по настоящее время археологические работы ведутся под руководством С. И. Кочкуркиной. За этот период изучались объекты с топонимами «линनावуори» и «линнамьяки», вскрыты большие площади (более 3000 м²) на городищах Тиверск, Куркиеки-Лопотти, Хямеенлахти, Соскуа, Паасо, исследованы могилы островов Риеккала и Мантсинсаари и т. д. [7], [8]. В опубликованных книгах представлены важные результаты полевых исследований, проанализирована богатейшая материальная культура с привлечением данных естественнонаучных дисциплин, охарактеризованы письменные источники и топонимические свидетельства, раскрывающие многообразный историко-культурный фон, на котором происходило зарождение и формирование древних карел.

Большой вклад в создание источниковой базы Северо-Западного Приладожья внес А. И. Сакса, опубликовавший результаты исследования на финском языке [31]. Наиболее результативные полевые исследования осуществлены им в Кууппала – Калмистомяки в 1985–1987, 1995 годах (вскрыто более 500 м²). На исследованной территории выявлены культурные слои эпохи неолита и раннего металла, 25 погребений X–XV веков, а также предметы из разрушенных погребений. На городище Хямеенлахти А. И. Сакса в 1987 году исследовал средневековый слой на площади 52 м². Им раскопан

также комплекс Ольховка (169 м²), состоящий из селищ, ритуальных куч и жертвенных камней. При археологических исследованиях территории древней крепости Корела на рубеже 80–90-х годов XX века (раскопки А. И. Саксы и П. Уйно) обнаружены строительные остатки, существовавшие на острове до возведения крепостных сооружений, и, предположительно, следы разрушенных погребений VIII–XIII веков, которые позднее были уничтожены при строительных работах. Территорию Выборгской крепости и ее окрестностей в 1980-х годах изучал А. В. Тюленев, на рубеже XX–XXI веков – А. И. Сакса.

Ю.-П. Таавитсайнен в работе о древних крепостях Финляндии лишь перечислил 25 крепостей Северо-Западного Приладожья, упомянутых в конце XIX века Аппельгреном [34], но позднее [36; 432–434] специально остановился на древних карельских крепостях и подчеркнул трудности, связанные с их классификацией, поскольку сооружались они с разными целями; датированием, так как вещественные доказательства порою скудны и противоречат радиоуглеродным датам; и разным предназначением. Он не верит в былые мифы, согласно которым линнавуори, расположенные в пределах видимости друг друга, передавали информацию с помощью сигнальных костров, что было доказано опытным путем. Таавитсайнен не согласен с распространенным в литературе мнением, что крепости предназначались для защиты населения со всем его имуществом и скотом – такое переселение в боевой обстановке на крутые возвышенности, по его мнению, связано с большим риском быть сразу всем уничтоженным врагом. Он предполагает, что населению легче было укрыться в лесу, на отдаленных островах и т. д. Но эти рассуждения идут от здравого смысла современного человека и вряд ли адекватны действиям населения в эпоху Средневековья.

В 1997 году вышло археологическое исследование о древней Карелии [38], в котором обобщены все имеющиеся археологические источники по этой теме, приведены различные точки зрения на спорные вопросы. К числу несомненных заслуг П. Уйно можно отнести богатый картографический материал. Ей удалось нанести на топографические карты не только важные археологические памятники, но и случайные находки (этим, к сожалению, активно воспользовались грабители археологических объектов), что российским исследователям по известным причинам сделать было трудно или почти невозможно. Основные позиции исследовательницы изложены в разделах коллективной работы Karjalan syntu. Книга написана в научно-популярной форме и рассчитана на массового финского читателя. По этой причине особо акцентируется внимание на вкладе финляндских археологов в историю исследования порою в ущерб заслугам и приоритету российских исследователей.

Научную ценность представляет раздел Х. Симола [33], впервые наиболее полно рассказывающий о карельской природе: растительном и животном мире, о новых палеоэкологических исследованиях в Северо-Западном Приладожье и Карелии. Однако все еще остается неразработанной методика использования данных естественно-научных дисциплин в археологических исследованиях. Проведенные палеоэкологические исследования в районе Сортавала, Куркиеки, Хийтола, на Валааме, Карельском перешейке показали наличие земледелия в I тыс. н. э., но синхронные археологические свидетельства присутствия населения в этом районе отсутствуют.

Большую ценность в книге Karjalan syntu представляет диалектологический обзор, в то время как топонимические данные почти не использованы, несмотря на фундаментальные разработки в этой области исследователей Финляндии. Для археологов важны результаты осуществленного недавно в Музейном ведомстве остеологического анализа на материалах археологических памятников (рукопись) [14].

Между тем, несмотря на фундаментальную источниковедческую базу, созданную несколькими поколениями археологов, по ряду существенных вопросов древней истории между исследователями России и Финляндии в силу ряда объективных причин и сложившихся традиций существуют различные точки зрения. Остановлюсь лишь на некоторых из них.

О хронологии и периодизации I–II тыс. н. э. в Европе, Финляндии и России существуют разные понятия. Доистория Финляндии представлена римским железным веком (0–400 гг.), временем переселения народов (400–600 гг.), периодом Меровингов (600–800 гг.), эпохой викингов (800–1025 гг.) и периодом крестовых походов (1025–1200 гг.). Для территории Карелии предлагаются несколько иные даты: средний железный век (300–800 гг.), период викингов (800–1100 гг.), период крестовых походов (1100–1300 гг.) [15; 562]. Для древностей Карелии, на наш взгляд, I – начало II тыс. н. э. точнее было бы назвать периодом возникновения Древнерусского государства и формирования этносов на Северо-Западе России. Понимая всю условность названий хронологических периодов, придуманных самими исследователями, видимо, во избежание путаницы на общеевропейском уровне, целесообразнее использовать, где это возможно, датировку по векам.

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН

В отечественной археологии вопросы реконструкции этнических процессов по материалам археологии и смежных дисциплин были всегда актуальными, а в области средневековой археологии почти обязательными. Западные археоло-

ги, напротив, относились и относятся к этой стороне археологических исследований весьма настороженно, вполне справедливо ссылаясь на ограниченность археологических источников при попытках воссоздания этноисторических систем (или конструкций). Сумма устойчивых и специфических свойств того или иного народа – язык, самосознание, физический облик, особенности духовной культуры – археологическими источниками не улавливаются, за исключением некоторых остатков материальной культуры. Один зарубежный исследователь даже назвал археологию наукой об отбросах, Л. Н. Гумилев откровенно посмеялся над слепой верой археологов в могущество археологических раскопок, когда они отождествляют творение с творцом и устанавливают аналогии между вещами и людьми [3; 55–61]. Иными словами, большая часть информации безвозвратно утеряна, и археологические данные представляют собой далеко не полные следы человеческого поведения. В 1997 году в Финляндии был организован симпозиум, материалы которого были опубликованы в книге «По тропам Севера. Корни финнов в свете современных исследований» [29]. Ю.-П. Таавитсайнен сформулировал несколько главных вопросов: меняется ли этнос при изменении культуры? В каких случаях речь можно вести о диффузии, а когда об иммиграции? Как установить корреляцию этнического и материального? Что может служить этническими маркерами? Исследователь приходит к неутешительному выводу: определить их сложно, поскольку археологические культуры не были постоянными, с одной стороны, а с другой – они были мультиэтническими, а сами маркеры – непостоянными, и на практике выявить их почти невозможно [35; 353–358].

Для традиционного направления этноисторических исследований характерна мысль, что народы определяют их язык. В результате современные прибалтийские финны всегда рассматривались как говорившие на финно-угорском языке, соответственно, германцы, балты и славяне – на индоевропейских языках. К. Вийк подвергает сомнению эти устоявшиеся взгляды. По его мнению, народ не может определяться по его языку, как ранее представлялось; народы могли изменять свой язык настолько, что те, кого мы сегодня называем прибалтийскими финнами и саамами, прежде говорили на нефинноугорских языках, тогда как современные германцы, балты и славяне в предшествующие тысячелетия могли говорить на неевропейских языках. Вероятно, смена языка была более обычным явлением, чем принято думать. Не следует ли определять народы более по их генетическим и расовым чертам, чем по их языку? [41; 5–6]

Генетические исследования, основанные на митохондриальном и Y-хромосомном полиморфизме ДНК, являются мощным инструментом детального анализа генетической истории чело-

века. Но, как считают финляндские исследователи, ответить на вопрос о прародине финнов на современном этапе развития науки генетика пока не в состоянии, поскольку сведения о генах языковых родственников скудны. Выяснение этих обстоятельств зависит от большого числа исторических случайностей. Торопиться с гипотезами не следует, поскольку использована только часть познавательных возможностей этого подхода [27; 297–306].

Несмотря на вышеперечисленные предостережения, по моему мнению, привлечение данных языкознания, топонимики, антропологии, естественно-научных дисциплин и письменных источников на современном этапе исследования не вызывает сомнений, хотя каждая из наук требует к себе особого подхода. Выявление устойчивых комбинаций этнических элементов, с помощью которых можно было бы определить конкретные этносы и которые, надо помнить, не постоянны во времени и пространстве, требует теоретико-методологического обоснования. Все это, по определению, должно минимизировать субъективность исследователей, скорректировать их спорные и неkritичные суждения.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДРЕВНИХ КАРЕЛ

Использование всего спектра источников по этнической истории древних карел позволило создать в общих чертах непротиворечивую картину, но некоторые спорные аспекты существуют, например происхождение племени корела. Этот вопрос долгое время оставался дискуссионным. Существовало несколько точек зрения на происхождение племен, объединенных этнонимом «корела». Представителями гуманитарных наук проделана обстоятельная и кропотливая работа, отклонены и представляют лишь библиографический интерес теории лингвистов и историков XIX века, так же как теории начала XX века о западно-финском происхождении карел. Формированию таких точек зрения способствовали и объективные обстоятельства, прежде всего – отсутствие археологических материалов I тыс. н. э. В последующие десятилетия исследователи, неудовлетворенные такими выводами, главное внимание стали уделять археологическим данным. А. М. Таллыгрэн, А. Европеус, К. А. Нордман считали мнение о переселении карельских племен с запада на восток необоснованным. Население, оставившее курганы, не могло принимать участие в формировании корелы, хотя наличие контактов корелы и веси отрицать нельзя [6]. По мнению крупнейшего финноугроведа Д. В. Бубриха [1], [2], разработавшего концепцию происхождения и этнического развития народа в XII–XVII веках, корела сформировалась на Карельском перешейке, но различные, пришедшие извне компоненты изменили ее – в IX века она называлась «кирьяла», и, видимо, ее первоначальный состав был иным [8;

сноска 4]. В последние годы в отечественной и зарубежной литературе древних карел рассматривают как качественно новое формирование, возникшее на базе местного, западно-финского, и пришедшего из юго-восточного Приладожья населения. Расхождения наблюдаются в том, какая из составляющих преобладала. Одни полагают, что на формирование корелы оказали воздействие в первую очередь западная Финляндия, Готланд и Новгород; другие признают тесную связь населения Карельского перешейка и юго-восточного Приладожья.

За истекшие десятки лет археологический материал I тыс. н. э., который смог бы существенно пополнить источниковую базу и внести ясность в вопрос о происхождении древних карел, практически не увеличился. По-прежнему исследователи оперируют скудной информацией, добытой еще в конце XIX – начале XX века, что неизбежно приводит к вольным трактовкам.

О ТЕРРИТОРИИ ЛЕТОПИСНОЙ КОРЕЛЫ

Историки, археологи, лингвисты и фольклористы считают, что в XII–XIV веках Карельский перешеек от северо-западных берегов Ладожского озера до северо-восточных берегов Финского залива с городом Корела являлся древнекарельским племенным центром. Этот вывод хорошо согласуется с топонимическими данными. Древнерусские летописи, берестяные грамоты довольно четко определяют территориальные границы корелы. Спорным остается вопрос о включении Миккельских озер (юго-восточная Финляндия, район Саво) в древнекарельский ареал. По традиционному установившемуся мнению, могильники Миккели представляют собой ответвление ладожско-карельской культуры [25; 191–196], [37; 192], [16; 271–272]. Однако позднее, под влиянием результатов раскопок новых, более древних, могильников, которые по своему строению напоминали могилы западной Финляндии, было сделано заключение, согласно которому культура Миккели является сплавом культур хяме и карел [12; 51–62].

Вместе с тем существующие общие черты между памятниками обоих регионов, как в погребальных обрядах, так и в сопровождающих вещах [8; 57–75], позволяют заключить, что их близость нельзя объяснить лишь культурным заимствованием. Речь может идти только о едином этническом регионе. Имеющиеся различия не противоречат этому выводу. Они естественны, поскольку этничность – это весьма изменчивый феномен, подверженный как внутренним, так и внешним влияниям. Естественно, возникает вопрос: по какой причине некая группа (или группы) древнекарельского населения решила переселиться в район Миккельских озер? Одни исследователи полагают, что в Карелии не было избытка населения и не было недостатка в хорошей земле, поэтому переселение в Миккели,

где занятие земледелием встречало известные трудности, не обосновано [31; 167–172], [34; 113]. Но нельзя забывать о том, что карелы пользовались разветвленной торговой сетью, охватывающей не только внутренние районы, но и западные и северные земли. Охотничьи маршруты, транзитная торговля через систему озер Сайма, а также по сухопутным дорогам влекли в Саво новых жителей из Карелии [28; 285], [19; 220–221], [20; 31–32]. О пребывании древних карел на далеких территориях говорят предметы, топонимические данные, письменные источники, предания [8; 35–36, 165–167]. Здесь мы имеем дело с третьей ситуацией, по Барту [13; 14], когда группы занимают различные ниши, обслуживают друг друга и являются взаимозависимыми, что создает немало возможных путей для контактов, в том числе и через торговлю.

В настоящее время исследователи остановились на взвешенной, компромиссной точке зрения, признающей не только древнекарельское влияние на культуру Саво, но и присутствие на этой территории древних карел [34; 105–107, 13], [18; 62–64], [38; 172–174], [15; 441–443], [31; 167–172].

Историко-культурные свидетельства, без сомнения, говорят не только о схожести культур Саво и Приладожской Карелии, объясняемой культурными заимствованиями, но и о едином этническом регионе. Однако территориальная удаленность, другое окружение, политические акции (Ореховецкий договор) привели к изоляции населения Саво, попавшего под власть Швеции. Населению Саво и Приладожской Карелии свойственны общие черты материальной культуры. Занимая промежуточное положение между землями корелы с востока и землями хяме с запада, население Саво испытывало влияние с обеих сторон. Тем не менее культура Саво оставалась самобытной, о чем свидетельствуют и археологические материалы. Длительное время она сохраняла первоначальные черты и традиции, но постепенно начала отличаться от культуры Карельского перешейка, а впоследствии и культуры русской Карелии. Усиление потока переселенцев из западной Финляндии в южную часть Карельского перешейка в конце XIII века способствовало распространению западных традиций, восточная граница которых большей частью соответствовала государственной границе по Ореховецкому договору.

Сказанное вовсе не означает, что район Миккельских озер был заселен только карелами. Безусловно, здесь проживали и хяме, и в результате этнических взаимовлияний выработалась своя оригинальная и самобытная культура.

Вывод о «карельскости» культуры Саво находит поддержку и в лингвистических материалах: «...есть все основания верить, – считает Х. Лескинен, – что население, переместившееся в Саво, было типично карельским и разговаривало на типично карельском языке». Этому не

противоречат некоторые заимствования из языка хяме, прослеженные на западном участке ареала диалекта саво, который по своему основному строению нужно считать продолжателем языка древней корелы [10]. Позднее он убедительно показал, что в восточных диалектах Саво имеется карельский субстрат [21]. Ю. Лескинен полагает, что в окрестностях Миккели ядром древнего Саво являлось первое западное дочернее поселение Ладожского побережья древней Карелии, хотя на этой территории проживали и древние охотники-промысловики, хяме и древние карелы. Несмотря на то что в диалекте саво заметна западная доля, основа языка все-таки древнекарельская. Западные черты не настолько заметны в языке, чтобы считать диалект саво результатом равномерного смешения диалектов хяме и древнекарельского [22; 448–449]. С этим заключением согласен и К. Пиринен, считающий, что у населения южного Саво есть четкие архаичные, указывающие на Ладожскую Карелию, корни, хотя в говорах Карельского перешейка в процессе развития они не сохранились. Он отметил в топонимии Миккели большую концентрацию названий с Karjala. Фамилию Karjalainen в самой древней переписи Саво носили 23 семьи; их больше, чем фамилий Härmäläinen и Lappalainen. Он полагает, что на прибывших из Ладожской Карелии указывают названия с *versä*, а на прибывших из-за границы карел – *venäjä* [28; 272–289]. Концепции о переселении древних карел с северо-западных берегов Ладоги в район Миккельских озер значительно ранее придерживались и другие исследователи [39; 35], [42; 156–160], [40; 33–40].

Кроме саво-карельской группы, известны и другие. По мнению Д. В. Бубриха [1], к XII веку сформировались следующие группы корелы: привыборгская, присайменская, приботнийская, корела в центральной части Карельского перешейка и ижора. Все они испытывали этнические влияния, одни в большей мере, другие – в меньшей, у одних преобладали западные элементы, у других – восточные. Именно эти обстоятельства привели к различию в материальной культуре. О «немецкой» городецкой (то есть привыборгской), семидесятской и кобылицкой кореле сообщают летописи.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ

Интенсивные историко-культурные и политические связи Финляндии и Карелии неизбежно связаны с вопросами приобщения к христианству. Зимой 1227 года Ярослав Всеволодович (внук Юрия Долгорукого, отец Александра Невского) двинул свои полки против народа хяме (*емь* русских источников), уже попавшего под влияние шведов, и, как сообщает, несколько преувеличивая, Лаврентьевская летопись [9; 449], «всю землю их плени». В том же году произошло крещение карел: «...послав крести множество

Карел, мало не все люди», то есть по распоряжению Ярослава Всеволодовича было крещено почти все население, проживавшее, скорее всего, в центральных районах Северо-Западного Приладожья. Датский исследователь Д. Линд [23] подверг критике достоверность сообщений Лаврентьевской летописи, в том числе и о крещении карел в 1227 году, по той причине, что новгородские летописи об этом событии не говорят. Это высказывание Линда активно поддержали зарубежные исследователи. Поскольку упоминание о крещении имеется только в Лаврентьевской летописи, создававшейся, по их мнению, в географически отдаленной Ростово-Суздальской земле, стало быть, известие о крещении карел явилось частью православной пропаганды в 1400-е годы. Однако я не могу согласиться с этими доводами. Логике исторических процессов того времени акция по крещению карел не противоречит. Причина, по которой сообщение появилось именно в ростово-суздальской Лаврентьевской летописи, объясняется тем, что Ярославу Всеволодовичу после жестокой борьбы достался Переяславль-Залесский в Ростово-Суздальской земле, в Новгороде же он был редким гостем.

Из краткого летописного сообщения непонятно многое: кто осуществлял крещение, каким образом оно происходило. Ясно, что принудительное крещение древних карел диктовалось общеполитическими и военными условиями: целью закрепить власть над населением, нейтрализовать шведское влияние, приостановить распространявшийся с запада католицизм на приграничные новгородские земли. Дальнейшие события показали, что такой способ решения территориальных споров в то время был необходим и оправдан. Согласно Ореховецкому мирному договору, заключенному в 1323 году, государственная граница отторгла западную корелу, попавшую под власть католицизма, шведских порядков и законов, от восточной, новгородской. По-разному сложились и их судьбы. Основная часть корелы, тесно связанная с Новгородом экономическими, политическими и культурными узами, осталась под его властью.

Религиозная сторона массового крещения карел в 1227 году оказалась на втором плане. Естественно, за короткий срок язычество искоренить невозможно. Большая часть населения, видимо, не изменила своих религиозных представлений. В археологических материалах XIII–XIV веков предметы религиозного культа редки. Известна также берестяная грамота середины XIII века, написанная русскими буквами на древнекарельском языке и содержащая языческое заклинание. К тому же и монастыри в Карельской земле возникли не ранее XIV века. Новгородские архиепископы Макарий (послание великому князю Ивану Васильевичу 1534 года) и Феодосий (грамоты 1543 и 1548 годов) были обеспокоены стойким сохранением языческих

обрядов у карел и их соседей. Они слали грамоты-инструкции, напоминая многочисленным адресатам – чуди, ижоре, кореле – о необходимости и обязательности соблюдения православных обрядов. Поучала карел и католическая церковь. В середине XVI века финский епископ М. Агрикола в предисловии к «Псалтыри», финскому переводу псалмов, укоряет финнов и древних карел за их пристрастия к языческим обрядам, верованиям и культам.

В Финляндии процесс христианизации проходил иначе. Обращение западно-финского населения в католичество произошло довольно безболезненно, в то время как в восточной Финляндии, где новгородское влияние оставалось сильным, вопрос о проникновении православия остается спорным. Х. Киркинен полагает, что ощутимые контакты с христианской религией происходили в эпоху викингов, поскольку и финны, и карелы находились на пути, связывающем в это время Скандинавию и Византию [4; 26]. Известно, что ранние христианские термины проникли в финский язык из древнеславянского: поп (*parpi*), поганий, язычник (*pakana*), крест (*risti*), кум (*kummi*), Библия (*gaamattu*). Поэтому Киркинен считает маловероятным, чтобы православие полностью обошло стороной Финляндию, через которую проходил этот восточный путь. Но после установления шведского правления и западной церковной организации следы восточного влияния были сведены к минимуму.

В работе «К вопросу о христианизации Финляндии. Исследование религии на основе археологических данных» П. Пурхонен [30] впервые рассмотрела вопросы религии на археологическом материале. Однако выявление конкретных археологических предметов в качестве христианских символов и мотивов, как и использование археологического материала в целом при освещении вопросов религии, требует научного обоснования. К примеру, могут ли носимые на шее подвески в виде креста быть определены связанными с христианскими символами? Исследовательница сама признает, что найденные на территории Финляндии подвески были либо скандинавскими, либо восточно-балтийскими, либо новгородскими. Ранние христианские импульсы, по ее мнению, появились в западной Финляндии со стороны Скандинавии. Что касается христианских импульсов из восточной Балтии еще в эпоху викингов, то предположение исследовательницы было почти сразу раскритиковано ее соотечественником Ю. Луото [24], так как в эпоху викингов народы южного побережья Балтии еще оставались язычниками.

Пурхонен считает, что западные христианские погребения в районе Турку появляются в XII веке, хотя языческие могильники с большим количеством погребального инвентаря еще продолжали существовать. В этой связи интересны топонимы, связанные с православным влиянием: г. Турку (от русского *торг*) и Пааскунта (от рус-

ского *погост*), данные, видимо, купцами-христианами из Новгорода. В южной центральной части Финляндии, на территории Хяме, согласно Пурхонен, христианство было внедрено силой во время так называемого второго крестового похода, то есть около середины XIII века.

На побережье Ботнического залива, в устье р. Кемь, отмечены православные личные имена в названии хуторов и объектов ландшафта по всему течению реки, а также такие названия, как часовня (*sääsinä*), монастырь (*manasteri*).

Что касается восточной Финляндии, то на таких кладбищах, как Микели, Тууккала, Висулахти, датирующихся XII–XIV веками, большинство погребений сопровождалось обильным инвентарем, далеким от христианской обрядности. К тому же в могильнике Висулахти обнаружено жертвоприношение бычка, что не может свидетельствовать в пользу христианства. На могильнике Каускила (XIV–XVI века), где обнаружено несколько языческих погребений, основная масса представлена поздними христианскими захоронениями. В 1500-х годах он был известен как христианское кладбище, позднее на нем была сооружена часовня. Следовательно, эти материалы свидетельствуют о сходной ситуации с христианизацией как на Карельском перешейке, так и в приграничных с Карелией районах Финляндии, хотя Пурхонен утверждает, что территория Микели была христианизована с запада наперекор Карелии.

Итак, в результате исторического подхода к реконструкции древнекарельского этноса по археологическим источникам с привлечением сведений из области лингвистики и диалектологии, топонимики, антропологических данных и письменных свидетельств удалось воссоздать модель древнекарельского этноса со всеми присущими только ему особенностями материальной и духовной культуры. Зарождение и проявление этноса проходили в определенной историко-культурной обстановке I – начала II тыс. н. э., в конкретных природных условиях и среде обитания, сформировавших особенности поселенческой структуры и хозяйственной деятельности населения. Специфические формы материальной культуры были изменчивы и зависели не только от личных вкусов и пристрастий (особенно это касается женских предметов украшений), но и от активности и географической направленности торгово-культурных связей. Приобщение к христианству внесло свои коррективы в археологический набор признаков. Политические события государственного масштаба (войны, международные договоры и т. д.) приводили, с одной стороны, к усилению самосознания древних карел, подчеркиванию самобытности и защите своих рубежей, а с другой – к изменчивости территориальных границ, исходу карел со своих традиционных мест заселения и, в конечном счете, к существенным изменениям основных маркеров этноса.

ПРИМЕЧАНИЕ

SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск: Госиздат, 1947. 51 с.
2. Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 5. Л., 1971.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Деп. ВИНТИ. № 1001–79 Деп. Вып. 1.: Звено между природой и обществом. М.; Л., 1–14 марта 1979.
4. Киркинен Х. История Карелии с древнейших времен до Ништадтского мира // История карельского народа. Петрозаводск: МП Барс, 1998. 322 с.
5. Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 275 с.
6. Кочуркина С. И. Рец. на кн.: Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. // Советская археология. 1975. № 2. С. 303–305.
7. Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы (V–XV вв.). Л.: Наука, 1981. 159 с.
8. Кочуркина С. И. Древняя корела. Л.: Наука, 1982. 215 с.
9. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Вост. лит., 1962. Т. 1. 578 с.
10. Лескинен Х. Карелы и Саво с точки зрения исследователя языка // Происхождение Карелии. Йонсуу, 1976. С. 139–148.
11. Appelgren H. J. Suomen muinaislinnat // SMYA. 1891. № 12.
12. Äyräpää A. Katsaus Savon muinaisuuteen. Viidennet museopäivät Kuopiossa 1938. Helsinki, 1939. S. 51–62.
13. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organisation of Culture Differences. Boston, 1969.
14. Hedelin H. Osteologisk analys av material från finska Karelen, nuvarande Ryssland, Museovirasto. Käsikijoitus, 2000.
15. Karjalan synty. 1. osa. / Ed. Saarnisto M. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy., 2003.
16. Kivikoski E. Suomen esihistoria // Suomen historia I. Porvoo, 1961. S. 271–272.
17. Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973.
18. Lehtinen L. Mikkelin seudun kalmistot osana Savon varhaishistoriaa // Kalmistojen kertomaa. Rautakautinen Mikkelin seutu idän ja lännen välissä. Mikkeli, 1994.
19. Lehtosalo-Hilander P. - L. Esihistorian vuosituhannet Savon alueella // Savon historia I. Kuopio, 1988.
20. Lehtosalo-Hilander P. - L. Rautakautinen Mikkelin seudulla // Kalmistojen kertomaa. Rautakautinen Mikkelin seutu idän ja lännen välissä. Mikkeli, 1994.
21. Leskinen H. Pohjois-Karjalan murteet – silkkaa Savoa vai katoavaa Karjala? // Carelia rediviva. Joensuu, 1987. S. 77–95.
22. Leskinen J. Karjalaisten kielimuotojen alkuperän arvoitus // Karjalan synty. Jyväskylä, 2003.
23. Lind J. Sjögrens Häme-teori og de russiske Krøniker // Historisk Tidskrift för Finland. Årg. 62, 1977.
24. Luoto J. Suomen varhaiskristillisyyden kokonaisuus // Muinaistutkija. 1999. № 2. S. 53–57.
25. Nordman C. A. Karelska järnåldersstudier // SMYA. 1924. № 34.
26. Nordman C. A. Archaeology in Finland before 1920. Helsinki, 1968.
27. Norjo R. Mitä geenitutkimus voi kertoa suomalaisista? // Pohjalan poluilla. Suomakaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki, 1999.
28. Pirinen K. Savon keskiaika // Savon historia I. Kuopio, 1988.
29. Pohjalan poluilla. Suomakaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki, 1999.
30. Purhonen P. Kristinuskon saapumisesta Suomeen // SMYA. 1998. № 106.
31. Saksa A. Rautakautinen Karjala. Joensuu, 1998.
32. Schwindt T. Tietoja Karjalan rautakaudesta // SMYA. 1893. № 13.
33. Simola H. Karjalan luonto ja ihminen // Karjalan synty. 2003. S. 81–107, 110–115.
34. Taavitsainen J. - P. Ancient Hillforts of Finland // SMYA. 1990. № 94.
35. Taavitsainen J. - P. Etnisiteetin määrittelyn ongelmat ja savolainen kaskikulttuuri // Pohjalan poluilla. Suomakaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki, 1999.
36. Taavitsainen J. - P. Karjalan muinaislinnat // Karjalan synty. Jyväskylä, 2003.
37. Tallgren A. M. Suomen muinaisuus // Suomen historia I. Porvoo, 1931.
38. Uino P. Ansient Karelia. Helsinki, 1997.
39. Voionmaa V. Suomen karjalaisten heimon historia. Helsinki, 1915.
40. Westerholm M. Esihistoriallinen kalmisto Sairilan seudulla Mikkelin pitäjässä // Suomen museo, 36. 1930.
41. Wiik K. Foreword // The roots of peoples and languages of Northern Eurasia 1. Tartu, 1998.
42. Ylönen A. Jääskin kihlakunnan historia 1. Forssa, 1957.

УДК [94(47) + 271.12]"15/18" (093)

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЯКОВА

кандидат исторических наук, доцент, руководитель Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК) на историческом факультете ПетрГУ, доцент Российской истории в университете Йёэнсуу (Финляндия)

irina.chernyakova@onego.ru

**АНДРУСОВ МОНАСТЫРЬ НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ:
К ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В КАРЕЛИИ**

*Посвящается светлой памяти Сакари Вуористо,
многолетнего издателя просветительского журнала
«Karjalan Heimo»*

В центре внимания автора – история карельского Андрусова монастыря в период раннего Нового времени. Монастырь, именовавшийся в те времена Андреевской Андрусовской пустыней, оказался вовлеченным в перипетии борьбы новгородской митрополии с сохранявшимся в Карелии старообрядчеством. На основе вновь вводимых в научный оборот, в том числе открытых автором, архивных документов восстановлена событийная история обители, столетиями отсутствующая в традиционной официальной историографии церкви.

Ключевые слова: история Карелии, история церкви, старообрядчество, Андрусов мужской монастырь, источниковедение, историография

ЗАГАДКИ ИСТОРИОГРАФИИ

История старинной карельской обители, «красовавшейся, – как писал Е. В. Барсов в середине 80-х годов XIX века, – на восточном берегу Ладожского озера при небольшом заливе» и имевшей «местоположение... в высшей степени веселое и чарующее» [14; 1], выглядит изученной и прочно утвердилась в историографии в многократно повторенной версии валаамского игумена Дамаскина¹ (рис. 1). Мне известны три издания: первое, датированное 1856 годом, хранящееся в Ново-Валаамском монастыре (Хейнавеси, Финляндия); второе – 1884 годом, атрибутированное в каталоге РНБ в Санкт-Петербурге как вышедшее из-под пера иеромонаха Иосифа; и четвертое, с неустановленным авторством, увидевшее свет в 1905 году, о чем можно судить по пометке цензора

Рис. 1. Андрусово-Николаевская пустынь.
Литография П. Бореля по рисунку с натуры Марии Р.д..вой
из книги игумена Дамаскина [11]

иеромонаха Александра [11], [12], [13]. Это, по всей видимости, последнее из дореволюционных переизданий труда о. Дамаскина, с названием «Андрусова-Николаевской пустыни Олонецкой губернии историческо-статистический очерк», как и предыдущие, подверглось объявленному на обложке исправлениям и дополнениям лишь в завершающей части, имеющей заголовок: «Внешний вид, нынешнее состояние и достопримечательности обители». Первая часть, касающаяся истории монастыря до его упразднения в 1764 году, повторялась в одной и той же интерпретации в дореволюционных изданиях и продолжает повторяться в наши дни, спустя еще почти целый век после поворотного для России 1917 года.

Все три издания абсолютно раритетны и практически неизвестны широкой научной общественности, будучи малодоступными. И если в Ново-Валаамском монастыре, обитающем ныне в одном из бывших крестьянских хуторов в финляндской провинции Хейнавеси, нам не слишком охотно, но все же разрешили сделать фотокопии иллюстраций из древнего сочинения о. Дамаскина, то в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга, куда удалось специально с целью ознакомления с одноименной брошюрой попасть на один день, просьба о ксерокопировании вызвала столь негодующую реакцию хранителя, что об этом не могло быть и речи.

Имеющееся же в отделе краеведения Национальной библиотеки РК в Петрозаводске IV издание было обнаружено мною в некотором смысле мистическим образом. Книжка почему-то не была отражена в каталоге и поэтому как бы не существовала. И когда Сакари Вуористо, главный редактор (в 1984–2006 годах) финляндского просветительского альманаха «Karjalain Neimo», с которым нас связывали творческие и дружеские отношения и с которым вместе несколько лет тому назад было решено написать для его журнала серию авторских – его и моих – очерков об этой полузабытой карельской монашеской обители², сообщил, что наткнулся в Интернете на упоминание среди имеющейся в Петрозаводске дореволюционной краеведческой литературы книжки о монастыре Адриана Андрусовского, в то время как я прошу его съездить в Хейнавеси и сделать там ее копию, с этим непросто было примириться. Издание в отделе нашли быстро, продемонстрировав незаурядный профессионализм. Но обращаясь с просьбой о его разыскании можно было только настаивая на том, что, будучи упомянутым в некогда опубликованном в Интернете перечне редких книг, должно же оно существовать хоть в каком-то виде на полке. Библиотекари не могли поверить в возможность кем-то созданной ситуации, которая в конце концов была исправлена, но так и не нашла объяснения.

Всякий раз история Андрусова монастыря, написанная на Валааме в середине позапрошлого

го века, дополнялась сведениями о непосредственно предшествовавшем очередному переизданию (пересказу) книжки периоде жизни и деятельности обители. Относительно недавно, будучи востребованной в рамках большой просветительской работы Петрозаводской епархии, история эта, в которой достоверные исторические события тесно переплетены с безосновательными утверждениями, была изложена снова. Ю. Н. Кожевникова сообщила в дополнение к еще раз повторенной, ставшей уже традиционной, версии, что по известным ей данным к 1904 году «пустынь находилась далеко не в цветущем состоянии», что в 1917 году она была закрыта и что на ее «бывших землях организовали хозяйство имени Володарского» [20]. Эта лапидарная констатация – все, что имеется в историографии о последнем тридцатилетнем периоде истории монастыря, предшествовавшем его упразднению.

Не касаясь здесь целого спектра исследований [15], [27], [21], уделяющих внимание личностям, чьими деяниями творилась история, – самому основателю св. Адриану Андрусовскому (*Андрей Завалишин, владелец «волостки Микифоровской»* [7; 72] – позднее «*Микифоровское поместье Завалишина*» в Кондушах [9]) и возродившему Андрусову пустынь в первой четверти XIX столетия после периода полного запустения валаамскому игумену Иннокентию (*местный уроженец, крестьянский сын Морув из деревни Рижскалицы Туксинского прихода* (см. подробнее: [27; 82–97])), отметим, что в историографии хорошо известны имена целой плеяды настоятелей, активно благоустроивших монастырь на предпоследнем этапе его существования: Тихона (1817–1820), Кирилла (1820–1822), Иосифа (1826–1835), Феодора (1835–1852), Мефодия (1852–1857), Власия (1857), Гавриила (1857–1859), снова Мефодия (1859–1875), Арсения, Моисея, Зосимы, Антония, Савватия (1875–1878) и Геннадия (1878–1883). Некоторые из них были выдающимися строителями и игуменами, о чем и во втором, и в четвертом переизданиях «историческо-статистического очерка» содержится должная информация [12; 16–21], [13; 19–23]. Там же находим описание архитектурно-ландшафтного облика монастырской усадьбы (более полное – во II и в значительной степени сокращенное – в IV) на начало 1880-х годов, а также перечисление реликвий – древнейших икон, старых книг, памятных подарков и подношений (см.: [13; 26–34]).

Приходится констатировать, что при всем внимании к деталям существования Андрусова монастыря после его возрождения в XIX веке и повторяемым из очерка в очерк полулегендарным подробностям, относящимся ко времени его основания, по крайней мере два периода буквально «выпали» из поля зрения авторов известных нам изданий. Относительно второго – наступившего сразу после игуменства иеромонаха

Геннадия, который управлял одновременно Сяндемской и Андрусовской пустынями в конце 1870 – начале 1880-х годов, можно заметить, что в целом причины исследовательского пренебрежения объяснимы. Но вот что касается первого – включившего в себя особый, выделяющийся в истории всей Европы как «долгий, – по емкому выражению Фернана Броделя, – XVII век» (цит. по: [22; 162]), датируемый примерно пятнадцатью, а то и шестнадцатью десятилетиями (с 1550-х по 1710-е годы), невнимание к нему всех, кому так или иначе приходилось писать об Андрусовском монастыре, ставит вопросы, ответы на которые отнюдь не так очевидны.

Итак, что именно известно о монастыре и его существовании до эпохи Петра Великого? В историографии наличествует целый ряд изложений царских грамот, даровавших обители ежегодное хлебное содержание, освобождавших иноков от взимания пошлин на дорогах при провозе соли и других монастырских запасов, а также отводивших им богатые рыбной тони на Ладожском озере. В целом они подтверждаются опубликованной Е. В. Барсовым копией. Знаком подлинности для историка явилось известие о проведенной игуменом Иннокентием сверке известного ему списка со снятой в 1808 году для новгородского митрополита Амвросия с хранившегося в монастыре оригинала («с привесной печатью красного воска... на шелковом красном шнурке» – согласно описанию документа, данному самим игуменом) копией жалованной грамоты Василия Шуйского (см. приложение к [14; 17–19]). Все цитаты из этих грамот вновь приведены недавно в обстоятельном Интернет-очерке Н. М. Коняева [21]. Не углубляясь еще раз в пересказ известных фактов о крещении дочери царя Ивана Грозного Анны (ошибочно именуемой Анастасией Н. М. Коняевым и Ю. Н. Кожевниковой) преподобным Адрианом (1549), его мученической гибели на обратном пути и предании земле спустя два года обнаруженного монахами тела (1551), о разорении пустыни в ходе Ливонской войны (1579), краем своих батальей захватившей Карелию («выжжен немцами», – сообщает Макарий [23]), и о том, что братия «около 1585 года получала ругу на 15 человек» [23], заметим, что этим традиционно и ограничивается событийная история Андрусова монастыря в наиболее ранний период его существования.

Общепринятое знание о следующем периоде – между только что указанным известием от 1585 года и восстановлением обители усилиями валаамского игумена Иннокентия в 1718 году, то есть с последней четверти XVI до первой четверти XVIII столетия, сводится к трем кратким заключениям, сделанным о. Дамаскиным и в почти дословной передаче «кочующим» из издания в издание. Пусть они прозвучат снова, так как свою задачу я вижу в том, чтобы, опираясь на архивные и опубликованные тексты, наполнить

общепринятые и многократно повторенные в историографии констатации действительным историческим содержанием. Как будет показано, простая проверка их информацией широко известных документальных источников ведет к немедленному и убедительному опровержению.

Первое утверждение: «...братство пустыни в первое еще пятидесятилетие ее существования было довольно значительно и управлялось игуменами, но к сожалению ни которого из них имени неизвестно...» (цит. по.: [13; 9]). Второе – «...в несчастные времена междоусобия и Андрусов монастырь, несмотря на отдаленное свое положение, испытал на себе лютость врагов нашего отчества: храмы Божии в нем ограблены, иноки частью побиты, частью разогнаны! Место святое заустело...» (цит. по.: [13; 16]). Третье – «...собравшееся братство начало уже сглаживать следы истребления, но нападения шведских и польских ватаг опять разорили его почти до основания. Около 1687 года в Андрусовских развалинах устроилась девичья уже обитель под управлением строительницы Феклы, которой с сестрами дана была сборная книга для возобновления разрушенной пустыни. Однако ж и это общество божиих тружениц вскоре принуждено было искать убежища в ином месте...» (цит. по.: [13; 16]).

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

Размышления относительно первого утверждения начнем с замечания о значительности братии. Оно, несомненно, базируется на информации о *руге*, рассчитанной на полтора десятка человек. «В 7056 [1546] году, – утверждал о. Дамаскин, – царь Иоанн Васильевич особенною грамотою повелел дьякам Новгородским "с Рождества Христова с году на год ругу вместо милостыни давать: игумну – 5 коробей ржи, 5 коробей овса, да 2 пуда соли, да гривну новгородскую денег; на 15 братьев – на брата по 2 коробьи ржи, по 2 коробьи овса, да по пуду соли, да по 2 алтына денег; да Пречистой и Николе Чудотворцу – 2 пуда меду на канун, по 2 пуда воска на свечи, да пять коробей пшеницы на просвиры"» (цит. по.: [13; 9]). Монастырь, таким образом, во второй половине XVI века должен был получать существенную поддержку от государства. Всего в Андрусову пустынь, если верить цитате, в пересчете на современные меры ежегодно поступало 30 *коробей*, то есть не менее 6300 литров, зернового хлеба (5250 – ржи и овса, и еще 1050 – пшеницы); 17 *пудов*, то есть почти 277 кг, соли; два пуда меда (33 кг) и четыре пуда воска (66 кг), а также без малого две сотни «новгородок» (194 деньги) серебром.

Что же до неизвестности имен управителей Андрусова монастыря, то это не соответствует действительности: они сохранены писцовыми описаниями 1563 и 1582/83 годов. По свидетельству составителей первого из них – писцов

Андрея Лихачева и подъячего Ляпуна Добрынина, в начале 60-х годов XVI века игуменом был Иона, он руководил жизнью и деятельностью обитавших здесь 17 старцев [8; 75]. Спустя двадцать лет, в начале 1580-х годов, в недавно разоренном монастыре, при церкви Николы Чудотворца, уцелевшей, вероятно, только потому, что была редчайшим в Карелии тех времен не деревянным, а каменным храмом, буквально на пепелище сожженной церкви Введения Богородицы и восьми келий жили и трудились, восстанавливая свою обитель, черный поп Сергей и два сумевших пережить трудные времена старца, что было засвидетельствовано писцом Андреем Плещеевым и подъячим Семеном Кузминым [7; 72].

Второе утверждение из процитированных выше и вовсе не отражает реальной ситуации в монастыре во времена междоусобиц. Хотя, по-видимому, он подвергался нападениям бродивших по всему Северо-Западу России бандитских формирований в лице всякого рода авантюристов из шведов, литовцев, казаков, повяток, мечтавших поживиться в разоренном Смутной государстве, но место святое вовсе не запустело. Как позволяют утверждать записи писца Мины Лыкова и подъячего Якова Еуфимьева, сделанные в 1620 году, вскоре после заключения Столбовского мирного договора (1617), положившего конец войне с ближайшим соседом России в карельском приграничье – Швецией, обитель каким-то чудом не слишком пострадала. Лишь была сожжена в 1613/14-м (в год избрания царем Михаила Романова) окружавшая ее деревянная ограда. Обе церкви – стоявший здесь издавна каменный храм Николы Чудотворца и вновь возведенная на месте сожженной в 1579 году шведами деревянная церковь Введения Богородицы – на этот раз уцелели. Не были разрушены ни трапезная, ни коровнический, ни конюшенный дворы. Внимательные наблюдатели, посланные из центра с целью отследить состояние всех православных церквей и монастырей в карельском приграничье после только что минувшего лихолетья – составить дозорную книгу, записали, что Андрусов монастырь обитаем, в нем семь келий, в которых черный священник Левкей и «пять братьев да четыре человека слуг» [2; 48].

Наконец, третье из приведенных выше некогда сформулированных и утвердившихся в историографии заблуждений заслуживает особенно пристального внимания, так как исключает из истории монастыря сразу целый век. Недавно оно повторено вновь, в еще более упрощающей ход событий интерпретации: «Едва только начала восстанавливаться Андрусова пустынь, как пришло Смутное время. И снова жгли храмы обители, снова убивали иноков... И снова пытались восстановить пустынь при царе Михаиле Федоровиче, но снова пришло военное разорение... В 1667 году на развали-

нах Андрусовской пустыни попытались устроить девичью обитель...» [21]. (Все отточия в цитате соответствуют авторскому тексту Н. М. Коняева. – И. Ч.)

Однако, как только что показано с опорой на свидетельства современников, к началу XVII столетия Андрусов монастырь был восстановлен и в драматичные времена лжедмитриев уцелел. И уж совершенно нелепой в свете исторического материала, дошедшего до наших дней из тех времен, выглядит применительно к его состоянию в 1687 году (у Н. М. Коняева – ошибочно 1667-й) характеристика «Андрусовские развалины». Впрочем, действительно, за два года до этого – в 1685-м – монастырь был «переустроен» из мужского в женский. Но лучше обо всем по порядку.

АНДРУСОВ МОНАСТЫРЬ В ПЕРИПЕТИЯХ «ДОЛГОГО XVII ВЕКА»

Впервые «монастырь на Ладожском озере под Андрусовым носом на Салме Андрусова пустыня» упоминается в изученных нами исторических материалах начала 60-х годов XVI века. Писцовая книга сохранила свидетельство посетившей обитель кадастровой комиссии о том, что старцы (17 человек) и коровник Микитка во главе с игуменом Ионой вполне успешно сочетали молитвенное служение с хозяйственным обеспечением своего существования. Пашни вблизи самого монастыря не было. Однако зерновой хлеб, по-видимому, все-таки сеяли, так как два ближайших к монастырю острова *Городицкий* и *Андрюсов* числятся в документе как «пашенные». При коровническом дворе был распахан еще один небольшой участок, возможно, занятый под огород. Иноки активно ловили рыбу и неводом, и сетями, и особой местной снастью, именуемой *котцы*. Благо, по жалованной грамоте за пустынью были закреплены несколько богатых тонь: *Вяшкичи*, *Габержна*, *Сухая Лудоша*. Очень хорошо ловился сиг, особенно в осеннюю пору. Для монастырского молочного стада накашивали немалое количество сена («пол-70 копен», что значит 65), причем сенокосы держали как на издавна разработанных пожнях в *Ламбе*, *Ятезме* и *Андрусове*, так и на так называемом *новотеребе* – вновь расчищенной от кустарника болотной ниве. Держали монахи также мельницу одноколесную на речке *Велдуше*, работавшую, по всей видимости, не только на их монастырский обиход [8; 75].

Писцовая книга, сообщая, что «Никола Чудотворец да другая церковь теплая Введение Пречистые» стояли здесь уже в 1563 году [8; 75], удостоверяет тем самым древность двух храмов Андрусовой пустыни. Обычно в старой историографии с этой целью прибегали к цитированию надписи, которая была выбита на пожертвованном монастырю в самом начале 1550-х годов из Новгорода 11-пудовом колоколе: «Лѣта 7060 сентября 4 дня новгородецъ Василій Юнинъ Ко-

телниковъ в Ондрусову пустынь Введѣнія Пресвятыя Богородицы да Святителю Николѣ Чудотворцу» (цит. по: [13; 12])⁴.

Спустя двадцать лет, согласно следующей по времени составления писцовой книге 1582/83 года, монастырь только-только начал восстанавливаться от постигшего его несчастья – разорения, принесенного сюда на исходе Ливонской войны, в 1579-м, шведами (для писца – в соответствии с общепринятой манерой того времени – это были *немцы*). Однако ни молитвенная, ни хозяйственная жизнь не прекратились. Церковь Богородицы была сожжена, но каменный храм Николы Чудотворца уцелел. Семь келий «братских» и келья игумена, так же как монастырская ограда, были сожжены, но в стоявшем за монастырем коровнищем дворе срочно возводили какое-то подобие обитаемых помещений, и на строительстве уже всюду трудились «черный поп Сергей да два старца», сумевшие каким-то образом выжить в тяжкие времена нашествия. По-прежнему не было при самом монастыре пашни, но «пашенные острова» числились за ним, как и раньше, и те же 65 копен сена исправно ставились на пожнях и на новотеребе как запас для монастырских коров на зиму. Обращает внимание, что промысловые угодья явно разрослись за прошедшие с прошлого писцового описания два десятилетия. Теперь у здешних монахов появилась собственная «утечная ловля» – можно думать, место, где регулярно ставили силки на дикую птицу. И еще более успешно, чем ранее, занимались они рыболовством, не только сохранив за собой упоминавшиеся ранее тони в *Габезне* и *Сухую Лудошу*, особенно производительные по осени для ловли сига, но приобретя еще право постоянно промысливать в устье реки Видлицы. Тут уже и неводами, и сетями, и еще одним местным приспособлением – *гарвами* – ловили круглый год, причем не только всякую мелкую рыбу типа корюшки, но и сига, и даже лососей. Промысел был настолько выгодным, что монахи взяли на оброк у новгородского архиепископа рыбное место на Видлице вверх по течению за погостом («повыше Егорья Святого») с тем, чтобы установить заколы («кол через всю реку») на эту высоко ценимую уже тогда рыбу. «А оброку, – зафиксировал писец Алексей Плещеев, – плотят владыке за ту рыбную ловлю 6 рублей московскую» [7; 72].

Монастырская усадьба Андрусовой пустыни не упоминается в массовом описании территории Карелии, имевшем место в 1616–1619 годах⁵, тем не менее сама писцовая книга проливает свет на это загадочное отсутствие. При внимательнейшем чтении каждой строчки доступного мне в осыпающейся ксерокопии текста той части документа, что касается вотчины новгородского митрополита в Ильинском Олонецком погосте, удалось обнаружить сколь искомое, столь и неожиданное известие. Понять эту фразу может только имеющий опыт работы с массо-

выми источниками раннего Нового времени. Обычно исследователь в поисках интересующей его информации просматривает многие сотни заполненных убористой скорописью страниц, следуя исключительно рубрикации, введенной составителями – писцами, так как читать подряд бесконечные перечни имен и лапидарные перечисления угодий, присутствующие в этих источниках, составленных для кадастрового налогообложения в виде тысяч однообразных констатаций, занятие малоувлекательное и как будто бы малорезультативное. (Замечу в скобках, что представленное Петром Воейковым и дьяком Иваном Льговским писцовое описание «монастырским и помесным землям», сделанное ими по результатам инспектирующего объезда Заонежских погостов в 1616–1617 годах, вызвало, по-видимому, недовольство в Москве своей неполнотой, так как спустя два года, в июле 1619-го, здесь опять оказался один из них – дьяк Иван Льговский с целью составить книги письма [и меры] «вновь» по монастырским вотчинам [10; 2–2 об.].) Как показывает анализ текста, нарекания были справедливыми. Писцы «пропустили» целый ряд вотчин как новгородских, так и местных монастырей. Можно догадаться, по каким причинам. Слишком велик был соблазн для монастырских властей утаить от кадастра вновь приобретенные, а нередко и самозахваченные в ситуации безвременья Смуты, хозяйственные угодья. Теперь дьяк Иван вынужден был добавить к наличествовавшим в первоначальном тексте писцовой книги заонежским и прионежским вотчинам Хутия, Вязицкого, Юрьева, Тихвинского, Важеозерского, Александро-Свирского и Палеостровского монастырей еще описания вотчинных владений Антониева, Колмова, Росткина, Муромского и Машеозерского монастырей, дополнив также перечни владений хутыньских и александро-свирских старцев ранее частично опущенной информацией.

Появился он и во владениях новгородского митрополита – «владычной вотчине на Олонце» – с той же целью ревизии и уточнения кадастра. Благодаря данному визиту история располагает информацией социально-экономического характера, уточненной с интервалом в два года относительно целого ряда деревень и владений. Так, Иван Льговский успел добавить в свой реестр «монастырек митрополей на озере на Сянзе» – Сяндемскую обитель, сохранив для нас ценнейшее свидетельство современника: «...а в нем церковь Троица Живоначальная, древяна клецки, стоит без пенья; да в келье чернец Вавило, питаетца милостынею, да семь мест келейных, а кельи сожгли и старцов побили немцы» [10; 17–17 об.]. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, как близко дьяк Льговский был от Андрусовской обители, но, к сожалению для исследователя, в эту часть территории Ильинского погоста, составлявшего вотчину новгородского митрополита, он так и не попал (рис. 2).

Рис. 2. Александровский монастырь, Андрусова и Сяндемская пустыни на карте Новгородской межевой конторы 1785 года

Из сетований самого писца, сохранившихся в тексте описания, становится понятно, что его «тое митрополичьи вотчины приказшик и старосты и крестьяне дозирати деревень и земли досматривать и мерить не пустили...». В ответ на доношения (*отписки*), передаваемые им в Москву, — можно думать, неоднократно, — и зафиксированные в Поместном приказе дьяком Иваном Мартемьяновым о том, что ему «мерить изнова не дали и самого его... из вотчины вон выслали», Иваном Льговским был в конце концов получен указ, согласно которому «тое митрополичью вотчину дозирати не велено, а велено ехать ко государю к Москве» [10; 65–66].

Следующее известное мне документальное известие датируется 1620 годом. Оно является несомненным свидетельством того, что «монастырь Ондрусов на озере на Ладожском» продолжал существовать, несмотря на драматичные времена междоусобицы, изобиловавшие нападениями наводнивших северо-западные пределы России бандитских шаек. Здесь по-прежнему те же церкви: каменная Николы Чудотворца и деревянная Введения Богородицы. Появилась «трапеза» — вероятнее всего, так писец Мина Лыков обозначил отдельно стоявшее здание со-

ответствующего предназначения. Тут же семь келий для обитания братии: пятерых монахов и четырех служек под руководством черного священника Левкея. Все так же нет у монастыря специально распаханых полевых пашен. Но кроме коровничьего двора упомянут «двор конюшенной», значит, в дополнение к молочному стаду были заведены лошади. Монахи всецело обеспечены рыбным промыслом: за ними закреплены ловли на Ладожском озере *Вяскиничи* и *Чюнбури*. Правда, сил у братии для поддержания хозяйства в должном порядке, по-видимому, не доставало. Дозорная книга бесстрастно сообщает, что ворота у скотного двора «огнели» и что так и оставалась руинированной сожженная «немецкими людьми» еще семь лет тому назад монастырская ограда [2; 48].

Совершенно необъяснимым выглядит отсутствие упоминания об Андрусовом монастыре в писцовой книге, которая была составлена в западной половине Заонежских погостов князем Иваном Долгоруковым и подьячим Постником Раковым спустя еще восемь лет, в 1628–1631 годах. Заметим, что до сего дня ни подлинник, ни какая бы то ни было копия этого документа в архивных хранилищах не найдены. Большая

удача уже то, что историография располагает своего рода конспектом источника, опубликованным в Олонецких губернских ведомостях в середине XIX века [9]. Публикация носит акцентированно выборочный характер и держит в фокусе внимания именно церковное землевладение и имущественное состояние монастырей, включая даже подробнейшие сведения о внутреннем убранстве храмов. К сожалению, проверить ее полноту в оставшейся вне поля зрения издателя части не представляется возможным.

Можно было бы решить вслед за предшественниками, что Андрусова пустынь по какой-то причине перестала существовать. Об этом как будто бы свидетельствует ее отсутствие не только в упомянутой публикации, заведомая конспективность которой оставляет место для сомнений, но и в *платежнице*, составленной на монастырские вотчинные, то есть населенные зависимыми крестьянами, земли Оштинского и Водлозерского станов по тем же писцовым книгам Долгорукова и Ракова. Усомниться в полноте данного текста не позволяет высокий авторитет издавшего документ С. Б. Веселовского. Тем не менее весомым аргументом в доказательство исчезновения этого митрополичьего монастырька с тогдашней карты Карелии отсутствие упоминания о нем в *платежнице* служить не может. Ведь никаких платежей в государеву казну с нее и не полагалось. В документе ясно сказано: «...а помещитцкая и монастырская пашня в живущие выги и в сошное письмо не положена, потому что тое землю помещики пашут сами на себя, а монастырскую пашню пашут на монастыри монастырские слушки и денетыши» [1; 229]. К тому же вполне вероятно, все еще действовал запрет для государственных дьяков и подьячих на въезд в митрополичью вотчину в Ильинском Олонецком погосте. Еще и десяти лет не прошло с того момента, как владыка получил милостивое повеление государя о прекращении каких бы то ни было контролирующих проверок в его землях на Ладожском озере, что известно из неожиданно донесенных до наших дней писцовой книгой сетований раздосадованного дьяка Льговского, записанных им не ранее июля 1619 года.

В конечном счете наши сомнения, приведшие к архивным разысканиям, не могли не увенчаться успехом. О том, что монастырь продолжал существовать на протяжении «долгого XVII века», неопровержимо свидетельствует целый ряд других документов.

Во-первых, имеется в виду дошедшая до наших дней внутримонастырская книга записей прихода и расхода, день за днем составлявшаяся ответственными андрусовскими старцами в том же самом году, когда князь Долгоруков с помощниками ездили по погостам, выявляя в каждой деревне обитаемые дворы и глав семей в них, а также учитывая придеревенские крестьянские пашни и уголья

для определения их в *тягло*. Неукоснительно фиксировавшиеся в обители колоритные записи о тратах и приобретениях сохранились в виде документа соответствующего формуляра за 1628/29 год [5 а]. Кроме того, мне известны еще семь таких же приходорасходных книг Андрусова монастыря: за конец 1630 – начало 1660-х годов.

Во-вторых, нельзя не упомянуть об отдельных, но от того не менее значимых эпизодах из того же периода существования пустыни, открытых при чтении документов канцелярии олонецких воевод, архивная коллекция которой в настоящее время интенсивно публикуется на самом современном уровне средствами Интернета в руководимой мною Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии, действующей с 2004 года на историческом факультете ПетрГУ. В том, что коллективные усилия в поисковой архивной работе много более продуктивны, чем индивидуальные, студенты и соискатели, работающие над своими темами в рамках ИЛЛИМИК, убеждались уже не раз. Отмечаю и я с абсолютной признательностью информативное для моих размышлений об исторических судьбах Андрусова монастыря сообщение Е. Суловой и М. Проскуряковой об одном из дел, попавших в поле их зрения в процессе подготовки к опубликованию. Из челобитной солдатского высельщика Андрея Измайлова, адресованной на Олонец воеводам Терентию Васильевичу Мышецкому и Дружине Ивановичу Протопопову в последней декаде ноября 1662 года, ясно, что несуществовавший (согласно официальной историографии) местный монастырек содержал в Олонецкой крепости такое большое подворье «на приезд», что в нем можно было разместить более тридцати человек «салдат и салдатских отцов и братьи» с охраной (еще двадцать человек)⁶. Речь шла о «розборных и полковых беглых», которые «не дошед Велико-го Новагорода з дороги збежали», были в окрестностях Крошнозера и Коткозера «по лесом переиманы» и на стане в Горской волости собраны. Из-за того, что «те салдаты приведены без лошадей» и их в ожидании должного состояния дорог («покаместа зимний путь ставитца»), – объяснял порученец, – ему «в Горской волости беречь неким», так как занятым в их поимке олонецким стрельцам «кормитца нечим», потому что «хлеба на медные деньги купить не добудут», он всех солдат в сопровождении охранников отправил на Олонец для содержания под стражей «до отпуску в полки». «А будет в тюрьме места нет, – предупредительно и со знанием дела писал Андрей Измайлов, предвидя возможные осложнения для олонецкой администрации по прибытии полусотни голодных и уставших после многокилометрового перехода по осенней распутице местных крестьян-карелов (пашенных солдат) и их конвоиров (стрельцов), – по-ставить их на Ондрусовском подворье» [5 б].

Наконец, главное, что мне посчастливилось обнаружить в ходе архивной поисковой работы относительно Андрусовой пустыни, это исчерпывающе полные, детальные описания всего, что находилось в самом монастыре на рубеже эпох, как раз в рамках столь значимой в отечественной истории эпохи Петра Великого. Этими документальными текстами, именуемыми в архивной описи «переписными книгами», никого ранее не заинтересовавшими в составе знаменитой коллекции рукописных книг Научного архива СПб ИИ РАН (к. 115), собственно, и был спровоцирован мой интерес к давнему, – как оказалось, совершенно неизвестному, и не просто замолченному, но, вероятнее всего, сознательно скрытому, – эпизоду локальной карельской истории, важному в контексте истории Новгородской епархии и Российской церкви в целом, в один из полных внутреннего драматизма периодов ее существования.

ДВА ДНЯ ИЗ ЖИЗНИ ОБИТЕЛИ

С целью показать, когда на самом деле старинная карельская Андрусова пустынь пережила период полного, не поддающегося объяснению небрежения и запустения, не связанного ни с каким внешним военным нашествием, а также визуализировать масштаб постигшей ее драмы, предлагаю мысленно перенестись сначала в один из дней июля 1685 года, а затем в самое начало ноября 1715 года. Сделать это позволяют два впервые вводимые в научный оборот архивных документа. Они близки по формуляру, продиктованному одной и той же задачей – «переписать», то есть осмотреть и зафиксировать «в том монастыри в церквах божиих... образы, и *ризы*, и книги, и колокола, и всякую церковную утварь, и монастырское строение, и братью, и служебников, и в житницах молоченой хлеб, и к нынешнему... году насающую рожь яровой хлеб, и на конюшенном, и на воловьем дворах всякой скот, и монастырские мельницы, и пашенную землю, и сенные покосы, и рыбные ловли, и всякие угодыя». Результаты этих детальных обследований, или, пользуясь термином, имевшим хождение в тот же период в Западной Европе, визитаций, были зафиксированы в «Книге переписной Новодевичьего Введенского Андрусова монастыря» и в «Книге переписной Андрусова монастыря архимандрита Александро-Свирского монастыря Иллариона» соответственно в 1685 и в 1715 годах, с интервалом ровно в 30 лет [3], [4].

Итак, в 1685 году игумену Александро-Свирского монастыря Ермогену велено было Корнилием, митрополитом Великого Новгорода и Великих Лук, ехать в подведомственный ему Андрусов монастырь с указом «о устроении в нем девича монастыря». Событию такого рода, конечно же, должна была предшествовать полная ревизия. И она была произведена с участием

целой комиссии, в которую вошли протопоп главного храма Олонца – церкви Св. Троицы – Лев Иванов, олонецкий же священник Григорий Павлов, а также прибывший из Новгорода подьячий, служивший в Казенном приказе новгородской Св. Софии, Иван Викулов. Он, по-видимому, и явился составителем документа, списком которого в скорописи XVII века мы располагаем. Сохранился титульный лист с названием: «193-го году книги Введенского Новодевича Вондрусова монастыря Ондрияновы пустыни что на Ладоском». Скреп и заверок не обнаружено, лишь запись копииста, удостоверяющая, что в оригинале имелись подтвердительные рукоприкладства членов комиссии: «...у подлинных книг руки игумена Ермогена и протопопа и десяцкого...» [3; 16]

Что же увидели в Андрусовой пустыни прибывшие со столь чрезвычайными полномочиями члены высокой комиссии? Главная церковь, стоявшая внутри монастырской ограды, с алтарем в честь Пресвятой Богородицы была незадолго до этого возведена на месте прежней, имевшей то же посвящение. В отличие от церковно-предшественницы – клетской и, судя по сообщению о ней переписной книги 1678 года, составленной всего за семь лет до того июльского дня, события которого мы пытаемся мысленно восстановить, ничем не примечательной⁷ – теперь здесь возведен храм, хотя тоже деревянный, но «на взмостве, с трапезою теплою, и с келарскою, и с папертью». К тому же, что особо отмечено составителем описания, он был покрыт «тесом по полатному» [3; 2 об.]. Вторая церковь, каменная, посвященная Николаю Чудотворцу, тоже стояла «на взмостве» [3; 4 об.].

Внутреннее убранство обоих монастырских храмов не могло не поражать своим великолепием. В церквях комиссия, внимательно и неспешно изучавшая иконостасы и остальное убранство, тщательно зафиксировала все образы почитаемых святых, обращая внимание на качество и состояние икон. Неукоснительно отмечалось, были они «писаны на золоте» или «на красках», оценивались их *оклады* и *приклад*. «На том местном образе девять венцов серебряных резных золоченых, поля обложены окладом серебряным гладким золоченым, на середине оклад басмьянной золочен, у того ж образа Пресвятыя Богородицы крест аспидной зеленой в серебре, во главе и по ручкам бирюзы, да два камешки червцы, да четыре жемчюжины... – записывал в церкви Введения восхищенный Иван Викулов и, продвигаясь по храму от одного предмета к другому, продолжил, – против того образа лампада медная чеканна по смете пять фунтов» [3; 3 об.].

В записях, составленных при ревизии другого храма – Николы Чудотворца – находим еще более колоритные описания церковного убранства в традициях последней четверти XVII века. «На том местном образе, – диктовал Ивану Викулову кто-то из членов комиссии, рассматривая

оклад и перебирая украшения прикладов, – восьмнатцать венцов малых серебряных золоченых сканых, на той же иконе у Спасова образа и у Богородична венцы чеканные, гривенки басмянные; пелена над тем образом дорогильная, чер[в]леная, опушена тафтою лазоревою, крест н[а]шит кружива мишурного; перед тем образом свеча местная восковая, наlep жестяной» [3; 5 об.]. В яркие и сочные цвета – так же, как и повсюду в карельских храмах, – были расписаны двери царские, неременная деталь внутреннего интерьера любой церкви «столпцы», а также купол изнутри, или – в терминах того времени – «сень».

Читая документ, невольно приходишь к заключению, сколь многим был обязан монастырь своему тогдашнему строителю Иосифу⁸. Комиссия удостоверилась и зафиксировала, что именно при нем во многом преобразилось убранство церквей: престол в алтаре церкви Введения Богородицы, который ранее значился «позолочен[ым] крашениною», был «позолочен кумачем» и украшен покровом из камки, отороченной «кумачем красным» [3; 4]; наиболее почтаемый здесь образ Введения Пресвятой Богородицы был «внове при строители Иосифе писан красками на золоте» [3; 3]; в церкви Николы Чудотворца главная храмовая икона вместо *приклада*, имевшегося ранее: «гривенка чеканная с камешки да миса серебряная», ныне украшена серебряной *панагией* с золоченой сканью и двумя крестами аспидными в серебре, позолоченными и инкрустированными «камешки и 3 жемчужины» [3; 5 об.]; на месте перенесенного в теплую церковь образа Благовещения Богородицы «вновь при строители Иосифе написан образ Пресвятыя Богородицы Одегитрии, венцы и ризы писаны на золоте, пелена под тем образом бойчатая» [3; 6 об.]; «образ Александра Чудотворца Свирскаго местной написан внове... на золоте» [3; 6]; «евангелие на престольное печатное внове переплет[ено] в десть, поволочено бархатом червчатым, распятие и евангелисты басменные серебряные, застешки медные» [3; 7]. Были приобретены (изготовлены на заказ?) новые священнические облачения – ризы «тафтяные желтые струйчатые двоеличные, оплечья *изурбат* травчатой по зеленой земли, подолник выбойчатой полосатой, подложены крашениной лазоревой», еще одни ризы «червленые, оплечья *изурбат* полосатой, подолник тавтяной зеленой, подложены крашениной лазоревой» [3; 7 об.–8] и две *епитрахили*, также являвшие собой яркое и дорогое церковное облачение – о первой сказано: «...тавтяная зеленая, опушена дорогами червлеными, без пугвиц», о второй – «камка семная желтая, опушена дорогами полосатыми, пугвицы оловянные» [3; 8].

Радикально в сторону благоустройства изменился и архитектурно-ландшафтный облик пустыни. Тот же источник сообщает, что «над строителем Андреяном часовня новая рублена,

покрыта тесом» [3; 4 об.] и что «на монастыре на старом колокольнем месте внове колоколья построена при строители Иосифе на осми столпах, покрыта тесом, верх у колокольни шатровой, а на колокольни восемь слех с причелинами да на колокольни семь колоколов больших и меньших» [3; 9–10 об.]. Внутри ограды же размещались девять келий, в восьми из них жили монахи, а в девятой находилась пекарня («хлебная»). Очевидно, что активное строительство развернулось как раз в период, предшествовавший присылке комиссии. Из девяти келий о трех сообщается как о вновь построенных, в то время как об остальных шести сказано: «ветхие». То, что на берегу обнаружили сложившиеся в штабель пятьсот бревен и триста *тесниц*, нельзя не расценить как уже начатую активную подготовку к продолжению возведения на месте старых обветшавших келий для монахов еще нескольких новых. Кроме того, на берегу находились «поварня» и две «житницы», закрываемые на личные замки. В некотором отдалении от монастырской усадьбы стояла «мельница колесная», обслуживавшая нужды самих его обитателей («мелет про монастырской обиход», – сообщается в документе [3; 10 об.]). Безусловным знаком процветания монастыря в последней четверти XVII века является известие документа еще об одной мельнице: новой – «о двух службах со всем мельничным запасом», включавшим жернова и четыре *ступы*, которая была приобретена строителем Иосифом («его купли» – уточняется в документе) незадолго до приезда комиссии [3; 11]. Она стояла на реке Тулоксе в Тулоской волости близ деревни Терентьева Гора. По-прежнему владевший богатыми тонями на Ладожском озере монастырь располагал чуть ли не хозяйственной флотилией из деревянных судов: тремя лодками двоевесельными, двумя челнами, да к тому же еще имел в совместном равном владении с крестьянином из Тулоксы Степаном Михайловым Мергиным настоящую мореходную *сойму*.

Обращает внимание известие документа о том, что часть церковной утвари, находившейся в главном монастырском храме – «сосуды церковные *потир*, да *дискос*, да два блюда деревянные» – незадолго до прибытия комиссии для переустройства монастыря в «девичь» уже были изъяты и увезены в Великий Новгород в ризницу Св. Софии (по «словесной скаски игумена Иосифа взяты в Софейскую казну», – сообщает составитель документа [3; 4]). Также обращает внимание пристрастность, с которой комиссия ревизовала монастырь. Так, все церковное убранство детально сравнивалось и сопоставлялось с обозначенным в «прежних переписных книгах». Если обнаруживалось несоответствие, строитель Иосиф должен был немедленно дать объяснения. Выслушав его, составитель документа тщательно записывал: «На том же образе... написано трицать девять крестов серебряных, а ныне по досмотру тринадцать кре-

стов, а достолние дватцать шесть крестов с тое иконы по словесной скаски строителя Иосифа взяты, и обложен тем серебром крест благословящей». И тут же добавлял в подтверждение: «На том же кресте распятие воялшное серебряное» [3; 5 об.].

Закончилась акция так, как и было предрешено: в монастырь, процветающее состояние которого, по свидетельству вышеприведенных документальных известий, не может быть подвергнуто никакому сомнению, церковные власти заселили собранных по всем окрестностям женщин – «стариц», во главе со *строительницей* Феклой. Вместе с ней в кельях бывшей мужской Андрусовой пустыни вместо еще вчера хозяйствовавших под началом черного попа Иосифа и келаря Феодосия старцев Пафнодея, Лаврентия, Паисия, Ильи, Варлама, Корнилия, Игнатия и Иоанна и служек-вкладчиков, перечень имен которых история тоже сохранила³ (в целом из монастыря в тот черный день должен был удалиться 21 человек), разместились несколько групп женщин.

Во-первых, это были приглашенные из «города Олонецкого Рождественского погоста» старицы-монахини: *будильщица* Евгения, *поваренная* Ираида, *келарь* Анна, *чашиница* Ульяна, *житенка* Таисея и еще шестнадцать женщин (Дарья, Елена, Марфа, Пелагея, Феодосья, Марфа, Неонила, Марфа, Наталья, Анисия, Пелагия, Анисия, Варвара, Фекла, Киликия, Анастасия). Во-вторых, – пришедшие из Ильинского Низовского погоста восемь стариц: *казначей* Агафья, *посевная* Акулина в компании Евдокии, Парасковьи, Неонилы, Улиты, Марфы, Матроны. Третью группу составили привезенные с Мегреги, из Воздвиженской выставки, еще девять стариц: *хлебенная* Анна и ее подруги старицы Прокла, Таисея, Фекла, Екатерина, Катерина, Евфимия, Матрона и еще одна Евфимия. И, наконец, здесь же остались «Ондрусова монастыря пять стариц, которые жили преж сего на коровьем дворе»: Василина, Феврония, Марья, Евдокия и Каятелина. Всех вместе женщин – поименно перечисленных новых обитательниц нашей пустыни – оказалось сорок четыре.

Редчайшей исследовательской удачей можно считать возможность доподлинно выяснить, чем закончилось это властное вмешательство в жизнь отдаленной обители, и, более того, едва ли не воочию увидеть состояние того же монастыря спустя ровно три десятилетия благодаря наличию еще одного открытого нами исторического документального текста. Когда поздней осенью, 1 ноября 1715 года, сюда по указу Иова, митрополита Новгородского и Великолуцкого, прибыла комиссия во главе с Серапионом, архимандритом Александро-Свирского монастыря, в которую были включены иеродиакон Иосиф, монах *уставщик* Давыд, причетники ближайшего Ильинского погоста поп Мина Петров и дьякон Ермола Иванов, а также пономарь одной из

олонецких церквей – из Коблуковской слободы – Кирик Терентьев, *строительницы* Екатерины, отвечавшей за все в Андрусове монастыре, они здесь «не изъехали», то есть не застали. Более того, не оказалось в наличии и всех монастырских документов, в том числе переписных книг, которыми, по свидетельству родной ее сестры, *келаря* Еуфимии, «она... владела всем одна». Архимандриту Илариону «с вышеписанными сторонными людьми» ничего не оставалось, как предпринять полную ревизию монастыря, и он «вновь переписал все налицо» [4; 1 об.].

Картина, представшая взорам членов комиссии, не может не ужасать необъяснимостью очевидной разрухи и запустения. Начатое в последней четверти XVII века строительство новых келий, можно думать, не было продолжено, так как обо всех девяти сказано: «...ветхи, и кровли на всех горазно изгнили». «В иных, – бесстрастно зафиксировали члены комиссии, – и жить невозможно». Они стояли «пусты». Ничего сходного с прежним великолепием облика и убранства монастырских храмов – каменной церкви Св. Николая Чудотворца и деревянной Введения Богородицы – нет и в помине. Одна из стен первой из них, по-видимому, просто упала, ибо как еще можно понять фразу: «...стены с лица от югу валяютца ветхая» [4; 2]. О целом ряде поименно перечисленных икон сказано, что у них «поля отпрели», или «все перепрели и поля отпали» или даже «и лиц не знать». Так что замечание относительно образа Пресвятой Богородицы Одигитрии: «...мало лица знать» [4; 3–4 об.] воспринимается едва ли не как положительное исключение. В плачевном состоянии нашла комиссия не только иконы, но и книги в обоих храмах, подытожив перечисление более чем информативной фразой: «...все вышеписанные книги ветхие, а инные и розбитые» [4; 5 об.]. Церковная утварь, хранимая в алтарях, очевидно, не отвечала нуждам богослужения ни по ассортименту, ни по качеству. Перечисленными оказались: кадило медное, укропник медный, чаша для освящения воды («водоосвященная медная луженая резная», – в определении комиссии) да «три малых блюда оловянных» в целом на обе церкви. Перечень «посуду» – того, без чего повседневное существование монахинь тоже невозможно представить, чрезвычайно краток. Комиссии были предъявлены «два таза зеленой меди весом 4 *фунта*, да котлик [весом] 3 *фунта*, да другой котел зеленой же меди весом 7 *фунтов* з дужкой, *безмен* “двупудовой”, *яндова* медная весом 2,5 *фунта*, блюдо оловянное весом 3,5 *фунта*», в то время как все сковороды железные и еще три котла медных оказались «в закладе» у Никифора Панфилова.

Ни в какое сравнение с предыдущим описанием 1685 года не идет и наличествовавший в монастыре инвентарь. В целом 5 кос «горбушных ветхих», 13 серпов, 3 долота, 3 крюка, 2 заслона железных (уточнено, что «держанных»),

клещи, «да скобеж да буравец» – вот и все, что нашли члены комиссии при осмотре хозяйственных помещений [4; 5 об.–6]. Столь же небогатыми оказались и запасы необходимых для хозяйственных нужд товаров: шерсти овечьей («небитой», – не преминули уточнить члены комиссии) обнаружилось 16 фунтов (ок. 6 кг. – И. Ч.), кудели льняной и пеньки – всего по 6 и 5 фунтов соответственно. Для полноты картины заметим, что 27 шкур животных («кож коровьих и коневых», – в определении документа) находились «в деле»; можно думать, они были отданы на обработку кому-то из местных кожевников, упомянутому как «Родивонов сын» [4; л. 6]. В «платяном чулане у больницы» нашлись еще «шубенко ветчаная, два кафтана ветхих, рубашек 12 рабочих ветхих» [4; 6 об.]. По-прежнему во владении монастыря находились две рыбные тони. Ни о каких лодках или челнах, тем более о судне типа соймы вовсе не упоминается. Теперь, спустя треть столетия, только одна из ранее принадлежавших андрусовским старцам мельниц – «об одних жерновах да четыре ступы двоеколенное» – продолжала изготавливать муку и крупы на монастырский обиход [4; 6 об.].

Имеет смысл сравнить более детально хлебные запасы монастыря, хранившиеся в его житницах – стоявших за оградой двух амбарах, в момент переустройства и спустя треть века жизни и деятельности в навязанном ранге «девичи», то есть женской обители (см. таблицу). Как явствует из приведенных в таблице данных, в целом монастырские запасы накануне реорганизации исчислялись более чем в 20,6 тысячи литров зернового хлеба. При этом больше всего оказалось главного здесь на севере злака – ячменя, то есть жита (10605 л), овса обнаружилось чуть меньше (6405 л), ржи – еще меньше, но тоже вполне достаточно (3675 л), пшеницы не было вовсе. В целом содержание житниц мало сопоставимо: они предстали перед комиссией опустевшими более чем в десять раз. При этом обращает внимание не только чрезвычайное сокращение объемов хранимого зерна, но и иной расклад имевшегося хлеба. Если при рачительном хозяине, строителе Иосифе, наличествовали продуктивные и естественные для северных карельских широт злаки: жито, овес, рожь, то при строительнице Екатерине в житнице наибольшим запасом представлен овес, на втором месте – рожь, и только потом, в восемь раз меньшим количеством по сравнению с овсом и в пять – с рожью, – ячмень, или жито, которого даже меньше, чем абсолютно экзотической здесь пшеницы. Как не заметить, что опережающее расходование ячменя позволяет вполне обоснованное предположение о пристрастии обитательниц монастыря к кофе, традиционно приготавливавшемуся из ячменных зерен любимому напитку местных крестьян, а наличие пшеницы говорит о явных предпочтениях в рационе питания. Кроме собственно хлебных запасов три-

дцать лет назад, в начале лета 1685 года, в почве засеянных полей находилось более 12,5 тысячи литров зерна, и, можно думать, тогда по осени сестры-монахини, оставленные хозяйствовать вместо выселенной братии, должны были собрать неплохой урожай. Теперь же несомненным признаком полного нерадения является известие о том, что в начале ноября 1715 года, может быть, даже уже и под снегом, в полях оставались необмолоченные снопы – и овес, и рожь, и ячмень, в общей сложности 12 овинов, то есть не менее 7,5 тысячи литров зернового хлеба. В представленную ниже таблицу включены также сведения о поголовье монастырского табуна и стада домашнего скота «тогда» (25 лошадей, 37 коров, 10 быков и 23 овцы) и «теперь» (5 лошадей, 3 коровы, 2 быка и 13 овец).

Хлебные запасы	Годы	
	1685	1715
рожь	17 четвертей с осминой	5 четвертей
жито	50 четвертей с осминой	1 четверть
овес	30 четвертей с осминой	8 четвертей
пшеница		1 четверть с четвериком
засеянная рожь	3 четверти	
засеянное жито	15 четвертей	
засеянный овес	42 четверти	
засеянные бобы	четверик	
«немолоченое обилье ржи, жита и овса в полях»		12 овинов
ИТОГО запасов зерна в литрах из расчета: 1 четверик = 1/4 осьмины = 1/8 четверти = 26,2 л	ок. 20 633 в зерне ок. 12 626 в земле –	ок. 3 176 в зерне – ок. 7 560 в снопах
Домашний скот		
мерины рабочие («работные», «тяглые»)	10	1
кобылицы рабочие («работные», «тяглые»)	8	3
жеребята («жеребчик», «кобылка двулетъ малая»)	7	1
коровы (в т. ч. дойные)	23 (5)	2 (2)
телята (в т. ч. коровы-нетели)	14	1 (1)
быки (в т. ч. бычки-двулетки)	10 (8)	2 (2)
овцы (в т. ч. бараны)	23 (неизв.)	13 (1)

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Как и почему оказался обречен на драму запустения в конце XVII века вотчинный митрополичий монастырек в Карелии – «Вондрусова Ондриянова пустынь»? Вернемся к исходному тезису советской историографии: монастырь в Карелии – прежде всего сообщество людей, занимавшихся крестьянским трудом, коллективное хозяйство. Понятно, что это замечание как будто бы демонстрирует пренебрежение церковной – идеологической и главной – сущностью монашеского общежития, члены которого прежде всего являются лицами, посвятившими себя молитвенному служению Господу. Тем не менее за констатациями сугубо материального свойства, по-видимому, скрывается некая существенно значимая реальность. Деятельность монастыря как хозяйства (в том смысле этого слова, за которым стоит бытовая повседневность эпохи раннего Нового времени – XVI–XVII столетий, когда единственно возможным способом физического сохранения (выживания) и развития (воспроизводства) для любого локального человеческого сообщества являлось самообеспечение: выращивание злаков и овощей, содержание молочного и мясного скота, рыболовство и охота, равно как собирание хвороста и рубка

деревьев в окрестных лесах для обогрева жилищ) с неизбежностью предполагает неперемные для монахов крестьянские занятия – пахоту, сенокос, ловлю рыбы, огородничество, сбор грибов и ягод, уход за коровами и лошадьми, заготовку дров и тому подобные повседневные дела. Впрочем, в не менее обязательной степени следовало заниматься строительством, включавшим не только возведение храмов, но и келий для обитателей монастыря и их гостей, равно как конюшен и коровников, амбаров, риг, овинов и всякого рода клетей для хранения припасов и утвари, конской сбруи и того множества вещей, без которых было не обойтись в условиях тогдашнего уровня хозяйствования. Также невозможно представить монастырь того времени в Карелии, расположенный, как правило, где-нибудь в отдалении от крестьянских поселений, в лесу или на берегу озера, часто на острове, без ограды и других сооружений охранительного предназначения.

И действительно, во времена, о которых идет речь в данной статье, Андрусов монастырь являл собой натуральное, в обыденных своих трудах и заботах весьма похожее, по-видимому, на рядом существовавшие крестьянские усадьбы, хозяйство. Безусловно, это монастырское хозяйство должно было быть много более обеспеченным по сравнению с крестьянским. Об этом свидетельствует наличие значительных зерновых запасов: «ржи семьдесятчетвертей с осминою, овса тритцать четвертей с осминою, жита пятьдесят четвертей с осминою, муки дватцать четвертей с полуосминою, соли тритцать два пуда, масла коровья шесть пуд», – на исходе самого голодного по понятным причинам для тогдашних обитателей Карелии сезона – в июле [3; 10]. Показательно в этом смысле также то, что сугубо хозяйственные предметы – такие как канаты, якоря, сани, а также упряжь: седло с потниками и десять хомутов – зафиксированы хранимыми на момент составления анализируемой нами описи в «казне» монастыря как вещи особо ценные, наряду со «скатертями бранными» [3; 10]. О том, что в монастыре не гнушались сугубо крестьянских дел и занятий, говорит и наличие хорошо обустроенного коровьего двора. Он был расположен, как это обычно бывало в местных монастырях, несколько в отдалении, в данном случае «за губой», то есть на другой стороне залива, и был весьма внушительных размеров. Там стояли четыре хлева и амбар, рядом – за оградой – располагались рига и гумно. Отметим как свидетельство активного добывания средств для пропитания и наличие в монастыре большого количества снастей: неводов частого и редкого плетения, предназначенных для ловли разной рыбы, а также десятков мереж и небольших сеток, которые поштучно даже не считали, а просто фиксировали как «воротницу», под чем можно понимать специальное устройство типа ворота для их наматывания и хранения.

Рис. 3. Ворота Андрусова монастыря на фотографии 1942 года

Собственно, сама идея, с которой прибыла на ладожские берега комиссия: переустроить мужской Николо-Андрусовский монастырь во Введенский женский (*новодевичь*), заставляет предположить, что возглавлявший братию Иосиф не пользовался расположением церковной власти, сконцентрированной в митрополии Великого Новгорода. Даже очевидное благоустройство, предпринятое главой андрусовских старцев, не могло ничего изменить. Кроме уже упоминавшегося возведения нового большого храма здесь была построена («рублена») новая же часовня над местом захоронения основателя монастыря св. Адриана Андрусовского, также крытая тесом. Кстати, то обстоятельство, что именно в ней нашли место несколько икон, и среди них, как можно думать, самые древние: «Никола да мученик Дмитрий» («обе иконы длиною по три четверти аршина, писаны на красках», – сообщает источник), а также пятнадцать «пядниц», о которых лапидарно замечено составителем: «ветхи», вкупе с упоминанием здесь же Евангелия («писмянное в полдесть», на переплете «евангелисты медные позолоченные») и других старинных книг, представляется особенно информативно значимым. Уж не было ли это попыткой укрыть особенно чтимые традиционные образы и литургические книги от церковных властей, озабоченных проведением в жизнь мероприятий, диктовавшихся реформой патриарха Никона? Сюда, в глубокие карельские леса, гонения на приверженцев старых церковных порядков, на ревнителей истинного благочестия, как они себя именovali, dokатились много позднее, чем они имели место ближе к центру, к Москве или Новгороду.

Предшествовавшее прибытию комиссии изъятие наиболее ценных, возможно, весьма древних реликварных церковных сосудов тоже свидетельствует: власти готовились если не к закрытию монастыря, то к вытеснению из него строителя Иосифа. Лучшим предлогом для этого явилось, по всей вероятности, ходатайство Ермогена, игумена Александра Свирского монастыря или, что еще более вероятно, местной власти в лице Олонецкой воеводской избы. Волю олонецкого воеводы в делах, направленных против активно обозначавшихся то в одном, то в другом из подвластных ему Заонежских и Лопских погостов староверческих общин, деятельно проводил в жизнь как раз в те годы протопоп олонецкой церкви Св. Троицы Лев Иванов (см. подробнее: [30; 240], [31]). Само участие его в прибывшей для смещения строителя Иосифа комиссии наводит на вполне определенные раз-

мышления. Еще один член комиссии – Иван Викулов – мог принадлежать к известному в Карелии накануне петровских времен роду шунгских изможенных крестьян. Это, как и самое главное – кто персонально скрывается за монашеским именем главы андрусовской братии строителя Иосифа, еще предстоит выяснить.

Ясно одно – историческую ситуацию, которая вызвала появление ставших известными мне документов, нельзя считать ординарной, и она требует дальнейшего пристального исследования. Подвергнув аналитическому рассмотрению обнаруженные в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН материалы ревизий монастыря, имевших место в 1685 и 1715 годах, а также его приходорасходные книги за большую часть XVII века, еще раз критически сопоставив прочно устоявшиеся в историографии, несмотря на всю их очевидную поверхностность, утверждения с теми свидетельствами, что дошли до нас в материалах кадастровых описаний, удалось не только почти ландшафтно воспроизвести тогдашний облик этого небольшого, типичного для тех времен монастыря, выстроить картину его жизни и быта в особенно драматичный период истории, но восстановить целую эпоху, буквально вычеркнутую из истории легендарной карельской обители.

Невольно думается, что, вероятно, не всех и в прошлые времена удовлетворяла официально устоявшаяся версия ее истории. Во всяком случае, знание о драме переустройства, фактического закрытия, навязанного андрусовским старцам новгородской митрополией в последней четверти XVII столетия, не исключает, а наоборот, делает даже более объяснимым появление на ладожских берегах, столь далеких тогда от дорог цивилизации, царя Александра Павловича Романова. В 1819 году он неожиданно посетил монастырь в сопровождении одного лишь провожатого из местных крестьян, долго молился, а потом имел продолжительную беседу с братией¹. Будучи человеком, несомненно, глубоко верующим и теологически образованным, император вполне мог знать об Андрусове монастыре много больше, чем было официально принято считать достаточным. Приходится с сожалением констатировать, что и до сих пор остается принятым считать достаточной информацию, очень мало отвечающую требованиям историзма, судя по авторитетности издания, вновь опубликовавшего прежнюю версию истории древней карельской обители – Андрусовской во имя святителя Николы Чудотворца мужской пустыни¹⁰ [16].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Игумен Дамаскин (Дамиан Кононов) родился в Тверской губернии в 1795 году, умер на Валааме в 1881 году. Он стал игуменом в 1839 году (в возрасте 44 лет) и оставался в этом сане всю вторую половину своей жизни – 42 года. Думают, что именно в Андрусовой пустыни, посетив ее на обратном пути после паломничества в Соловецкий монастырь ок. 1817 года, он впервые услышал о Валаамском монастыре и после этого в первый раз отправился туда, чтобы позднее, в 1819 году, вернуться уже навсегда (см. подробнее: [32], [33]).

² Сакари Вуористо успел опубликовать свою работу (см.: [34]).

³ Здесь и далее все топонимы приведены в точном соответствии с тем, как они прочитываются в источнике.

⁴ О том, сохранился ли этот колокол где-нибудь до наших дней, мне неизвестно.

⁵ Заслуга введения писцового описания Заонежских погостов, имевшего место сразу по воцарении новой династии, в научный оборот в его полном варианте принадлежит автору данной статьи (см.: [29; 115–133], [30; 50–51]).

⁶ Как мне известно из документа, датируемого началом XVIII века, подворье Андрусова монастыря в Олонце занимало площадь ок. 500 кв. м, при этом подавляюще большую его часть к тому времени составлял огород (430 кв. м). Замечу для сравнения, что двор Александро-Свирского монастыря в то же время занимал площадь ок. 550 кв. м, заметно превышая всю городскую территорию андрусовских стариц, вместе же с огородом площадь подворья этого монастыря была почти вдвое большей (845 кв. м), в то время как подворье Сяндемской пустыни, не имевшее огорода вообще, занимало в два раза меньшую часть городского пространства (ок. 270 кв. м).

⁷ «...Монастырь Ондрусов Андреенова пустыня, а на монастыре церковь Введения Пресвятыя Богородицы древняя...» [6; 166].

⁸ Незадолго до описываемых событий, в 1680 году, игумен Александро-Свирского монастыря Ермоген писал митрополиту Корнилию о получении им четырех вкладных грамот на помин души князя Терентия Мышецкого, одна из которых предназначалась «в Андриянову пустыню в Вондрусов монастырь». Таким образом, есть основания полагать, что в последней четверти XVII века строитель Иосиф мог получить значительные средства для предприятия им «устроения». Однако в тексте документа, о котором мне стало известно от Е. Сусловой, работавшей с актами Новгородского Софийского дома, ничего о самом вкладе не сообщается. Речь идет лишь о внесении имени князя Терентия «в сорокоустную и в литии и в подстенной синодик» для поминания «с прочими вкладчиками по чину».

⁹ Пахомо Борисов, Гаврилка Иванов, Ивашко Селиванов, Елферко Ияков, Андрюшка Варфоломеев, Ивашко Иванов, Сенка Мокиев, Степашко Конанов, Дмитрейко Феодоров, Сидорко Иванов, Ларка Антипов (см.: [3; 12 об.]).

¹⁰ Из-за неверной трактовки части названия «Ондриянова», зачем-то разделенной на два слова со ссылкой на «опись 1582 г.» (можно думать, имеется в виду писцовая книга 1582/83 года), в официальное именование монастыря авторами издания, позиционирующего себя как один из самых полных сводов знаний по православию и истории религии, безосновательно введено имеющее смысловое значение уточнение: «Андреева новая» (!). Не останавливаясь на других небрежностях, заметим, что даже отсылка к архивному фонду оформлена с указанием давным-давно несуществующего названия самого архива: ЦГА Республики Карелия.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И ВЫШЕДШИХ ИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВ

Амбар – хозяйственная постройка для хранения зерна и других продуктов питания: муки, гороха, бобов, мяса, молока, меда; там же могли хранить одежду, иногда и сельскохозяйственный инвентарь [26].

Безмен – простейшие рычажные весы; русский безмен – металлический стержень с постоянным грузом на одном конце и крючком или чашкой для взвешиваемого предмета на другом [17].

Буравец – стальная полутрубка, желобок с винтовым носком и поперечно колодочкой, для буравления, сверления, проверчивания отверстий [26].

Гарба (также харва) – ставная сеть для ловли семги [28; 392–393].

Дискос – в христианских церквях один из литургических сосудов, блюдо на подножии с изображением младенца Иисуса Христа [25].

Ендова (яндова) – широкий сосуд с отливом или носком для разливки питей; медная посуда в виде чугуна, с рыльцем [19; 62].

Епитрахиль – принадлежность богослужебного облачения православного священника и архиерея – длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь [25].

Изурбат, или изарбат, то же, что зарбав (зербав, зербоф, изарбав) – ткань с золотой или серебряной нитью, золототканая ткань, парча [28; 80, 120].

Клеть – отдельная избушка для поклажи, без печи; чулан, кладовая [18; 92].

Коробья – короб, плетенный или выгнутый из луба; большая корзина округлой формы с крышкой; тара и мера объема для сыпучих и мелких штучных товаров; новгородская мера зерна в две четверти, после XVI века – в четверть; новгородская мера пахотной земли (по количеству высеянного зерна); в четверти считали $\frac{1}{4}$ кади = две осьмины = восемь четвериков = 64 гарнца = куль. Соответственно, можно думать, что в коробье как объемной зерновой мере должно было быть приблизительно 210 л (один гарнец считают равным 3.28 л) [24; 104].

Котец (мнж. число: котцы) – кошель, запруда для ловли рыбы [28; 351].

Овин (1) – места овин служил хлебной мерой, в которой считалось от двух с половиной до трех с половиной четвертей [19; 184].

Овин (2) – срубная постройка для просушивания перед молотью снопов хлеба (ржи, пшеницы, овса, ячменя), а также льна и конопли; сушка производится теплым воздухом от специальной печи [18; 437].

Оклад – накладное украшение на православных иконах, покрывающее всю иконную доску поверх красочного слоя, кроме нескольких значимых элементов (обычно лица и рук), для которых сделаны прорези [17].

Панагия, или панагийар – ящичек для перенесения части из просфоры, или частиц мошей, на одной стороне которого было изображение Спасителя или Святой Троицы, на другой – Божией Матери. Со временем панагии утратили вид ковчежцев и сделались небольшими, обычно круглыми, медальонами с иконой Божией Матери, носимыми на груди поверх облачения как знак достоинства [25].

Платежницы (платежные книги) составлялись в России в конце XVI–XVII веке по писцовым или дозорным книгам для сбора налогов и раскладки повинностей в течение ряда лет (до нового описания); приходные книги воеводских изб, в которых фиксировалось поступление с уезда прямых и косвенных налогов [18; 484].

Потир – священный сосуд в виде чаши, из которой совершается причастие священнослужителей и мирян [25].

Приклад – подношение верующих, даримые церкви и помещаемые рядом с почитаемой иконой. Ср.: «Приклад иконы представлял собой сокровищницу древних святынь» [25].

Рига – сарай, предназначенный для нескольких хозяйственных функций: сушки и обмолота зерна, изготовления инвентаря, иногда для содержания животных [24; 555].

Ризы – церковная верхняя одежда, облачение священника при богослужении, надеваемое на рясу, на подризник. Без ризы и епитрахили священник служить не может [19; 269].

Руга – в России XVI–XVIII веков средства, отпускавшиеся государством на содержание церковного причта, главным образом городских церквей и монастырей, не имевших земли или других источников дохода [18; 572].

Пуд – русская мера веса, равная 16,3 кг [24; 514].

Скобелж – возможно, от «скобель» – название плотничьего инструмента: орудия для сдиранья коры с бревен и для примитивного строгания; возможно, от «скобяной товар» – легкие железные изделия: скобы, крюки, задвижки [19; 629], [24; 590], [28; 643].

Сойма – русское старинное одномачтовое парусное судно грузоподъемностью в 10–15 т, известное на Ладожском озере уже с XI века [19; 648].

Строитель(ница) – главой монастырской общины мог быть настоятель, строитель, игумен, архимандрит; в женских монастырях – строительница, игуменья [17].

Ступа – металлический или тяжелый деревянный сосуд, в котором толкут что-нибудь пестом – коротким тяжелым стержнем с округлым концом, как правило, сделанным из меди [24; 416, 634].

Тесница – доска; встарь не пилили досок, а кололи бревно пополам и вытесывали из половинника по доске [19; 310].

Фунт – русская мера веса, равная 409,5 г [24; 701].

ИСТОЧНИКИ

1. Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1917. Т. II. Вып. 1. 490 с.
2. Дозорная книга Заонежской половины Обонежской пятины Мины Лыкова и подьячего Якова Гневашева 1620 г. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Кн. 979. 950 л.
3. Книга переписная Новодевичьего Введенского Андрусова монастыря 1685 г. // Научный архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Колл. 115. Ед. хр. 851. 16 л.
4. Книга переписная Андрусова монастыря архимандрита Александро-Свирского монастыря Илариона 1715 г. // Научный архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Колл. 115. Ед. хр. 852. 8 л.
5. Научный архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. а) Приходо-расходная книга Андрусова монастыря старца Серапиона, 5 сент. 1628 г. – 5 авг. 1629 г. // Колл. 115. Оп. 1. Д. 843. 4 л.; б) Челобитная Андрея Измайлова о высылке на Олонец из Горской волости беглых пашенных солдат в сопровождении стрельцов для содержания под стражей до отправки в полки, не позднее 24 ноября 1662 г. // РГАДА. Ф. 98. Карт. 4. Д. 99. Сст. 1–2.
6. Переписная книга Заонежских погостов Олонецкого уезда И. А. Аничкова, И. Н. Аничкова и подьячего И. Венякова 1678 г. // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 1137. Ч. 1. 186 л.
7. Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500 – ja 1600-luvulta. [Т.] III / Подгот. к печ. Ирина Чернякова; Под ред. И. Черняковой и К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 35–341
8. Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины Андрея Лихачева 1563 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Подгот. к печ. А. М. Андрияшев; Под ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. С. 57–254.
9. Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины Ивана Долгорукова и подьячего Посника Ракова 1628–31 гг. // Олонецкие губернские ведомости за 1850 г. № 12–48. 1851 г. № 1–2. Часть неофициальная.
10. Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины Петра Воейкова и дьяка Ивана Львовского // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 8554. 939 л.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11. Андрусова-Николаевская пустынь: Историческо-статистический очерк / Сост. усердием настоятеля Валаамского монастыря игумена Дамаскина / Изд. в пользу пустыни. СПб.: Типография Почтового департамента, 1856. 36 с.
12. Андрусова-Николаевская пустынь Олонецкой губернии. Историческо-статистический очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. Ерофеева, 1884. 35 с.
13. Андрусова-Николаевская пустынь Олонецкой губернии. Историческо-статистический очерк / 4-е Андрусова-Николаевская пустынь. СПб.: Типо-литогр. «Надежда», 1905. 35 с.
14. Барсов А. В. Андрей Завалишин и его пустынь: Исторический очерк // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете / Повременное издание под заведыванием Е. В. Барсова. 1884, октябрь–декабрь. Кн. IV. М.: Университетская типография, 1885. С. 1–17.
15. Барсов Е. В. Преподобные обонежские пустынножители // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 гг. Петрозаводск, 1869. С. 3–68.
16. Белякова Е. В., иером. Герасим (Шевцов), Соловьева И. Д. Андрусовская во имя святителя Николая Чудотворца мужская пустынь // Православная Энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/115434.html> – На рус. яз. Проверено 11.11.2008.
17. Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> – На рус. яз. Проверено 11.11.2008.
18. Гладкий В. Д. Славянский мир: I–XVI века: Энциклопедический словарь. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. 894 с.
19. Даль В. И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: Современное написание. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 348 с.
20. Коженикова Ю. Н. Андрусова пустынь // СРЕТЕНИЕ: Православное приложение к газете «Карелия». № 13–14, июль–август 1999. (См. также: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/Karelia/555/54.html>, <http://www.gov.karelia.ru/Karelia/559/42.html> – На рус. яз. Проверено 12.11.2008.
21. Коняев Н. М. Вразумитель пиратов: Рассказ о житии преподобномученика Адриана Андрусовского // СЛОВО: Православный образовательный портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/rus/history/56/2716/> – На рус. яз. Проверено 31.01.2008.
22. Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история / Пер. с фр. Н. В. Ефремовой // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 153–173.
23. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–96. Кн. IV: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/8815> – На рус. яз. Проверено 31.01.2008.

24. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. Изд. 20-е, стереотипное. М.: Русский язык, 1988. 750 с.
25. Открытая православная энциклопедия «Древо» [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://drevo.pravbeseda.ru/index.php?id=833](http://drevo pravbeseda.ru/index.php?id=833) – На рус. яз. Проверено 11.11.2008.
26. Словарь Даля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slova.ru/article/2311.html> – На рус. яз. Проверено 11.11.2008.
27. Спиридонов А. М., Яровой О. А. Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия (очерки истории Валаамского монастыря). М.: Прометей, 1991. 126 с.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 671 с.
29. Чернякова И. А. Население Олонецкого края в XVII веке (по писцовым и переписным книгам) // Вопросы истории Европейского Севера: (Социально-экономические проблемы) / Мужвузовский сборник. Петрозаводск: РИО Петрозаводского ун-та, 1988. С. 115–133.
30. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 295 с.
31. Чернякова И. А. «Родословное древо Андрея и Семена Денисовых» легенда или фальсификация? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://illmik.petrso.ru/Alkonost/history/DenisovsKin.html> – На рус. яз. Проверено 11.11.2008.
32. Panteleimon, abbot. Abbot Damaskin as a Spiritual Director // Valamo and its Message / Ed. by Einio Lainio and Niilo Kohonen. Helsinki, 1983. P. 106–114.
33. Paul, archbishop. Phases in the Spiritual Life of Valamo // Valamo and its Message / Ed. by Einio Lainio and Niilo Kohonen. Helsinki, 1983. P. 95–98.
34. Vuoristo S. Ondrusovan luostarin vaiheita 1500-luvulta nykypäiviin asti // Karjalan Heimo. 2005. № 5–6. S. 68–71.

СВЕТЛАНА ЭРККИЕВНА ЯЛОВИЦЫНА

кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета ПетрГУ
s-yalov@dr.karelia.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МИССИИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ПРИГРАНИЧНОМ ПРИХОДЕ (на примере северо-западных приходов Архангельской епархии в XIX – начале XX века)

Статья посвящена роли духовенства в жизни Вокнаволоцкого и Ухтинского приходов в XIX – начале XX века, которое кроме окормления прихожан часто выполняло идеологические и административные функции.

Ключевые слова: приграничный регион, Беломорская Карелия, православное духовенство, духовная миссия, административная и идеологическая функция, XIX век, начало XX века

Факт совмещения роли православного священника и охранителя государственных устоев в России не нов. Он не раз обсуждался в научной исторической литературе.

В данной статье, кроме рассмотрения очередного примера такого совмещения обязанностей, предпринимается попытка проследить, каким был набор задач православных священнослужителей в приграничье и каковы были последствия такого совмещения функций.

Система православных приходов на территории Беломорской Карелии начала формироваться только с середины XIX века. Это, однако, не говорит о том, что ранее православной церковной жизни здесь не существовало. Сведения епархиальной печати свидетельствуют, что уже к XVII–XVIII векам на территории второго благочиния Кемского уезда, куда входили ухтинские места, располагалось как минимум два прихода: Вокнаволоцкий (упоминается с 1767 года) и Панозерский.

Названные приходы охватывали громадные территории, в каждом из них было порядка

200 км². В конце XIX века на их месте было организовано около 10 новых приходов. Собственно Ухтинский приход был создан в 1846 году путем выделения ряда территорий из Вокнаволоцкого и Панозерского приходов. В конце 1880-х годов численность прихожан во всех этих приходах колебалась в районе 2,5 тыс. человек. Как считало епархиальное начальство, это было почти все население края.

Кроме проблемы территорий всегдашней проблемой этого северного приграничья было отсутствие кадров священников. Любопытен один из указов Духовной консистории от 1789 года: Духовная консистория указом от 22 февраля 1789 года за № 356 постановляла: «...а как в Вокнаволоцком приходе из давних лет по сие священника не имеется, то тебе благочинному Клюкину избрать из своего уезда церковника во священника и представить, ежели сторонних никого не окажется, Вокнаволоцкого пономаря Кирилу Елизаровского выслать непременно в Архангельск к производству, и хотя желать не будет, то всячески принуждать его к этому» [1].

Указанный источник также пояснял причины нежелания священников служить в Вокнаволоцком приходе: «В том приходе кормиться нечем, руги собрать не с кого, что ныне немалое количество годных крестьян взято в стрелки, а другие едва ли не все упражняются в казенных работах и сами претерпевают в пище недостаток».

Кадровые проблемы оставались актуальными для этих мест весьма длительное время. И дело было не только в нежелании здесь служить. Присланные сюда священники нередко становились объектами для разбирательств епархиального начальства и недовольства местных жителей. В архивных документах названных приходов XIX века по крайней мере трижды встречаются дела о подобных эксцессах.

В качестве иллюстрации приведем один пример. В июне 1807 года Кемское духовное правление вынуждено было принимать меры относительно пьянства и непристойного поведения священника Вокнаволоцкого прихода Михаила Кудрявина. Крестьяне Вокнаволоцкого прихода обвиняли его в следующем: «Кудрявин обращается в пьянство, но мы ему не противились (то есть ничего против этого не говорили. — С. Я.)... Если придет кто к нему для исповеди, недоразумев русских слов, то и при сем их бить, невзирая на то, что в храме Божьем, потому малознающие русского языка и явиться к нему не смеют... По позыву к родильницам для дачи молитвы и крещения младенцев от пьянства не может он его исправить, и потому без крещения оные младенцы умирают и погребаются... Хотя и небольшая при церкви была сумма, но священник без ведома мирского всю оную употребил на пьянство» [2]. По факту жалобы Кемское духовное правление начало следствие, в ходе которого выяснилось, что жалобы крестьян, хотя частично и преувеличены, но основаны не на пустом месте. Анализируя следственные документы, можно сделать следующие выводы:

1. Вокнаволоцкий священник М. Кудрявин не пользовался авторитетом среди прихожан.
2. Главной причиной отсутствия авторитета было незнание священником карельского языка, на котором говорили жители деревни, а также его злоупотребление спиртными напитками.
3. Для священника Вокнаволоцкого прихода существовала проблема больших расстояний между селениями, которые находились в его ведении. По этой причине он не мог в полной мере ни исполнять необходимые таинства, ни тем более заботиться о душепопечительстве своих прихожан.
4. Кудрявин был отправлен в Вокнаволоцк на должность священника в качестве наказания.

Однако расчеты консистории на «исправление» священника не оправдались. За описанный выше проступок М. Кудрявина сослали в Архан-

гельский монастырь навечно без права службы. Для Вокнаволока итогом следствия стало отсутствие священника. Святые таинства стал временно исполнять Стефан Камкин, изредка приезжавший в деревню.

Возможно, и не стоило бы так подробно останавливаться на этом событии 1807 года и делать на его основе далеко идущие выводы о слабости духовных кадров в приграничных приходах Беломорской Карелии, если бы и в середине XIX века эти же проблемы не возникали в приходе вновь и вновь.

Новая конфликтная ситуация случилась в 1852 году. Причиной конфликта между духовными лицами, как выясняется из материалов следствия, учиненного по этому делу Его Преосвященством, оказалась скандальная история, произошедшая в ночь на 7 января после литургии во время хождения по домам со Святым Крестом. Пьяные священник и пономарь подрались в доме одного из крестьян. «Пономарь Дмитриев стал ругать священника непристойными словами... кинул в священника чайником со святой водой...» [3]. Длительное и запутанное следствие по делу подтвердило вину обоих. Ответчикам было определено наказание — 3 месяца епитимьи в монастыре. Однако наказание смягчили, объяснив дело таким образом: «...но как высылка их на дальнейшее расстояние в монастырь соединена была бы с затруднением как для них самих, так и для начальства, для замещения по исправлению их обязанностей на время их отсутствия в приходе кем-либо из священнослужителей, то епитимью в монастыре заменить милостью на бедных. Взыскать с каждого из них 3-х месячное жалованье...» [4].

Духовные лица не являлись примером высокой морали и нравственности и часто не обладали авторитетом у местных жителей. По всей видимости, описанный случай не был исключением из обычного образа жизни духовенства, так как в делах следствия указывается, что подобное поведение духовных лиц вызывало недовольство и ропот прихожан. «Пономарь не первый раз так делает... ходит с песнями по ночам по деревне, что духовному значию неприлично, особенно против этого возстают раскольники» [5].

Примечательно последнее замечание, свидетельствующее, на наш взгляд, не только о сохранении религиозного благочестия среди староверов Вокнаволока, но и о том, что, несмотря на гонения против старообрядцев середины XIX века, последние поднимали свой голос в защиту морали и нравственности.

Для того чтобы у читателей не сложилось представления о случайном характере подобных происшествий, скажем, что сведения о служивших в Вокнаволоке и Ухте священниках в целом подтверждают факт частой смены духовных кадров. Анализ данных метрических книг приходов позволяет заключить, что на место священника в приходах не раз назначали лиц из со-

седних приходов или не прошедших полный курс богословских наук дьячков.

Каков же был состав духовных кадров Ухтинского и Вокнаволоцкого приходов в XIX веке?

Практически все служившие здесь в XIX веке священники были русскоязычными, и лишь некоторые немного знали карельский язык. Священников родом из Вокнаволока или Ухты не было, и лишь Камкины происходили из ближайшего Панозерья. В приходе предпринимались попытки подготовки священников из коренных жителей. Некоторые из них, такие как Василий Изюмов, прошли путь от псаломщика до священника (правда, в соседнем Войничском приходе). Но такие случаи были редкостью.

Жизнь и деятельность священников, безусловно, во многом определяла отношение прихожан к исповедуемой ими вере. Описанные выше нелицеприятные ситуации в этой связи могли оттолкнуть жителей Вокнаволока от православия. Однако не будем забывать, что фигура священника в западных волостях Беломорской Карелии – это не только фигура духовная. В определенной степени на священника возлагался ряд задач вполне светского содержания, а именно – образование детей. 12 января 1859 года в Вокнаволоцком приходе было открыто первое сельское училище [4]. Учителями и наставниками в нем стали священники. Священник осуществлял функции фельдшера, заполнял метрические книги. Он же выполнял и роль человека, ответственного за лояльность населения существующей власти. С фигурой священника у местного населения ассоциировалась не столько его духовная функция, сколько ее государственный статус. А отношение карельских крестьян к представителям власти предержащих часто было особым. От этих лиц могли терпеть и терпели многое.

Середина XIX века стала переломным моментом в положении православия в крае. Здесь активно создавались новые приходы, вводились дополнительные священнические должности, поощрялась работа по переводу на карельский язык богослужебных книг. С образованием приходов увеличилось число священнослужителей в крае, стали строиться часовни и церкви. Существенно увеличилось жалование священников, хотя это не поменяло ситуацию с их обеспечением кардинально.

Новым явлением в жизни прихода в 1870-е годы стала и деятельность образованной в Ухте секты «ушковайзет». Учение «ушковайзет» представляло собой некий симбиоз православия и протестантских течений. В богослужебной практике секты заметно присутствие лютеранских традиций. К выводу об общности секты с лютеранством пришла и комиссия, расследовавшая дело «ушковайзет». Итогом процесса, длившегося с 1876 по 1882 год, стал отказ главных идеологов секты от какой-либо причастности к ее деятельности. Наказание им было определено в форме духовного наставления епархиальны-

ми властями. Оценивая деятельность секты в истории исследуемых приходов, важно подчеркнуть следующее. Почва для быстрого роста сторонников сектантства была достаточно благоприятной из-за слабых позиций православия, связанных с вышеописанными трудностями. Кроме того, сами идеи и образ жизни сектантов (трезвенничество, знание и использование ими карельского языка в ходе проповедей, доступность вероучения) были весьма привлекательны для карельского крестьянства. Суд над сектантами и его решения воспрепятствовали дальнейшему широкому распространению этого учения, так как власти стали отслеживать движение и появление лидеров сектантов в приграничных деревнях. Тем не менее секта продолжала существовать тайно: в 1920-е годы в документах уже советских и партийных органов встречаются упоминания о ней. Деятельность секты «ушковайзет» вызывала беспокойство православного духовенства. Оно осознавало и причины возникновения подобного рода движений. В частности, было обращено внимание на языковую проблему, которая настоятельно требовала своего решения. Службы в православных церквях велись на церковнославянском языке, который плохо понимали большинство жителей. К началу XX века сложились своего рода языковые группы: финно- и карелоязычные коробейники-мужчины, карелоязычные женщины и дети, русскоязычные чиновники и использующее церковнославянский и русский язык православное духовенство. Понятно, что в условиях языковых барьеров трудно было рассчитывать на то, что прихожане будут понимать проповедь.

В 1894 году в епархии начала действовать переводческая комиссия, целью которой была подготовка переводов богослужебных текстов на «туземные или инородческие языки», в том числе и на карельский.

Обнародование Манифеста от 17 апреля 1905 года «Об укреплении оснований терпимости религиозных верований», признавшего юридически возможным и ненаказуемым переход из православия в другую христианскую веру, стало побудительной причиной для начала деятельности западных миссионеров в западных приходах Беломорской Карелии. Среди них были лютеранские проповедники, методисты и др.

В качестве противовеса миссионерской деятельности местное духовенство решило обратиться в полицию с жалобой на происки западных миссионеров, что, на наш взгляд, свидетельствует об особой (назовем ее «патриотической») роли духовенства в приграничном крае.

На съезде миссионеров архангельской и финляндской епархий, прошедшем в Ухте в декабре 1906 года, обсуждались вопросы укрепления православия в Беломорской Карелии.

Главной проблемой в обсуждении вновь стала языковая. Участники съезда понимали, что использование церковнославянского языка в карельских приходах поддерживает индифферент-

ность жителей к православной церкви, пренебрежение основными обязанностями верующего. Подчеркивалось, в частности, что жители причащаются лишь раз в год.

Использование финского языка в богослужении по идеологическим соображениям не рассматривалось в качестве приемлемого варианта. По мнению участников съезда, «введение же финского языка не вызывается никакой необходимостью, тем более, что славянский язык становится все более и более понятным населению» [6]. Карельский же язык не имел письменности, а следовательно, не было необходимых литургических и прочих книг. Учитывая сложность языковой ситуации, съезд принял весьма невнятное решение в пользу использования в богослужении «карело-финского языка».

Утвержденное решение вступило в силу. Более активно стала работать переводческая комиссия. 17 февраля 1908 года было образовано Архангельское Православное Беломоро-Карельское Братство Архангела Михаила, учрежденное для укрепления православия и православно-русских начал среди карел Кемского уезда, а также «в помощи карелам в самозащите от нападков со стороны лютеранской и сектантской пропаганды и неверия».

Основной сферой деятельности Братства была помощь в строительстве и ремонте церквей, способствование открытию и работе церковно-приходских школ и школ грамоты, подготовка кадров священников, способных вести обучение на карельском языке и противостоять миссионерской работе, осуществление переводов на карельский язык.

Братство располагало значительными материальными ресурсами. Его первоначальный капитал сформировался благодаря богатым пожертвованиям карельских монастырей и епископа Архангельского и Холмогорского. Впоследствии бюджет пополнялся за счет членских взносов и благотворителей. Братство продолжало свою работу до 1918 года.

В первую очередь Братство обратилось к вопросу о необходимости качественно и количественно улучшить кадры священнослужителей в западных приходах Беломорской Карелии. Братством было предложено открыть новые дополнительные причты в Вокнаволоцком и ряде других приходов. С этой целью жителей попросили составить так называемый приговор, в котором должно было содержаться согласие жителей нести расходы по содержанию дополнительных духовных лиц. Однако прихожане отказались взять на себя новые траты, объяснив это своей бедностью.

В 1912 году при содействии братства началась работа по сбору средств на строительство нового храма и школы (прежде она ютилась в наемном помещении) в Вокнаволоке. Примечательно, что в ходе этой работы сами прихожане пожертвовали около 500 руб. и дали согласие на

бесплатную заготовку бревен для строительства, что свидетельствует о действительной заинтересованности жителей в этой постройке. В 1912 году в приходе были отремонтированы и другие здания церковного назначения — дома причта, часовни и прочее. Безусловно, это способствовало укреплению авторитета православного духовенства в приходе. В Журнале заседаний членов Братства подчеркивалось, что «обращение карел в лютеранство ослабло благодаря соответствующим мероприятиям». Последний вывод наглядно и как нельзя лучше демонстрирует мотивы «ревнителей православия» в западном карельском приграничье, которые воспринимали православие как форпост российской государственности, призванный служить барьером на пути инославного влияния. Задачи нравственного воспитания отодвигались на второй план.

ВЫВОДЫ

Начав свое развитие значительно позднее, чем другие приходы на Северо-Западе России, Ухтинский и Вокнаволоцкий приходы преодолели массу трудностей, от сугубо материальных до идейных. Ситуацию осложняло втягивание населения прихода и духовенства в противостояние панфиннизма и русификации. (О различных аспектах политики панфиннизма см. подробнее: [1], [2], [3].)

К началу Первой мировой войны верх взяла, как и следовало ожидать, линия укрепления карел в православии. Однако вряд ли мы можем быть уверены, что позиция населения края стала сугубо проправославной. Для жителей Беломорской Карелии, проживающих в условиях пограничья, бытования разных вероисповеданий, устойчивого сохранения дохристианских верований, этноязыковых различий, проблема идеального выбора между религиями не носила принципиального характера. Несмотря на то что православие претендовало здесь на исконность и историческое присутствие, оно не завоевало прочных позиций среди карельского крестьянства. Язычество и раскол оставались у карел повсеместным явлением. Сектантство обеспечивало постоянный тонус светских и епархиальных властей в идеологической борьбе за право духовного призрения на этих территориях. В сектантстве видели главного идейного противника в распространении православной веры в этом регионе.

Позиция карел оставалась выжидательной (что вполне соответствует их всегдашнему прагматизму). Никогда нельзя было сказать наверняка, в чью сторону склонятся их симпатии, хотя они и являлись прихожанами православного прихода.

Возвратимся к сформулированному в начале статьи вопросу. Изложенный материал, на наш взгляд, свидетельствует о явном приоритете для духовенства функции охранителей государственных устоев. Этот вывод подтверждается тем, что, во-первых, основные усилия священников

были направлены на борьбу с расколом и сектанством. Во-вторых, ключевая проблема – этноязыковая – реализовывалась исходя не из конкретных нужд прихожан и укрепления православной традиции, а в политическом ключе. В-третьих, кадровые проблемы решались в зависимости от политической благонадежности священнослужителей, а не от их профессиональной пригодности.

Безусловно, жители края в XIX – начале XX века были людьми верующими. Как нам представляется, их вера была весьма специфичной, сочетающей в себе православную обрядность как дань государству, в котором они жили, языческие верования и старообрядческие традиции своих недавних предков и односельчан, новые веяния протестантского толка, доходившие до

этих мест вместе с кочующими в Финляндию и обратно торговцами. По данным Подворной описи Вокнаволоцкой волости за 1884 год, в отлучках пребывали до 52 % мужчин. Вокнаволоццы уповали на Бога, но в то же время верили в свои силы и вряд ли возлагали какие-нибудь надежды на посредников Бога на земле, которые в Вокнаволоке часто не являли собой пример высокой нравственности.

Какова была роль Русской православной церкви (РПЦ) для жителей этого края? РПЦ в Вокнаволоке XIX – начале XX века воспринималась как ставленница государственной власти. Вследствие такого статуса священники РПЦ часто были вынуждены выполнять скорее политические, нежели духовные задачи, что не способствовало росту их имиджа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архангельские Епархиальные Ведомости. 1911. № 8.

² НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3/6. Л. 1–2.

³ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 15/358; НА РК. Ф. 165. Оп. 4. Д. 1/12. Л. 16–25.

⁴ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3/63. Л. 15.

⁵ НА РК. Ф. 165. Оп. 4. Д. 1/12. Л. 16–25.

⁶ НА РК. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1/23. Л. 106.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баданов В. Панфиннизм в Карелии // Петрозаводск. 1992. № 64–65. С. 10.
2. Баданов В. Наша общая история // Карелия. 1993. 14–20 июля. С. 1–3.
3. Витухновская М. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб.: Норма, 2006. 382 с.
4. Илюха О. П. Школа и просвещение в Беломорской Карелии во второй половине XIX – начале XX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2002. 102 с.

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАМЕНЕВ

кандидат исторических наук, преподаватель кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета ПетрГУ
ekamenev@mail.ru

О ПРИМЕНЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (на примере определения семантики предиката *делать честь*)

В статье предпринимается попытка применить лингвистические методы к определению семантики исторических источников начала XIX века. На основе построения синонимических рядов, глубинно-синтаксических преобразований, построения деревьев зависимостей проанализирована семантика предиката *делать честь*.

Ключевые слова: историческая наука, лингвистические методы, семантика, предикат *делать честь*

В настоящее время в исторической антропологии все большее значение приобретают семантические исследования. Интерес историков к семантике обусловлен не только необходимостью адекватного прочтения текста исторического источника, но и необходимостью понимания человека прошлого (что вписывается в общую стратегию исторической антропологии). Это, в свою очередь, невозможно без изучения языка, на котором человек строил и выражал свои мысли (см.: [4–9]).

Вместе с тем методика исследования семантики в исторической антропологии еще не разработана в должной мере. Мы попытаемся, насколько это возможно, применить к исторической проблематике некоторые методы лингвистики.

При работе с источником большой интерес представляет семантика не только отдельных лексем, но и языковых единиц более крупного порядка. Одной из таких языковых единиц, семантика которой может быть интересна историку, является предикат *делать честь*. В источниках этот предикат употребляется в разных кон-

текстах и, по-видимому, в зависимости от контекста имеет различный смысл.

Будучи ограничены рамками статьи, мы остановимся только на одном историческом периоде – начале XIX века, и будем рассматривать употребление данного предиката применительно к этому периоду.

Для примера возьмем два предложения, содержащие этот предикат, и постараемся определить его семантику¹.

(1) «Главкомандующий подошел с Штейнгейлем и со мной к карте, велел все показать по ней: атаку и защищение, сделал при том мне честь, спросил мои мысли и предположения»².

(2) «Я видел молодого Шереметева, получившего большую рану саблей по лицу: подобная рана всегда делает честь кавалерийскому офицеру»³.

Семантику мы будем описывать как синтаксис, при этом синтаксическую структуру будем представлять в виде дерева зависимостей [2; 255], [3; 78]. Часть формального аппарата статьи может быть опущена. Однако в статье он при-

существует исходя из необходимости демонстрации применения лингвистических методов к историческому материалу.

Рассмотрим интересующий нас предикат.

Предикат *делать честь* является двухвалентным: *делать честь* <х,у>.

В (1) и (2) переменные предиката принимают значение на разных множествах. В (1) – на множестве одушевленных существительных, в (2) – на множествах одушевленных и неодушевленных существительных, что структурно может быть представлено в виде следующих дистрибутивных конструкций:

$$(1) N_n^{1a} V N_a^{2i} N_d^{3a}$$

$$(2) N_n^{1i} V N_a^{2i} N_d^{3a}$$

Вслед за Ю. Д. Апресяном мы считаем, что различие между двумя лексическими значениями, если оно релевантно в данном языке, отражается в существенных структурных различиях. Таким образом, всякий раз, когда мы устанавливаем существенное структурное противопоставление, мы можем предполагать, что тем самым устанавливается и важное семантическое различие, то есть различие по крайней мере двух самостоятельных значений [6; 143].

Все это дает нам основание предполагать, что семантика интересующего нас предиката в первом примере отличается от семантики во втором примере.

Рассмотрим синонимический ряд лексемы *честь*. В синонимический ряд лексемы *честь*, согласно Словарю Академии Российской (1789–1794), входили следующие слова – *почтение, уважение, слава, чин, достоинство*⁴.

Словарные данные подтверждаются прецедентными текстами. Так, согласно книге «Наука быть учтивым», слово *нечестно* является синонимом слова «неуважительно»: «Надобно беречься, чтоб не дремать, не потягиваться и не зевать в то время, как другие говорят, это весьма нечестно»⁵. Предикат *быть честнее* является синонимом предиката *быть выше чином*: «То есть противно учтивости, когда кто скажет другому, который его честнее, чтоб он накрыл голову»⁶. В книге С. Н. Глинки «Зеркало нового Парижа» лексема *честь* также является синонимом понятий *чин, достоинство*: «В Париже достоинство измеряется богатством. О том и слова не молвят, у кого доходу только три тысячи франков. У кого десять тысяч франков доходу, тот честной человек. У кого пятнадцать тысяч, тот еще честнее»⁷. Синонимию лексем *честь* и *уважение* находим и в записной книжке А. С. Шишкова. По его определению, «безчестен – ни кем не почитаем, никому не приметен, безславен, лишен почестей»⁸.

Приведенные примеры подтверждают словарное определение лексемы *честь*.

Заменим во фразе *генерал делает честь офицеру* компонент *честь* на его синонимы:

(1.1) ? *Генерал делает почтение/уважение офицеру*

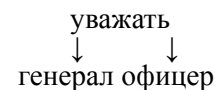
(1.2) * *Генерал делает славу офицеру*

(1.3) * *Генерал делает достоинство/чин офицеру*

В контексте (1) фразы (1.2) и (1.3) являются неприемлемыми, а фраза (1.1) – сомнительной (а значит, возможной).

Применим к (1.1) правило синонимичного перифразирования $X \leftrightarrow \text{Оре} \xrightarrow{2} S_0(X)$. Получим: *генерал уважает офицера*.

Таким образом, для (1) семантика предиката *делать честь* будет следующей:

Теперь, зная семантику интересующего нас предиката и учитывая контекст предложения (1), можно уточнить смысл этого предложения: «Главкомандующий подошел с Штейнгейлем и со мной к карте, велел все показать по ней: атаку и защищение, *проявив при том ко мне уважение*, спросил мои мысли и предположения».

Заменим во фразе *рана делает честь офицеру* компонент *честь* на его синонимы:

(2.1) ? *рана делает почтение/уважение офицеру*

(2.2) ? *рана делает славу офицеру*

(2.3) * *рана делает достоинство/чин офицеру*

В контексте (2) фраза (2.3) является неприемлемой, а фразы (2.1) и (2.2) – возможными.

Фраза (2.1), учитывая контекст предложения (2), может быть перифразирована так: *за рану офицера уважают*. С исторической точки зрения при таком перифразировании не ясно, на каком множестве (или, возможно, множествах) принимают значения переменные предиката *уважать*.

Для выявления искомого множества (или множеств) рассмотрим, на кого распространялись отношения чести в интересующее нас время.

В начале XIX века лексема *честь* употреблялась в сочетании с лексемой *благородство*. Так, например, в статье под названием «Гражданский катехизис...», опубликованной в журнале «Сын Отечества», сказано: «Кто лучший и благороднейший сын отечества? Тот, который ведет себя с большей честью»⁹. Юнкер А. Мартос, говоря о медицинских сестрах, работавших в Виленской больнице, пишет: «...сердобольные сестры материнские... исполняют с кротостью цель великую и благороднейшую: они в полном смысле слова помогают страждущим. Какое обширное предостой поле для размышлений честному человеку»¹⁰. О связи лексем *честь* и *благородство* говорят также частые случаи их совместного использования в текстах. Подпоручик В. С. Но-

ров писал из армии в октябре 1812 года матери: «Мы, русские, и воспитаны в честных и благородных правилах»¹¹. По мнению майора 1-й конно-артиллерийской роты П. Г. Волховского, умение сохранить в ситуации опасности «присутствие духа» есть «долг истинно честного и благородного человека»¹².

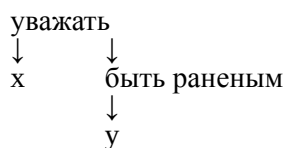
Все это позволяет говорить о том, что лексема *честь* была связана с лексемой *благородство*. Рассмотрим трактовку понятия *благородство*.

Понятие *благородство* подразумевало принадлежность к дворянскому («благородному») сословию. Согласно Словарю Академии Российской, синонимом понятия *благородный* является понятие *дворянский*¹³. В Манифесте Александра I от 6 июля 1812 года только дворянское сословие названо *благородным*, к духовенству

и «народу русскому» такие эпитеты не применены¹⁴. Корреляция понятий *благородство* и *дворянство* видна в записках Ф. Н. Глинки. Говоря о дворянских семьях, покидавших театр боевых действий в 1812 году, Ф. Н. Глинка применяет по отношению к ним эпитет *благородные*: «Я только видел большие барки, на которых благородные семейства со всем домом, с каретами, лошадьми и прочим, тянулись вниз по реке»¹⁵. Воспитанник первого кадетского корпуса К. Зендельгорст называет дворянских детей «благородным юношеством»¹⁶.

Все это позволяет нам говорить, что отношения чести распространялись в начале XIX века на благородное сословие (дворянство).

Принимая это во внимание, мы можем уточнить семантику интересующего нас предиката для конструкции $N_n^{1a}VN_a^{2i}N_d^{3a}$, добавив, что переменные предиката *уважать* принимают значения на множестве благородных людей.

$$\langle x, y \rangle \in A,$$

где A – множество благородных людей.

Представляется, однако, что семантика предиката *делать честь* в (2) еще не выявлена в должной мере, так как не ясно, почему переменные x и *быть раненым* (y) связаны отношением уважения. Заметим, что это отношение не обязательно симметрично. Для ответа на этот вопрос рассмотрим качества, которыми обязательно должен был обладать офицер.

От офицера в рассматриваемое нами время требовалось проявление храбрости. Офицеры ревностно относились к этому качеству и постоянно анализировали свое поведение в ситуациях, когда возникали вопросы о его соответствии принятым нормам. Так, например, поручик 26-го егерского полка А. И. Антоновский, ана-

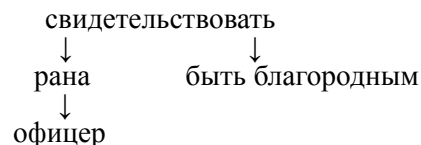
лизируя свое поведение в бою у деревни Ропны 4 августа 1812 года, отмечал: «Я испытал свое хладнокровие и распорядительность и, выдержав с мужеством губительный огонь, не оставил своего места. Это все уверяло меня, что я впоследствии могу иметь способности воина, и чего более – довольно и предовольно»¹⁷. Подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Л. А. Симанский не без гордости отмечал, что во время Бородинской битвы он простоял под ядрами четырнадцать часов и «был хладнокровен, с назначенного места не сходил ни шагу, людей ободрял»¹⁸.

В характеристиках, даваемых офицерами своим сослуживцам (причем независимо от звания), преобладает оценка не по профессиональным, а по нравственным качествам. При этом основным критерием оценки выступала храбрость. Прапорщик лейб-гвардии артиллерийской бригады Н. А. Дивов, говоря о своем сослуживце П. Х. Граббе, среди его достоинств отмечает, прежде всего, храбрость и «живую отважность»¹⁹. Сам П. Х. Граббе, характеризуя генерала Коновницына, отмечает не его военные дарования, а его мужество²⁰. Поручик Л. Ф. Ярошевицкий, говоря о качествах генерала Хилкова, отмечает только его храбрость²¹. В «Письме русского офицера», опубликованном в «Сыне Отечества» в 1813 году, автор – анонимный армейский офицер – говоря о командирах, отмечает только одно их качество – храбрость. Все остальные качества, которыми могут обладать командующие, не являются, по-видимому, для офицера значимыми, и он о них умалчивает. Так, например, о генерале А. И. Чернышеве сказано, что он «предавался величайшей опасности с удивительным хладнокровием»²².

Некоторые недостатки характера могли быть терпимы в офицерской среде, если человек был храбр. Так, например, поручик Гродненского гусарского полка А. В. Кочубей, вспоминая своего генерала Ф. В. Редигера, писал, что он был нелюбим офицерами «за его капризный, мелочный и недостаточный характер, но его храбрость заставляла забывать его недостатки, и за нее все его уважали»²³.

Поскольку всякий благородный человек (в том числе и офицер) должен был быть храбрым, то становится ясно, почему благородные люди уважали раненого офицера – рана свидетельствовала о храбрости и, следовательно, о благородстве офицера.

Поэтому семантика интересующего нас предиката в (2) будет следующей:

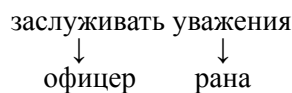
Перифразированный предикат может быть подставлен в предложение (2), уточняя его смысл: «Я видел молодого Шереметева, получившего большую рану саблём по лицу: подобная рана *свидетельствует о благородстве* кавалерийского офицера».

Рассмотрим фразу (2.2). Согласно Словарю Академии Российской, *слава* имеет следующие определения:

1. *Общепризнаваемая, придаваемая честь, похвала, уважение, славное имя, приобретаемое добродетелью, заслугами, высокими качествами, отменными деяниями, изящными сочинениями и проч.;*
2. *Великолепие, величество, блистательность;*
3. *Блаженство небесное, райское;*
4. *Хвала*²⁴.

Учитывая контекст предложения (2), второе и третье определения не подходят по смыслу. Поэтому фраза (2.2) может быть перифразирована таким образом: *офицер, имеющий такую рану, заслуживает уважения (похвалы, хвалы)*. Лексеме *честь*, несмотря на то что она является, согласно словарю, синонимом *славы*, мы отбрасываем, так как она, во-первых, вводит нас в ситуацию замкнутого круга (*честь – слава – честь*), а во-вторых, не проясняет семантику *славы*, ввиду того что семантика лексемы *честь* не проще семантики лексемы *слава*.

Поэтому семантика предиката для (2.2) будет следующей:

Из словарного определения видно, что офицера уважают не за то, что рана свидетельствует о благородстве, как мы считаем применительно к фразе (2.1), а за то, что рана свидетельствует о заслугах, высоких качествах, отменных деяниях.

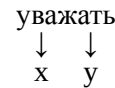
Ввиду этого мы можем говорить, что предикат в предложении (2) имеет, по крайней мере, два смысла. (Исходные моменты для определения семантики при нашем подходе задаются в конечном счете синонимическим рядом, который мы построили на материале одного соответствующего эпохе словаря и ряда прецедентных текстов. Привлечение других источников может дополнить синонимический ряд, что приведет к выявлению дополнительных смыслов интересующего нас предиката.)

При таком подходе возможно определять семантику любых других предложений, соответствующих конструкциям

$$N_n^{1a}VN_a^{2i}N_d^{3a} \text{ и } N_n^{1i}VN_a^{2i}N_d^{3a},$$

где VN_a^{2i} соответствует словосочетанию *делать честь*.

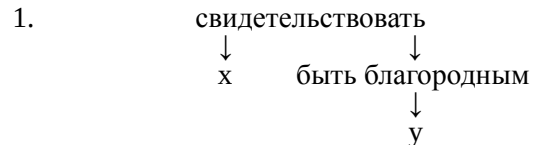
Семантика предиката *делать честь* для конструкции $N_n^{1a}VN_a^{2i}N_d^{3a}$ может быть записана в общем виде:

$$\langle x, y \rangle \in A,$$

где A – множество благородных людей.

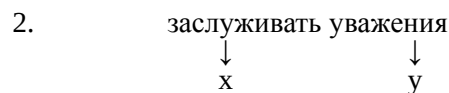
Семантика предиката *делать честь* для конструкции $N_n^{1i}VN_a^{2i}N_d^{3a}$ будет следующей:

$$x \in B$$

$$y \in A,$$

где B – множество неодушевленных существительных, которые имеют пассивные синтаксические валентности по отношению к предикату *свидетельствовать*; A – множество благородных людей.

$$x \in A$$

$$y \in B,$$

где A – множество людей; B – множество существительных и глаголов, которые имеют пассивные синтаксические валентности по отношению к предикату *свидетельствовать*.

Мы не претендуем на полноту, точность и окончательность выводов. Наша задача заключалась в том, чтобы показать возможные пути применения методов лингвистики к историческому материалу.

Представляется, что лингвистика дает историю четкий алгоритм работы с текстом источника в тех случаях, когда необходимо выявить семантику той или иной языковой конструкции. Формализация естественного языка исторического источника позволяет однозначно и неизбыточно описывать семантику, с которой удобно работать в дальнейшем, в частности, строить различного рода обобщения.

Примененные в нашей работе лингвистические подходы к историческому материалу выявляют специфические задачи, решение которых находится на стыке истории и лингвистики. К числу таких задач можно отнести определение множеств, на которых принимают значения переменные того или иного предиката, содержащегося в тексте исторического источника.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пример (1) взят из «Записок о войне 1805 и 1807 гг.» майора 1-й конно-артиллерийской роты П. Г. Волховского. Источник не опубликован и хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 859. К. 1. № 11. Л. 39). Пример (2) взят из «Записок» В. И. Левенштерна. В обоих случаях речь идет о событиях наполеоновских войн (в первом случае – о кампании 1805–1807 годов, во втором – о войне 1812 года, точнее, о Бородинской битве).
- ² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 859. К. 1. № 11. Л. 23 об.
- ³ Левенштерн В. И. Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1900. Ноябрь. С. 579.
- ⁴ Словарь Академии Российской. Ч. VI. СПб., 1794. С. 725.
- ⁵ Наука быть учтивым. СПб., 1774. С. 23.
- ⁶ Наука быть учтивым. СПб., 1774. С. 11.
- ⁷ Глинка С. Н. Зеркало нового Парижа от 1789 до 1809 года, изданное Сергеем Глинкою. М., 1809. Ч. 1. С. 16.
- ⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 862. Д. 3. Л. 3.
- ⁹ Гражданский катехизис, или Краткое обозрение должностей Испанца, с показанием, в чем состоит свобода и кто враги его // Сын отечества. 1812. Ч. 1. № 1. С. 63.
- ¹⁰ Мартос А. И. Записки инженерного офицера Мартоса о Турецкой войне в царствование Александра Павловича 1806–1812 (до 1818) // Русский архив. 1893. № 8. С. 506.
- ¹¹ Письмо В. С. Норова родным от 10 октября 1812 г. на поле при р. Наре // К чести России. Из частной переписки 1812 года. М., 1988. С. 153.
- ¹² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 859. К. 1. № 11. Л. об.
- ¹³ Словарь Академии Российской. Ч. 5. СПб., 1794. С. 36.
- ¹⁴ Манифест от 06.07.1812 г. // Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. С. 427.
- ¹⁵ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год // Глинка Ф. Н. Письма русского офицера; Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия. Киев, 1991. С. 163.
- ¹⁶ Зенгельгорст К. Первый кадетский корпус в 1813–1825 гг. Воспоминания бывшего воспитанника // Русская старина. 1879. Т. 24. № 2. С. 312.
- ¹⁷ Антоновский А. И. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 3. Вильно, 1904. С. 105.
- ¹⁸ Симанский Л. А. Журнал участника войны 1812 года // Военно-исторический сборник. 1913. № 2. С. 166.
- ¹⁹ Дивов Н. А. Из воспоминаний // Русский архив. 1873. Кн. 2. № 7. Стлб. 01333.
- ²⁰ Граббе П. X. Из памятных записок // Русский архив. 1873. Кн. 1. Стлб. 456.
- ²¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 3376. Ч. 3. Л. 418 об.
- ²² Письмо русского офицера из армии от 22 мая // Сын Отечества. 1813. № XXIX. С. 95.
- ²³ Кочубей А. В. Семейная хроника: Записки А. В. Кочубея. СПб., 1890. С. 89.
- ²⁴ Словарь Академии Российской. Ч. 5. СПб., 1794. С. 512.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. О понятиях и методах структурной лексикологии (на материале русского глагола) // Проблемы структурной лингвистики. М., 1962. С. 141–162.
2. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966. 302 с.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 287 с.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 351 с.
6. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. 319 с.
7. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 26–203.
8. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.
9. Юрганов А. Л., Каравашкин А. В. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. С. 312–337.

УДК 78(091)

ВЕРА ИВАНОВНА НИЛОВА

доктор искусствоведения, профессор кафедры истории музыки Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова
gerain@sampo.ru

ФИНСКАЯ МУЗЫКА ПЕРИОДА АВТОНОМИИ В ПРОСТРАНСТВЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена обзору финского профессионального музыкального искусства периода автономии, когда музыка включилась в процесс формирования национального самосознания и национальной культуры. Финская профессиональная музыка рассмотрена в историческом контексте и исторической динамике, а также во взаимосвязях с западной и русской музыкальными культурами.

Ключевые слова: Финляндия, автономия, национальное сознание, финномания, национальная культура, финское искусство, финская музыка

Общеизвестно, что музыка как вид искусства способна передавать человеку духовный опыт других людей и «погружать» их в состояние, аналогичное состоянию музыкантов в период создания музыкальных произведений [9; 38]. Об этом и писал Л. Н. Толстой: «Она, музыка, сразу, непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним душою и вместе с ним переношусь из одного состояния в другое, но зачем я это делаю, я не знаю» [17; 235–236]. Эта способность музыки «подключаться» к опыту человечества является ее безусловной функцией, однако в разные периоды человеческой истории из совокупного опыта отбирается, усваивается и культивируется только то, что способно ответить на вызовы времени. И чем масштабнее задачи, необходимые для ответа на вызовы, тем полнее должен быть представлен опыт, передаваемый через гибкую, исторически изменчивую жанрово-стилевую систему, многими нитями связанную с той культурой, в которой эта система воссоздается, функционирует и воспринимается. В периоды, «когда идет процесс пре-

ращения национальной идеи из формы этнической идентификации небольших групп в массовое сознание» [18; 6], национальное сознание формируется на трех разных уровнях – «интеллектуальной элиты, элиты правящей и массового сознания». Только в этом случае стало возможным привести национальное самосознание финнов к общему знаменателю – «сильному национальному чувству, позволившему народу Финляндии обрести и отстоять свою государственную независимость» [18; 6].

Есть определенные, пока еще не вполне разрешенные методологические трудности в изучении и научном описании процесса формирования национального сознания на уровне интеллектуальной элиты [6; 89]. Поэтому ограничимся констатацией исторической и социальной обусловленности явлений профессионального искусства (не требует специальных доказательств и взаимосвязь идентитета и культурного контекста), сосредоточив внимание на контекстном рассмотрении музыкальных феноменов в их исторической динамике.

MONTA ON LAULUA, MONTA MYÖS LAULUJEN MIESTÄ

Эта поэтическая строка принадлежит крупнейшему поэту Финляндии Эйно Лейно (Eino Leino. Väinämöisen Laulu. 1902) и в русском переводе Э. Шустера звучит так: «Много есть песен, и о мужах достойных много». Действительно, к началу 1900-х годов в Финляндии было много «мужей достойных», в период автономии¹ входивших в интеллектуальную элиту Финляндии: художники А. Эдельфельт (1854–1885), Э. Ярнефельт (1863–1937), А. Галлен-Каллела (1865–1931), П. Халонен (1865–1933), композиторы Р. Каянус (1956–1933) и Я. Сибелиус (1865–1957), поэты, писатели и драматурги И. Л. Рунеберг (1804–1877), А. Киви (1834–1872), Ю. Ахо (1861–1921), Э. Лейно (1878–1926) и М. Кант (1844–1897), актриса Финского театра И. Аалберг (1857–1915), оперная певица, обладательница прекрасного голоса и великолепной колоратурной техники А. Акте (1876–1944) и другие достойные представители финской культуры. Особое место среди них по праву принадлежит Э. Лённроту (1802–1884) – создателю национальной эпической поэмы «Калевала» и песенного собрания «Кантелетар», реформатору финского языка и составителю словарей. Лейно был в числе тех, кто, быть может, особенно остро воспринимал неизбежное в условиях мировой культуры «окружение» национального культурного ядра инонациональной периферией – предвестием буржуазной массовой культуры. Отчасти поэтому в 1912 году «культура Суоми» представлялась поэту «карикатурой»². Теперь, спустя почти 100 лет со времени написания этого стихотворения, резкий тон Лейно может показаться чрезмерным, а опасность иноземных влияний преувеличенной, но в «период угнетения» (имеется в виду «второй период угнетения» – с 1908 года до Февральской революции 1917 года) тревожный возглас поэта был вполне оправданным. К концу периода автономии Лейно слышал в культуре Финляндии раздражавший его иностранный «акцент».

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ФИНЛЯНДИИ В ОРБИТЕ ДУХОВНЫХ МЕТРОПОЛИЙ

Со времени утверждения христианства церковная архитектура, живопись и музыка Финляндии оказались в орбите культуры Германии и Швеции, через которые в Финляндию проникли романское (его влияние было незначительным) и готическое искусство, латинское монофоническое пение и образцы средневекового декоративно-прикладного искусства из Германии и Нидерландов. Искусствоведы так и не пришли к единому мнению о соотношении «своего» и «чужого» в средневековом искусстве Финляндии [2; 9], однако местные отличия отмечены как в музыке [13; 29], так и в живописи³

[2; 12–13; 14]. Политика Густава I Вазы способствовала распространению в Финляндии культуры Ренессанса посредством иностранных мастеров. Но и в зодчестве, и в живописи, и в декоративно-прикладном искусстве, и в музыке ренессансные художественные начинания не были столь же мощными, как в Италии или Германии. Одной из причин тому был, вероятно, недостаток собственных мастеров в разных видах художественной деятельности. Тем не менее до периода автономии был заложен прочный фундамент культурных традиций, к которым после Реформации добавилась церковная литература на финском языке. Особенно продуктивными для развития художественного творчества в Финляндии стали середина и вторая половина XVIII века. Наиболее видным представителем церковной живописи в стиле барокко в этот период был М. Топелиус (1734–1821), автор алтарного триптиха в церкви Лохтая (1770–1773). В жанре портрета работал один из самых крупных портретистов того времени И. Ваклин (1720–1758), в жанре портрета и пейзажа плодотворно работал Н. Шилмарк (1745–1804). Светская музыка, в эпоху Ренессанса глубоко изменившая музыкальную жизнь европейских городов, к концу XVIII века переживала в Финляндии период подъема. Появилась плеяда композиторов, освоивших стиль венского классицизма: Э. Тулиндберг (1761–1814), Т. Бюстрём (1772–1839), Б. Крузель (1775–1838), братья Литандер – Фредрик (1777–1823) и Карл (1773–1843). По причине неразвитости музыкальной жизни в самой Финляндии гастрольные маршруты этих музыкантов пролегли в направлении Стокгольма, Лондона, Парижа и Петербурга [20].

В ПОЛЕ ВЛИЯНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ФЕННОМАНИИ

В современных исследованиях по истории Финляндии период автономии рассматривается «как имевший для страны положительное значение» [3; 24]. Данная оценка согласуется с высокими результатами в области литературы и искусства, достигнутыми деятелями культуры Финляндии к концу XIX века, когда финское искусство получило международное признание. Большим стимулом для культурного развития страны стало обустройство молодой столицы, перенесенной в 1812 году из Турку в Хельсинки (архитектурное строительство и создание инфраструктуры культурной деятельности) и перевод в столицу в 1828 году университета, названного Императорским Александровским университетом.

Для развития национальной культуры в период автономии решающее значение имела культурная фенномания (см.: [18]), в поле влияния которой оказались талантливые личности во всех видах профессионального искусства. Всё же главные импульсы для литературы, живописи и музыки исходили от Й. Рунеберга и особенно Э. Лённрота. О деятельности Лённрота и значе-

нии созданной им «Калевалы» для финской и мировой культуры написано достаточно много. Здесь же хотелось бы обратить внимание на то, что созданное Лённротом в 1831 году Финское литературное общество послужило примером для создания других творческих объединений. В течение нескольких десятилетий усилиями музыкантов-иммигрантов (Ф. Пасиус) и финских музыкантов (М. Вегелиус, Р. Каянус) здесь были основаны музыкальные объединения и организации, необходимые для полноценного развития национальной музыкальной культуры: студенческий мужской хор «Академическое певческое объединение» (1838), симфоническое (1845) и хоровое (1871) объединения, «Финская опера» при Национальном театре (1873), Музыкальный институт и Симфонический оркестр (оба в 1882 году), Практическая оркестровая школа (1885) и хоровая школа (1888). В 1902 году в Хельсинки начала свою деятельность Международная федерация фольклористов.

Интеллектуальным и творческим центром развития национальной культуры стала молодая столица. В соответствии со структурой исторического центра Хельсинки, разработанной комиссией под руководством офицера-фортификатора И. А. Эренстрёма (1762–1847), «первого финского урбаниста» [11; 17], были возведены здания в стиле классицизма. Парадный облик центру города придали такие здания, как трехэтажный дом Хейденштрауха на Торговой площади, построенный по проекту шведского архитектора П. Гранштедта в 1818 году⁴. Основные здания и архитектурные ансамбли центра строились по проектам талантливого архитектора, воспитанника Берлинской Академии архитектуры К. Л. Энгеля (1778–1840). Он руководил «Интендантской конторой» – первой архитектурной мастерской Финляндии, в которой обучались будущие архитекторы. По проектам Энгеля были возведены здания Сената, Морские казармы, Гвардейские казармы, здание университета и церковь св. Николая (ныне – Кафедральный собор). В качестве лидирующей фигуры в архитектуре последних десятилетий XIX века выдвинулся представитель неоренессанса К. Т. Хейер (1843–1910). Среди построек, возведенных по проектам Хейера, – здание художественного музея Атенеум (1887), декоративные элементы которого заимствованы из архитектуры ренессанса. В числе других зданий – отель Кэмп (1887). Памятники итальянского Возрождения служили образцом и для архитектора Л. Бонштедта (1822–1885), автора проекта Государственного банка Финляндии (1882). В последние десятилетия автономии известность завоевал К. Г. Нюстрём (1856–1917), по проектам которого были возведены здания Государственного архива (1890) и Дома сословий (1891). Архитектурное решение этих зданий представляет собой контрапункт элементов двух стилей – неоренессанса и классицизма.

В том же году, когда было возведено здание Дома сословий, композитор Сибелиус услышал исполнение рун ижорской сказительницей Ларин Параске, а в следующем, 1892, году во время свадебного путешествия в Карелию Сибелиус сделал записи народных мелодий. Он записал 4 руны, 2 свадебные песни и 1 танцевальную мелодию. Совпадение дат в истории архитектуры и истории музыки не является случайным. Это совпадение указывает на общий для разных видов искусства вектор их развития, устремленный к созиданию произведений финской национальной культуры на общей для всех видов художественной деятельности мировоззренческой основе – европейском гуманизме. Важную роль в воплощении идеи национального самосознания сыграло объединение «Молодая Финляндия», участниками которого были художники Э. Ярнефельт, А. Галлен-Каллела, П. Халонен, композиторы Р. Каянус и Я. Сибелиус, писатели Ю. Ахо, Э. Лейно и М. Кант. Сильный импульс развитию культурной финномании придал карелианизм⁵. Мощный «сизигийский прилив» в области художественной культуры в течение «золотого века»⁶ увенчался триумфом финского искусства на Всемирной выставке в Париже в 1900 году⁷.

Удивительно, но в начале XX века более популярным композитором, чем Сибелиус, был О. Мерианто (1868–1924). И это несмотря на то, что Сибелиус уже был известен в России и Скандинавских странах. Автор первой оперы на финском языке на сюжет из «Калевалы» «Дева Севера» (1898) О. Мерианто, в отличие от Сибелиуса, достаточно успешно работал в оперном жанре («Смерть Элины», 1910, и «Регина фон Эммериц», 1920). Наделенный природным мелодическим даром (что вообще является редкостью), О. Мерианто в полной мере реализовал этот дар в песенном жанре. Стилистически он оставался в русле романтической традиции, но (в отличие от более молодого коллеги Ю. Килпинена) отдавал предпочтение финноязычной поэзии. Сегодня этот факт может и не обратить на себя внимание своей кажущейся естественностью. Но в начале XX века сознательное и последовательное обращение в музыке к финскому языку свидетельствовало об определенной творческой позиции композитора и оценке им потенциала финского языка в развитии жанра романтической лирики в постромантический период.

Старший современник Сибелиуса и его единомышленник Роберт Каянус при жизни был больше известен и признан как дирижер, прекрасный интерпретатор симфоний Бетховена. До Сибелиуса он был наиболее значимой фигурой в композиторском мире и получил признание, главным образом, за свои оркестровые сочинения («Траурный марш на смерть Куллерво», 1880, две «Финские рапсодии», 1881 и 1886, симфоническая поэма «Айно», 1885).

Армас Ярнефельт (1869–1958), которого иногда именуют «тенью Сибелиуса», в 1890-е годы

(подобно многим соотечественникам, не исключая Сибелиуса) оказался под магическим влиянием Вагнера. Позднее А. Ярнефельт получил сильные импульсы от карелианизма и музыки Сибелиуса, уподобив ее воздействию музыкальной «инкарнации». Ярнефельт работал в разных музыкальных жанрах, уверенно сочетая элементы стилей своих музыкальных кумиров – Сибелиуса, Листа и Вагнера. Много времени и сил А. Ярнефельт отдавал дирижерской деятельности.

Эрkki Мелартин (1875–1937) был в центре музыкальной жизни страны в 1910-х годах, так как композиторское творчество совмещал с должностью ректора Музыкального института. Он работал во многих жанрах, включая симфонию – главный музыкальный жанр Сибелиуса. Как композитор и дирижер Мелартин был увлечен Малером и дирижировал его симфониями в Финляндии и Скандинавии. В своих симфониях, как и Малер, Мелартин цитировал народные мелодии и экспериментировал в области строения симфонического цикла. Вслед за Малером, но в отличие от Сибелиуса, он расширил исполнительский состав симфонии, включив в медленную часть Четвертой симфонии соло сопрано и трио мужских голосов. Мелартин внес существенный вклад и в развитие финской оперы. По сравнению со своими оперными предшественниками Ф. Пасиусом и О. Мериканто он значительно усложнил музыкальную драматургию своей «калевальской мистерии» – оперы «Айно» на сюжет из «Калевалы» (1909), обогатив ее разработанной Вагнером техникой лейтмотивов. Как и Сибелиус, Мелартина привлекала идея воплотить калевальский сюжет в поэмном жанре с включением в симфоническую ткань произведения соло сопрано (легенда для сопрано и оркестра «Марьятта», 1914). Композиторский стиль Мелартина оказался весьма чувствительным к импрессионизму.

«Северный Шопен» (его еще называют «северный Шуман») Селим Палмгрен (1878–1951) был композитором и пианистом с мировым именем. Среди композиторов своего поколения он (как концертирующий пианист) был, вероятно, наиболее открыт международным музыкальным влияниям. Палмгрен восхищался Шуманом, Шопеном, Листом, Григом, Бузони, русской музыкой, но более всего – музыкой Рахманинова. Его творческое наследие включает в себя 5 фортепианных концертов (этот жанр остался вне сферы интересов Сибелиуса) и значительное количество фортепианных пьес (более 300), в том числе объединенных в циклы (наиболее масштабный из них – «24 прелюдии»). Как и Мелартина, импрессионизм привлекал Палмгрена новыми средствами музыкального языка, которые он органично инкорпорировал в собственный стиль (цикл «24 прелюдии», программные пьесы «Майская ночь» и «Остров теней»). В жанре фортепианного концерта он пошел по пути преобразования концертной формы и Тре-

тий концерт «Метаморфозы» задумал и воплотил как вариации. В творческом наследии Палмгрена особое место занимает опера «Даниель Хьюрт» (1910), в которой композитор использовал лейтмотивную систему Вагнера в качестве главного формообразующего принципа.

Из всех поздних романтиков Леви Мадетоя (1887–1947) стилистически был близок Сибелиусу, но никогда не был его слепым подражателем. Как и Сибелиус, он с большим мастерством и проникновенностью передавал в музыке ту сложную гамму оттенков настроения, которая определяется словами «элегическое» и «меланхолическое». Произведения 1900-х годов, такие как Концертная увертюра, симфоническая поэма «Куллерво», Сонатина для скрипки, отличается красочность звучания, навеянная французским импрессионизмом и музыкой Дебюсси. В 1916 году Мадетоя написал Первую симфонию; работу в этом жанре он продолжил в следующие десятилетия.

Хейно Каски (1885–1957) сочинял в разных жанрах, но в 1910-х годах его лирическое дарование в наибольшей степени проявилось в фортепианных миниатюрах. Они не были технически сложными и привлекали исполнителей и слушателей выразительной мелодикой и тонким колоритом, навеянным музыкой французских импрессионистов.

Биография многообещающего Тойво Куула (1883–1918) рано оборвалась в результате несчастного случая. По мнению финской критики того времени, конкуренцию этому «трагическому романтику» (так именуют Куула в финской музыкальной историографии) мог составить только Сибелиус. Талант композитора успел раскрыться в основном в песнях с сопровождением фортепиано и программной оркестровой и хоровой музыке, колорит которой явился следствием творческих поездок в Париж и знакомства с музыкой Дебюсси и Равеля.

Наконец, сам Сибелиус, окруженный старшими и младшими современниками, работал в широком жанровом диапазоне. Результат его творческой деятельности в 1900–1910-х годах обычно оценивается с позиции достижений в области симфонической музыки, выработки самобытной техники мотивного развития и оригинальной концепции музыкальной формы в симфониях и программных симфонических поэмах. Но в эти десятилетия Сибелиус также работал в жанрах фортепианной и вокальной миниатюры и многое сделал для того, чтобы эти жанры композиторской музыки активно развивались в Финляндии. В этих жанрах, а также в камерно-инструментальной музыке сокровенное «я» композитора раскрылось иными гранями, чем в масштабных симфонических творениях.

С позиции настоящего времени названные выше имена создают впечатление их неравноценности в истории музыки Финляндии, ибо, как показала эта история, лидирующей фигурой

финской музыки до начала 1960-х годов оставался Сибелиус. В действительности композиторских имен было намного больше, и выбор данного перечня обусловлен только одной причиной – это были наиболее исполняемые композиторы начала XX века. При всей их неравноценности (такова, увы, участь всех творцов, которых переоценивает История), значение каждого велико. Своей избраннической деятельностью финские композиторы разных поколений и разного природного дарования добились того, что высокий уровень музыкальной культуры Финляндии и авторитет композиторского творчества признаны во всем мире.

ПОСТРОМАНТИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ С ЕВРОПЕЙСКИМ РОМАНТИЗМОМ

До последнего десятилетия XIX века искусство Финляндии развивалось в русле романтизма. В 1890-е годы М. Кант проявила интерес к стилистике *fin de siècle* [16; 210]; А. Галлен-Каллела открыл для себя стилистику *модерна*⁸ [2; 110]. В орнаментализации живописи (картина «Мать Лемминкяйнена», 1898) Галлен-Каллела был близок не только М. Дени и Я. Торопу, но и М. Врубелю [15; 222]. В истории музыки период 1890–1917 годов в целом относится к *позднему романтизму*, нередко в сочетании с символизмом. На смену позднему романтизму пришел модерн (с ним соприкоснулся Сибелиус), а затем *модернизм* с новой эстетикой и новым музыкальным языком. Однако новые тенденции в музыке дали о себе знать задолго до того, как переживший в Финляндию Эрнст Пенгу обрушился на «брутальный реализм» и «пейзажное, описательно-эпическое национальное искусство» [14; 97, 99]. Единственный композитор, кто, по мнению европейски ориентированного Пенгу, раздвигал в Финляндии рамки «замкнутого национального круга», был Сибелиус.

Несмотря на то что Сибелиуса и не относят к так называемым возбудителям музыкальных идей в европейской музыке XX века, его творчество в 1900-е годы развивалось весьма интенсивно в направлении все большего освобождения от власти традиции в области музыкального языка и симфонической формы. В 1909 году Сибелиус написал самое сокровенное по содержанию произведение – струнный квартет «*Voces intimae*». Музыкальный стиль этого квартета являет собой сложный сплав разных элементов, а над разгадкой его внемузыкального содержания исследователи ломают голову не одно десятилетие. Через два года, в 1911 году, композитор завершил Четвертую симфонию, экспрессия которой отчасти наследует знаменитому «*Valse triste*» из музыки к драме А. Ярнефельта «*Куолема*». Музыкальный язык симфонии оказался настолько новым, что современная Сибелиусу музыкальная критика отзывалась о ней как о «непонятной», «нелепой» и «кубистской» [21;

135]. По сравнению с созданными примерно в те же годы произведениями именитых европейских ровесников Сибелиуса, в его Четвертой симфонии и музыкальный язык, и мировосприятие гораздо ближе Р. Штраусу (он был на год старше Сибелиуса) в его экспрессионистской опере «*Электра*» (1909), чем Дебюсси (он был младше Сибелиуса на 3 года) в его классицистско-импрессионистской хореографической поэме «*Игры*» (1912). В эти годы Сибелиус стоял в одном ряду и с теми композиторами, которые (будучи в разной степени связанными с поздним романтизмом) представляли европейский модернизм – кроме уже названных Р. Штрауса и Дебюсси с Малером и Скрябиным. 1912 год стал рубежом для тех современников Сибелиуса, кто пошел по пути более радикального новаторства в развитии музыкального языка. В 1912 году Шёнберг написал вокальный цикл «*Лунный Пьеро*», а Стравинский окончил балет «*Весна священная*». Оба произведения – «две главные ипостаси новых музыкальных идей, открывших перспективы развития новым формам музыкального мышления» [4; 29]. И Шёнберг, и Стравинский, были моложе Сибелиуса (первый – на 9 лет, второй – на 17 лет). Прежде чем эти композиторы устремились к новым музыкальным берегам, они успели «постоять на плечах великанов» – усвоить мощный фундамент своих национальных музыкальных традиций. Сам же Сибелиус начиная с 1890-х годов упрочивал фундамент финской профессиональной музыки, а затем, оттолкнувшись от созданного им же самим, начал уверенно освобождаться от сковывающих его творческое развитие традиций в области музыкального языка и музыкальной формы. Его путь, как и путь некоторых ранее упомянутых младших современников (Мелартина, Палмгрена, Мадетоя, Куула), лежал *от позднего романтизма к модернизму*.

В финской музыкальной науке и критике в определении модернизма единого мнения нет, но нет его и в отношении других видов искусства. Один из самых радикальных представителей модернизма, композитор и поэт Эльмер Диктониус считал модернизм синонимом новаторства, а наш современник композитор Калеви Ахо понимает под модернизмом «стиль, прежде всего, напоминающий экспрессионизм Шёнберга или Скрябина, или же радикальный период творчества Хиндемита» [1; 7]. Есть расхождение и в отнесении отдельных композиторов к лагерю модернистов, это касается Ууно Клами (1900–1961). Однако сложность проникновения в сущность перемен, совершавшихся в финской музыке начала XX века и особенно в последнее десятилетие периода автономии (1908–1917), состоит не в «распределении» композиторов по направлениям, а в улавливании того исторического момента, когда сознательное следование традиции уступило место столь же сознательному ее преобразованию или столь же сознательному противопоставлению.

Преобразование/противопоставление – вот те траектории, по которым пошло развитие композиторской музыки и в Европе, и в Финляндии в 1910-х годах. По существу, это было повторением давнего спора «древних и новых» [19; 529–573], порожденного внемузыкальными причинами. Новое мироощущение, изменившийся взгляд на мир, размышления о стихийности развития жизни – все это вызывало разную реакцию у композиторов разных поколений: более взвешенную у опытных и более резкую у молодых. Разная реакция предполагала и разное отношение к музыкальной традиции.

В финской музыке 1900-х годов преобладало взвешенное отношение к традиции, и постро-мантические диалоги с поздним романтизмом были в большей мере своего рода испытанием его на жизнеспособность в новых условиях, попытками его преобразования изнутри (как делали романтики с наследием венского и немецкого классицизма), чем намеренным обрывом. Складывается впечатление, что младшие современники Сибелиуса (имевшие широкий международный музыкальный кругозор) дорожили своей молодой национальной традицией, и только поколение 1890-х годов решилось на ее ниспровержение. Сложность и многовекторность поисков адекватных времени средств музыкального языка 1910-х годов иллюстрирует и творческая биография Сибелиуса. После экспрессионистского прорыва в Четвертой симфонии он написал симфоническую поэму «Океаниды» (1914), отдав дань столь любимому финскими композиторами импрессионизму. 1912 год стал судьбоносным для молодого Аарре Мериканто (1893–1958), композитора с весьма драматической судьбой, пожалуй, самого радикального финского музыкального модерниста. О том, насколько непростым был путь молодых новаторов, не имевших высокой профессиональной репутации, свидетельствуют факты биографии А. Мериканто. К 19 годам он был автором оперы «Хелена» на либретто Ялмари Финне, премьера которой состоялась в университете Хельсинки в присутствии самого Сибелиуса. Поскольку композитор уничтожил оперу, мы можем составить представление о степени радикализма ее языка лишь на основании суждения авторитетного финского исследователя Х. Суйламо, который назвал «Хелену» А. Мериканто, этого «разгромленного гения», «стихийным проявлением радикализма музыкального языка» [22; 48–59].

Здесь нелишне напомнить известную истину, что композиторы-новаторы (и Сибелиус был в их числе) после премьер своих сочинений не всегда встречают у слушателей понимание. В преодолении «разделительной линии» между композитором и слушателями важную роль играет то, что в психологии музыкального восприятия именуется «установками на восприятие» [10; 11]. В формировании таких установок велика роль концертной и музыкально-театральной

деятельности. В Финляндии 1910-х годов в публичном продвижении современного искусства музыку опережала живопись. Кроме выставок зарубежного искусства⁹, 1910-е годы были отмечены созданием художественных объединений¹⁰, ориентированных на эстетику импрессионизма и экспрессионизма¹¹. На последние годы автономии (1913–1917) пришелся расцвет кубизма. Первое же исполнение музыки Шёнберга состоялось только в 1919 году, когда была исполнена оркестровая версия струнного секстета «Просветленная ночь», двумя годами раньше прозвучала Первая симфония Скрябина (для сравнения: премьера Первой симфонии Скрябина в Петербурге состоялась в 1900 году). Но для развития музыкального искусства важна была и общая художественная атмосфера, которая отнюдь не была застойной. Литературный критик Хагар Ульссон вспоминала в 1922 году: «Нынешним молодым трудно представить себе тот энтузиазм, который мы тогда пережили. Было столько событий, поток перемен с такой стремительностью захватил нас, что нам было недосуг даже по-настоящему разобраться, что же с нами происходило. И все же в те годы вокруг Первой мировой войны, когда все это началось, можно было действительно многое предчувствовать, если только душа была открыта миру. Дух захватывало, было такое чувство, что весь свет перевернулся, и впереди простиралось будущее, подобно широко вспаханному полю, – только засевай его. И кому же было засеивать, как не молодым поэтам и художникам, уже расставшимся с растоптанными ценностями прошлого и носившими в себе вдохновенный прообраз нового человечества, более высокого и тонко организованного, с сознанием своего предназначения» [7; 87]. В этом воспоминании одна из ключевых фраз – «растоптанные ценности прошлого». Дискуссия об этих ценностях среди музыкантов разгорится только после 1918 года в критических статьях модернистов – переехавшего в Финляндию из Петербурга композитора и критика Э. Пенгу и композитора, поэта и критика Э. Диктониуса.

РУССКИЙ ВЕКТОР ФИНСКОГО МОДЕРНИЗМА

Культурные контакты с Россией развивались на протяжении всего периода автономии. В работах Э. Карху разных лет эти контакты освещены достаточно подробно. После начала выхода в Петербурге Русской музыкальной газеты ее читатели стали получать сведения и о музыкальной жизни в Финляндии (см. об этом [12]).

Одним из первых представителей модернизма в Финляндии была уроженка Петербурга Эдит Сёдергран (1892–1923), профессиональное развитие которой как поэта было связано с изучением не только европейской, но и русской литературы [4; 105–106]. В области музыки в последнее десятилетие периода автономии кроме А. Мериканто

начали творческую деятельность еще два представителя модернизма – Вайнё Райтио (1891–1945) и ранее упомянутый Эльмер Диктониус (1896–1961). Самая короткая композиторская биография была у Диктониуса. На пороге новой эпохи он был единственным финским композитором (если не принимать во внимание оперу «Хелена», уничтоженную А. Мерианто), кто был готов принять эстафету экспрессионизма прямо из рук Сибелиуса, его Четвертой симфонии. Диктониусу была близка «мунковская» интонация крика и диссонантная экспрессия Сибелиуса, но в отличие от него Диктониус предпочел оркестровой мощи диссонансов шведский язык с обилием согласных. Обстоятельства сложились так, что Диктониус рано отказался от карьеры композитора и посвятил себя поэзии.

Творческие устремления Диктониуса влекли его на Запад, он хотел учиться у Шёнберга, но не получил от него ответа. С Райтио и Мерианто Диктониуса объединяло сильное увлечение музыкой Скрябина. Под впечатлением от музыки Скрябина находился и Сибелиус, и эхо скрябинских экстазов звучит в поэме для сопрано и оркестра «Луоннотар». В отличие от многих западных модернистов, Скрябин был гораздо прочнее связан с романтической традицией и потому, в известной степени, предлагал более эволюционный путь обновления музыкального языка. Музыка Скрябина, как и ранее музыка Чайковского, настолько упрочила музыкальные связи Финляндии и России, что вопреки сложившейся в Финляндии традиции совершенствовать музыкальное образование только в городах Европы А. Мерианто и Райтио пожелали отправиться в Россию.

Несмотря на сложные политические отношения с Россией, музыкальные (и в целом культурные) контакты Хельсинки с Петербургом и Москвой с начала периода автономии развивались весьма активно¹². В Хельсинки исполнялись произведения русских композиторов: М. Глинки, А. Рубинштейна, А. Бородина, П. Чайковского, Н. Римского-Корсакова, В. Калиникова, А. Аренского, А. Глазунова. В разное время Хельсинки посетили выдающиеся русские музыканты, композиторы, исполнители и педагоги: А. Глазунов (не менее 5 раз), А. Рубинштейн, А. Зилоти, Л. Ауэр, С. Рахманинов, В. Сафонов. Сибелиус, О. Мерианто и Каянус посетили с концертными выступлениями Петербург и Москву.

Привел ли обоюдный интерес музыкантов России и Финляндии друг к другу и творческий обмен между Хельсинки и Петербургом, Хельсинки и Москвой к формированию нового музыкального ареала на музыкальной карте Европы? Ответ на этот вопрос требует дополнительных

исследований, но и имеющиеся результаты исследований дают основание полагать, что к середине 1910-х годов возникновение такого единого (хотя и сложно структурированного) музыкального пространства стало реальностью¹³. Композиторы петербургской школы – Глазунов, Лядов и Стравинский соприкоснулись (хотя и по-разному) с карелианизмом: Глазунов и Лядов – через эпическую поэму «Калевала» в переводе И. Бельского и музыку Сибелиуса, Стравинский – через Глазунова, С. Городецкого и Н. Рериха. Общими были и музыкальные кумиры, сходные тенденции развития профессиональной музыки, отношение к фольклору как корневой системе композиторского творчества и способы работы с фольклорным материалом.

В 1915 году первым из финских композиторов, кто поехал учиться в Москву, был А. Мерианто. Годом ранее (в 1914-м) в Москве побывал отец А. Мерианто Оскар Мерианто. Он был приглашен для участия в шестом Историческом концерте в качестве исполнителя партии органа в симфонии К. Сен-Санса с-moll. Мерианто пробыл в Москве неделю и дал концерт из собственных органнх сочинений. Во время пребывания О. Мерианто в Москве его «опекал» С. Василенко, композитор, профессор Московской консерватории и организатор общедоступных исторических концертов¹⁴. Вместе они побывали в Большом, Малом и Художественном театрах. После этой поездки А. Мерианто и стал учеником Василенко. В следующем, 1916, году вслед за А. Мерианто в Москву отправился В. Райтио, он обучался в классе профессора А. И. Ильинского. Творческие результаты поездок были впечатляющими: молодым композиторам открылись манящие перспективы использования выразительных возможностей тембра, реализованные в произведениях, созданных уже в независимой Финляндии. Последний год периода автономии стал его музыкальной кульминацией. В 1917 году в авторском концерте А. Мерианто прозвучала симфоническая поэма «Лемминкяйнен», наполненная музыкальными впечатлениями от Москвы. Период автономии закончился, началась новая эпоха в истории финской музыки.

На протяжении всего периода автономии финская музыка развивалась во взаимных отражениях с другими видами профессионального искусства и культурной деятельности, инспирированными идеей национального самосознания. До начала периода независимости была создана не только характерная финская музыка, но и (благодаря возросшему профессиональному мастерству) созданы предпосылки для преодоления ею национальных границ и широкого международного признания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ 17 сентября 1809 года в Хамина (швед. Фридрихсгам) Россия и Швеция подписали мирный договор, по условиям которого Швеция уступила России Финляндию. В исторической науке период с 1809 по 1917 год получил название *периода автономии*.
- ² Стихотворение *Kulttuuri* («Культура») из сборника *Tähtitarha* («Звездный сад»). Существующие русские переводы этого стихотворения значительно отличаются друг от друга, но в обоих переводах сохранен главный смысл: культура Суоми – карикатура.
- ³ Примеры местных отличий очевидны в интерпретации сказочных мотивов в живописных сценах П. Хенрикинпойки и в церковной живописи школы в Катанти (толкование сюжетов и библейских персонажей в народном духе).
- ⁴ Ныне это здание является резиденцией президента Финляндии.
- ⁵ Определение принадлежит финскому историку литературы Х. Сихво [23]. Э. Карху предупреждал об опасности сужения исследовательского диапазона при привязке «карелианистских» культурных влияний исключительно к «Калевале» [8; 10]. Применительно к рассматриваемому периоду в истории культуры Финляндии под карелианизмом имеется в виду специфическое духовное движение, связанное с изучением природы и культуры Карелии и воплощением ее образов (картин) в художественном (литературном, живописном, архитектурном, музыкальном) творчестве.
- ⁶ Определение «золотой век» является общепринятым для характеристики финской художественной культуры 1880–1900-х годов. Применение данного определения к другим видам творческой деятельности указывает на синхронность происшедших в то время процессов.
- ⁷ Финский павильон, сооруженный по проекту Г. Геселлиуса, А. Линдгрена и Э. Сааринена, получил высокую оценку профессиональной критики. Гран-при получил В. Валлгрэн; А. Галлен-Каллела, главный художник павильона и автор фресок на сюжеты из «Калевалы», был удостоен золотой и двух серебряных медалей, он также был награжден орденом Почетного легиона; серебряной медалью был награжден М. Энкелл.
- ⁸ Позже Галлен-Каллела стал членом художественного объединения «Мост», основанного в Германии в 1905 году.
- ⁹ С 1901 по 1916 год в Хельсинки состоялись выставки французских импрессионистов (1901, 1904), работ Э. Мунка (1909) и норвежских художников (1911); состоялись выставки французских импрессионистов, норвежских художников, произведений В. Кандинского (1914–1916).
- ¹⁰ Группа «Септем» возникла в 1912 году (просуществовала по 1919 год).
- ¹¹ «Ноябрьская группа», совместная выставка которой состоялась в 1916 году.
- ¹² Открытие железной дороги между Санкт-Петербургом и Хельсинки в 1870 году способствовало оживлению музыкальных контактов между этими городами.
- ¹³ Еще в 1898 году С. Дягилев в статье «Выставка в Гельсингфорсе» писал: «Соединив силу нашей национальности с высокой культурой наших ближайших соседей, мы могли бы заложить основание для создания нового расцвета и для совместного шествия на запад» [5; 81]. Спустя 2 года, то есть в 1900 году, Дягилев уточнил: «...мимо Запада».
- ¹⁴ В 1907 году Москву в качестве дирижера посетил Сибелиус, а в 1910 году тоже в качестве дирижера – Р. Каанус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахо К. Финская музыка после Сибелиуса и становление музыкального искусства Финляндии / Русский перевод издания Kalevi Aho. Zur Finnischen Musik nach Sibelius und den Hintergründen Finnischer Kunstmusik. S. l. Suomalaisen musiikin tiedotuskeskus informaatioskeskus für finnische Musik, 1989.
2. Безрукова М. И. Искусство Финляндии: основные этапы становления национальной художественной школы. М.: Изобраз. искусство, 1986. 256 с.
3. Вихавайнен Т. Период автономии в финской историографии: Лекция / Пер. с фин. М. Ипатова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 28 с.
4. Друскин М. С. О западноевропейской музыке XX века. М., 1973. 271 с.
5. Дягилев и русское искусство: В 2 т. Т. 1 / Авт.-сост. И. С. Зильберштейн, В. А. Самков. М.: Изобраз. искусство, 1982. 496 с.
6. Жабинский К. А. О культурологическом подходе в современном отечественном музыкознании: тенденции, достижения, перспективы // Музыковедение к началу века: прошлое и настоящее: Сб. тр. По материалам конф. 30 окт. – 1 ноября 2007 г. / РАМ им. Гнесиных. М., 2007. С. 82–89.
7. Карху Э. Г. Финская лирика XX века. Петрозаводск: Карелия, 1984. 319 с.
8. Карху Э. Г. Общение культур и народов. Исследования и материалы по истории финско-карельско-русских культурных связей XIX–XX веков. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2003. 231 с.
9. Касаткина Т. А. О структуре художественного образа // Музыковедение к началу века: прошлое и настоящее: Сб. тр. По материалам конф. 30 окт. – 1 ноября 2007 г. / РАМ им. Гнесиных. М., 2007. С. 38–45.
10. Кирнарская Д. К. Музыкальное восприятие. М.: Кимос-Ард, 1997. 160 с.
11. Курбатов Ю. И. Хельсинки. Л.: Искусство, 1985. 247 с.
12. Нилова В. И. Русская мысль о музыкальной культуре Финляндии начала XX века // Русская и финская музыкальные культуры: проблемы нац. традиции и межкульт. взаимодействия / Сост. В. И. Нилова. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 5–14.
13. Нилова В. И. Музыка Сибелиуса в контексте культурно-исторических перемен в Финляндии конца XIX – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 320 с.
14. Салменхаара Э. Космополит Эрнст Пенгу и музыкальная жизнь Финляндии // *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus VI. Helsinki, 1989. С. 93–119.
15. Сарабянов Д. В. Стиль модерн. М.: Искусство, 1989. 294 с.
16. Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / Под ред. Т. Вихавайнена; Пер. И. Соломеш. Хельсинки: Общ-во финской лит-ры, 2004. 814 с.
17. Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 12 т. Т. 10. М.: Худ. лит-ра, 1975.
18. Такала И. Р. Финляндская линия. Очерки истории национальной мысли Финляндии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 84 с.
19. Эко У. На плечах великанов // Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / Пер. с итал. Е. Костюкович. М.: Эксмо, 2007. 592 с.
20. Lappalainen S. Finnish Viennese Classical Composers in Europe // *Balticum – a Coherent Musical Landscape in 16-th and 18-th Centuries*. Helsinki, 1994. P. 91–102.
21. Murtomäki V. Symphonic Unity. The development of formal Thinking in the symphonies of Sibelius. Helsinki, 1993. 340 s.
22. Suilamo H. Aarre Mericanto. A buttered genius / *Finnish Music Quarterly*, 1986. № 1. S. 48–59.
23. Sihvo H. Karjalan kuva. Karelianismin taustaa ja vaiheita autonomian aikana. Helsinki – SKS, 1973. 470 s.

СВЕТЛАНА ОЛЕГОВНА ЗАХАРЧЕНКО

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры
туризма ПетрГУ
zco59@mail.ru

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОССИЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В историческом аспекте рассматриваются типы российских предпринимателей, выясняются причины, повлиявшие на развитие этики бизнеса. А также дается анализ двух этических кодексов российского предпринимателя.

Ключевые слова: этика бизнеса, российский предприниматель, источники этики бизнеса, этический кодекс

Бытующее сегодня невнимание к этическим аспектам становления российского предпринимательства трудно поддается логическому объяснению, потому что исторически для россиян нравственные и ценностные опоры деятельности являются необходимым «фильтром» целесообразности – нецелесообразности предпринимаемых изменений.

Сложное, неоднозначное отношение со стороны массового сознания к предпринимательству в России обуславливается слабой рефлексивностью собственно этических принципов последнего [12]. Но рассмотрим портрет российского предпринимателя в историческом ракурсе.

В Московском государстве XV века деловые люди подразделялись на четыре типа: казенные (предприниматели, работавшие на царский двор); гости (русские купцы); немцы (иностранцы вообще); монастырские (торговые люди из монашествующих). Российский рынок представлял собой конкуренцию между этими группами. В XVII веке в связи с реформами Петра I появился новый тип деловых людей – держатели (управляющие производством, мануфактурами, имеющие монопольное право на государ-

ственный заказ). Также в XVII веке из-за церковного раскола произошел раздел предпринимателей на «чистых» и «нечистых» [6; 141]. Первые выполняли государственные заказы, обеспечивая потребности армии и флота, а также удовлетворяя растущие аппетиты царского двора. «Нечистые» же – старообрядцы – работали на рынок. Старообрядчество развивало традиционную модель поведения, которая не подразумевала резкой смены ценностных ориентиров. У старообрядцев складывалась иная, особая деловая этика. На первых порах большая часть предприятий создавалась на основе старообрядческой общины: ее глава автоматически становился главой дела, а все остальные – работниками. Складывался особый тип патернализма, о котором сегодня много говорят, ссылаясь на иностранный опыт управления кадрами. Именно старообрядцы создавали не только ремесленные училища, но и школы, библиотеки, читальные залы, специальные, в том числе и высшие, учебные заведения, хоры, рабочие театры.

В XVIII веке стал формироваться еще один тип: партикулярные предприниматели (частные лица). К началу XIX столетия сложился новый

тип делового человека: капиталистский мужик. Среди первых капиталистских мужиков следует назвать основателя династии Морозовых. Основное отличие этой группы предпринимателей от других состоит в том, что они впервые использовали вольнонаемный труд (за полвека до отмены крепостного права).

К началу XX века в России сложились следующие типы деловых людей: российские купцы, иностранцы, монастырские, содержатели, предприниматели, капиталистские мужики.

В рамках старообрядческого делового сообщества формировался определенный способ накопления капитала, так как деньги были нужны для выживания во времена гонений на веру. Государственная казна с ее льготами, заказами и денежным обеспечением была по-прежнему недосыгаема для предпринимателей-старообрядцев. Таким образом, российская деловая культура развивалась, по существу, в антирыночном направлении. Предприниматель из «чистых» заботился только о своем благополучии. В то же время «нечистые», концентрируя огромные финансовые средства, использовали их на развитие своего дела и на благотворительные и культурные цели. Именно культурные и социальные нормы староверов (интенсивный труд по 10–12 часов в сутки, бережливость в расходовании средств и преимущественное финансирование расширения дела, доверие со стороны единоверцев, которые давали им деньги под незначительные проценты) позволили им использовать благоприятные внешние обстоятельства для собственного преуспеяния и экономического благоустройства России. Существует точка зрения, что именно старообрядческая культурно-аксиологическая почва произвела на свет первичный прообраз того самого феномена, который мы сегодня могли бы назвать «духом русского капитализма» [7].

Проявлением высокой нравственности дореволюционного российского предпринимательства являлся культ честной конкуренции. Тогда не было в обычае обмениваться сведениями о кредитоспособности покупателя и др.

Нужно также отметить непривлекательные качества, характерные для большей части буржуазии начала XX века: жадность, показное мотовство, склонность к обману и спекуляции, во многом связанные с отсутствием общей культуры, ограниченностью кругозора и неразвистостью потребностей.

Поэтому в 1912 году российскими предпринимателями было выработано 7 принципов ведения дел в России:

1. Уважай власть. Власть – необходимое условие для эффективного ведения дела. Во всем должен быть порядок, поэтому необходимо проявлять уважение к ее представителям.
2. Будь честен и правдив. Честность и правдивость – фундамент предпринимательства, предпосылка здоровой прибыли и гармоничных отношений в делах. Российский пред-

приниматель должен быть безупречным носителем этих добродетелей.

3. Уважай право частной собственности. Свободное предпринимательство – основа благополучия государства. Российский предприниматель обязан в поте лица своего трудиться на благо Отчизны. Такое рвение можно проявить лишь при опоре на частную собственность.
4. Люби и уважай человека труда. Любовь и уважение к человеку труда со стороны предпринимателя порождают ответные любовь и уважение. В таких условиях возникает гармония интересов, что создает атмосферу для развития у людей самых разнообразных способностей, побуждает их проявлять себя во всем блеске.
5. Будь верен своему слову. Деловой человек должен быть верен своему слову: «Единожды солгавши, кто тебе поверит?» Успех в деле во многом зависит от того, в какой степени окружающие доверяют тебе.
6. Живи по средствам. Всегда следует оценивать свои возможности, жить и действовать сообразно своим средствам.
7. Будь целеустремленным. Всегда нужно иметь перед собой ясную цель. Предпринимателю такая цель нужна как воздух. Не отвлекайся на другие цели. Однако в стремлении ее достичь не следует переходить грань возможного. Нет такой цели, ради которой можно поступиться моральными ценностями [6; 144].

Данный этический кодекс просуществовал 5 лет.

В XX веке Россия перешла на государственное планирование. Этика бизнеса не была востребована в течение 70 лет.

До середины XX века советская экономика находилась под воздействием административно-командной системы и теневой экономики. Для первой была свойственна жесткая этика, главным стержнем которой была лояльность к системе, а для второй – этика «двойной морали».

На состояние предпринимательства в советской России оказали существенное влияние трагические последствия Первой мировой войны и войны Гражданской. Новые идеологические установки поставили предприимчивость в зависимость от власти.

К концу Первой мировой войны деловая культура России представляла собой причудливое переплетение новых образцов делового поведения и старых стереотипов, обусловленных не только особенностями религии и становления и развития русской нации, но и, несомненно, влиянием государства на деловую жизнь. Новые формы деловых отношений, складывавшихся в передовых отраслях хозяйства, скрывались устарелыми приемами ведения дел.

В период развитого социализма произошло постепенное замещение целей: бюрократический, технократический аппарат стал ориенти-

роваться на собственные узкие цели ведомственного характера. В итоге декларированная социализмом деловая этика размывалась «двойной моралью». А этика предпринимательства, основанная на православных устоях и духовности воспитания, будучи поставлена вне закона, оказалась утраченной, как и говорилось выше.

Существуют несколько источников этики бизнеса: во-первых, наследственность (эволюционные силы естественного отбора оказывают влияние на развитие таких черт, как альтруизм и кооперация, которые лежат в основе этической системы). Во-вторых, религия, в-третьих, философская система (основы трудолюбия и экономичности). В-четвертых, культурный опыт (правила, обычаи, передача из поколения в поколение). В-пятых, правовая система (закон дает представление об этическом курсе жизни, но не выражает всех этических предпочтений общества). В-шестых, нормы поведения (этические кодексы, оперативная политика компании) [9].

В зависимости от наличия и актуализации той или иной группы источников этики бизнеса можно говорить об особенностях трех переходных периодов российской экономики.

Первый переходный период приходится на 1930-е годы. Для экономики этого времени, зачастую называемой историками лагерной, характерны следующие признаки: служение системе, бесплатный рабский труд, церковь была отделена от государства, религия запрещена. Рынок существовал, потенциально существовала рыночная экономика, были предпосылки к теневой экономике.

Во второй период (1950–60-е годы), когда механизм власти был ослаблен и жесткий деспотизм перестал существовать, возникла этика двойной морали. В период оттаявшей экономики не было надежды на светлое будущее, не было места религии, вместо этических кодексов фирмы правила поведения диктовали должностные инструкции.

Для третьего периода (1990-е годы) характерна актуализация всех источников этики бизнеса. Экономика перестройки складывалась из теневой, которая вышла на первый план, и экономики предпринимательства. Наличие в экономике перестройки всех шести источников этики бизнеса создало беспрецедентный случай для экономического развития страны в целом.

Сегодня предпринимательство – неотъемлемая и важнейшая часть экономики России. Далеко не просто происходит становление предпринимательства. Нынешних предпринимателей, представляющих весь спектр бывшего советского общества, к сожалению, объединяют не лучшие стереотипы и взгляды на жизнь. К концу XX века в России существовали три группы предпринимателей.

1. Партийцы – пришли из партийной номенклатуры. Их основные черты: деловая хватка, цепкость, знание промышленности, широкая

сеть неформальных связей. Эти люди во многом придерживаются этических ценностей прежних бюрократических структур, в том числе традиций «кормления» при государстве, однако некоторые из них привнесли в бизнес и представления о служении обществу. В основе бизнеса лежат партийные деньги.

2. Теневики – пришли из теневой экономики. Бывшие работники хозяйства. Их черты: жестокость, деловая хватка, предприимчивость. Деятели теневой экономики, пополняя ряды легальных бизнесменов, привнесли с собой в возрождающийся российский бизнес своеобразные этические требования и моральные нормы из другой, более «жесткой» культуры. При этом они продолжают паразитировать на недостатках уже новой системы (такой паразитизм – единственный способ существования теневой экономики в любой стране). Бизнес создается на деньги черного бизнеса.

3. Инженеры, учителя, врачи, которые не нашли себя в своей профессии или под давлением обстоятельств. Они в целом характеризуются высоким уровнем интеллекта и достаточно высокими моральными качествами; добиваются чего-либо путем получения второго образования; учатся на своих ошибках. Их отличительными чертами являются интерес и внимание к дореволюционным традициям российского предпринимательства, стремление восстановить эти традиции с учетом принятых в мировой практике норм деловой этики. Однако их деятельность лежит в основном в сфере мелкого бизнеса, который основывается на скромных личных сбережениях этой группы предпринимателей.

Г. Н. Смирновым был проведен анализ этих трех групп. Представители первой группы и часть второй относятся к рыночной элите. Часть представителей первой и второй групп, попавших в бизнес по необходимости, пытаются изменить ситуацию. Бизнес для них не является целью жизни, это лишь временное занятие. Самые стойкие – предприниматели третьей группы. Они считаются основой и надеждой современного российского бизнеса [8; 115].

Портрет современного российского предпринимателя складывается из характеристик этих трех вышеописанных групп. И если сопоставить его с портретом делового человека Российской империи, то только в третьей группе, работающей на рынок, может отыскаться некоторое подобие российскому купечеству. О собственно государственной российской экономике говорить что-либо трудно. Государственные заказы выполняются предприятиями, вышедшими из-под контроля государства, но еще находящимися в переходном состоянии из-за директорского аппарата, который в основном состоит из чиновников. Это еще одна черта делового человека конца XX – начала XXI века.

Деловая культура современных российских предпринимателей представляет собой довольно пеструю смесь стереотипов поведения, перенесенных из эпохи командной экономики, заимствований из западной деловой культуры и не вполне оформившихся «правил игры», еще только складывающихся в процессе перехода России к подлинно рыночной экономике [3; 19].

По опросным данным, 7 из 10 руководителей предприятий стараются «по возможности» не нарушать закон (это означает, что если обстоятельства не слишком благоприятны, им приходится его обходить). Несовершенство и противоречивость самого хозяйственного законодательства дают массу способов уклонения от соблюдения закона. Невозможность следовать всем разноречивым законодательным положениям служит для предпринимателей оправданием собственных нарушений [6; 146], что говорит об их низком этическом уровне.

На общую характеристику российского предпринимательства оказывает влияние и то, что в России приобретение нового опыта в сфере делового общения, переход от привычек, накопленных в условиях административно-командной системы, к привычкам, необходимым для эффективного ведения дел в современной развитой экономической системе, происходит стихийно.

Сегодня основными чертами современной российской деловой культуры являются: избирательная этика в деловых отношениях; отношения с представителями власти; отношение к благотворительности; пиетет к иностранцам и гостеприимство; религиозные ориентации предпринимателей [6; 146–152]. Эти черты, выявленные в процессе изучения поведения современного российского предпринимателя, характеризуют этические нормы делового мира.

Разрешить этический парадокс российского предпринимательства возможно лишь в том случае, если государство выполнит свои функции и, во-первых, выработает нормы морали, а во-вторых, создаст цивилизованные условия для бизнеса, для его устойчивости в России. Тогда станет возможным приход во власть и в бизнес людей, способных изменить себя и адаптироваться к новым условиям, для которых собственное благо вполне легитимно, но которые, ставя во главу угла заботу о благосостоянии своей семьи, будут добиваться этого через достижение благосостояния страны (последнее, к сожалению, не прописано в современном этическом кодексе).

Стремясь учесть специфику делового мира, Национальный фонд «Российская деловая культура» [5] разработал в 1998 году документ «Двенадцать принципов ведения дела в России», призывающий предпринимателей к утверждению следующих принципов деловых отношений. Общие этические принципы должны быть использованы для выработки любой организацией и руководителями собственных этических систем.

Двенадцать принципов ведения дела в России [10; 112] подразделяются на четыре триады. Первая триада – это принципы личности:

1. Прибыль важнее всего, но честь дороже прибыли.
2. Уважай участников общего дела – это основа отношений с ними и самоуважения. Уважение и самоуважение даются выполнением принятых деловых обязательств.
3. Воздерживайся от насилия и угрозы применения насилия как способов достижения деловых целей.

Вторая часть описывает принципы профессионала:

4. Всегда веди дело сообразно средствам.
5. Оправдывай доверие, в нем – основа предпринимательства и ключ к успеху. Стремись завоевать репутацию честного, компетентного и порядочного партнера. Будь таким, каким ты хочешь видеть своего лучшего партнера.
6. Конкурируй достойно. Не доводи деловые разногласия до суда. Самый надежный партнер – тот, который тоже выигрывает от сделки.

Третья часть характеризует принципы гражданина России:

7. Соблюдай действующие законы и подчиняйся законной власти.
8. Для законного влияния на власть и законотворчество объединяйся с единомышленниками на основе данных принципов.
9. Твори добро для людей, а не ради корысти и тщеславия. Не требуй за него непременно общественного признания.

В последней триаде – принципы человека Земли:

10. При создании и ведении дела как минимум не наноси ущерба природе.
11. Найди в себе силы противостоять преступности и коррупции. Способствуй тому, чтобы они стали выгодны всем.
12. Проявляй терпимость к представителям других культур, верований и стран. Они не хуже и не лучше нас, они – просто другие. [2; 14–15].

В обоих этических кодексах российских предпринимателей (1912 и 1998 годов) прослеживается взаимосвязь этики, бизнеса и не только.

При сопоставлении указанных этических кодексов выявлено следующее: из семи принципов кодекса 1912 года в кодексе 1998-го учтены пять, неустраиваемыми оказались третий и седьмой принципы, которые утверждали необходимость труда на благо Отечества и целеустремленность предпринимателей в рамках морали. Добавленные в кодекс 1998 года принципы ненасилия, коллективного законотворчества, противостояния преступности и коррупции переносят акцент с этико-экономических аспектов на соблюдение правовых норм. Введение в современный этический кодекс юридической составляющей говорит не только об уважении к закону, но и об ослаблении этического аспекта в деловой культуре

современной России, который в прошлом базировался на религиозном мировосприятии, а теперь все чаще подменяется правовыми или силовыми рычагами. Это подтверждается и следующими факторами: после легализации староверов во время царствования Екатерины II был отмечен колоссальный рост российской экономики с одновременным повышением этической составляющей предпринимательства. А легализация теневиков в XX веке привела к росту экономики с параллельным ростом преступности. То есть в первом случае речь идет об этическом бизнесе – поезде, идущем по рельсам экономики и этики, а во втором случае этот поезд движется лишь по одному рельсу экономики, что вскоре приведет к неминуемому крушению.

Подлинные этические основы бизнеса в России, по-видимому, только предстоит сформировать. В настоящее время «в процессе формирования этики бизнеса в России проявляются две тенденции. С одной стороны, в опоре на законодательство, на отдельные проявления доброжелательности со стороны общественного мнения в среде предпринимателей развиваются формы контактов, принятые в современном деловом мире: ответственность, обязательность, обосно-

ванный риск и т. д. С другой стороны, не имея гарантий стабильности законодательства в сфере бизнеса, ощущая недоброжелательность со стороны различных властных структур и обществу, предприниматели вынуждены действовать по правилам, отличным от правил цивилизованного бизнеса» [11; 22]. Основная масса предпринимателей не желает ограничивать себя этическими рамками, поскольку само государство пока еще не создает условия, делающие «моральный» бизнес более выгодным, чем «неморальный». Моральный бизнес приносит максимальную прибыль. Предпринимателям, которые настраиваются на долгосрочные отношения, необходимо думать о том, чтобы и они сами, и их партнеры, кем бы они ни были, придерживались моральных норм.

Данное исследование ни в коем случае не призывает к возврату в прошлое и, тем более, к старообрядчеству; оно скорее обращает внимание на то, что без прочного этического фундамента деловая культура развивается в плоскости, заданной векторами «экономики» и «организации» [4], что само по себе беспочвенно, так как не имеет духовных корней, которыми человечество прорастает в будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введение в российскую деловую культуру. М.: ОАО «Типография «Новости», 2000. 218 с.
2. Вогель Д. Д. Этика бизнеса: прошлое и настоящее // <http://www.interfinance.ru>.
3. Кибанов А. Я., Захаров Д. К., Коновалова В. Г. Этика деловых отношений. М.: Инфра, 2006. 368 с.
4. Левкин Н. В. Организационная культура: взгляд с позиций системного подхода. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 267 с.
5. Национальная программа «Российская деловая культура» / А. Д. Кузьмичев, В. В. Керров. М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1997. 146 с.
6. Национальный фонд «Российская деловая культура» // <http://www.lim-service.ru/f20-3.htm>.
7. Подвойский Д. Г. Старообрядцы и русский капитализм // <http://www.rustrana.ru>.
8. Смирнов Г. Н. Этика деловых отношений: Учебник. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2006. 184 с.
9. Стратегии бизнеса: Аналитический справочник / Под общ. ред. академика РАЕН, д. э. н. Г. Б. Клейнера. М.: КОНСЭКО, 1998. 206 с.
10. Шихирев П. Н. Этические принципы ведения дел в деловой России: Учеб. пособие. М.: Новости, 1999. 248 с.
11. Этика бизнеса: Межкультурные аспекты / Отв. ред. А. А. Лобанов. М.: Дело, 1992. 280 с.
12. Этнос предпринимательства: общероссийские тенденции и проблемы // <http://www.owl.ru/library/016t-11.htm>.

УДК 316.334.3

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА МИЛЮКОВА

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
факультета политических и социальных наук ПетрГУ
miljukova_irina@mail.ru

ПАТРИОТИЗМ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ КАРЕЛИИ: АНАЛИЗ ЭССЕ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

В статье даны результаты контент-анализа эссе старшеклассников и студентов Карелии на тему «Патриотизм в жизни современной российской молодежи». В ходе исследования, осуществленного в 2008 году, были систематизированы доминирующие представления учащейся молодежи о природе и сущности патриотизма, оценен статус ценностей патриотизма в системе духовно-нравственных ориентаций молодых людей, определено их отношение к современным методам патриотического воспитания граждан.

Ключевые слова: социология молодежи, патриотизм, патриотическое воспитание, ценностные ориентации, качественные методы в социологии

В основу статьи положены результаты контент-анализа 339 эссе старшеклассников и студентов Карелии на тему «Патриотизм в жизни современной российской молодежи». Основной целью исследования, проведенного в рамках социологического мониторинга Министерства образования РК в 2008 году, было изучение статуса и содержания ценностей патриотизма в системе духовно-нравственных ориентаций современной молодежи. Анализ эссе позволил выявить многообразие представлений молодых людей о природе и сущности патриотизма; определить место и роль Родины в системе ценностей патриотизма учащейся молодежи; оценить уровень развитости ценностей патриотизма у молодого поколения и их отношение к современным формам и методам патриотического воспитания граждан. Полученные результаты сопоставляются и сравниваются с количественными данными, полученными в ходе анкетирования старшеклассников на первом этапе мониторинга в 2007 году.

Проблематика патриотизма в современном публичном и повседневном дискурсе становится все более и более популярной. В одном из своих выступлений премьер-министр РФ В. В. Путин назвал патриотизм исконной ценностью россиян, опорной точкой консолидации российского общества, источником силы и стойкости народа, способного на великие свершения [7; 4]. На протяжении многих веков патриотизм в России являлся важнейшей формой социальной связи, закрепляясь в общественном сознании в качестве высшей идеи, способной сплачивать весь народ для решения сложных задач социально-экономического и политического характера. Особенно это важно в условиях кардинальных качественных перемен, когда активно формируются новые ценности, а старые наполняются новым содержанием.

В то же время в современной социально-политической жизни трудно найти более неоднозначное понятие, вызывающее столь эмоциональные дискуссии как среди публицистов, так

и среди ученых [3], [4], [8]. Так, любовь к Родине можно рассматривать через призму этнических, классовых, гражданских или государственных интересов. Поэтому становление и формирование патриотизма как духовнообразующей ценности сопровождается поисками адекватной идеологической направленности этого феномена. В современном научном дискурсе более или менее четко просматриваются несколько различающихся между собой теоретических подходов к пониманию природы и сущностных характеристик патриотизма:

- *гражданский патриотизм* как любовь к стране рождения и/или проживания, как ответственность граждан за судьбу Отечества;
- *этнический патриотизм* как любовь прежде всего к своему народу (этнической группе), знание и уважение его истории, языка и культуры;
- *государственный патриотизм*, который сочетает любовь к стране с обязательным уважением государственной власти, с готовностью индивида беспрекословно выполнять свои конституционные обязанности и при необходимости жертвовать личными интересами во имя интересов общегосударственных;
- *либеральный патриотизм* как абстрактный гуманизм или любовь ко всему человечеству, безотносительно к какому-либо конкретному народу или стране.

Понятно, что описанные выше варианты патриотизма – это не более чем упрощенные теоретические модели, некие «идеальные типы» (М. Вебер), в реальной жизни они активно взаимодействуют и пересекаются друг с другом. Но в то же время эти модели весьма точно схватывают самую суть различных пониманий патриотизма как социального феномена.

В широком смысле слова патриотизм понимается как общественный и нравственный принцип, характеризующий отношение граждан к своей стране. В жизни это отношение проявляется в сложном комплексе чувств, знаний и ценностных ориентаций, установок и действий, обычно артикулируемых как любовь к Родине [5; 67].

Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации, утвержденная Правительством РФ в 2003 году, трактует патриотизм как особую направленность социального поведения граждан, предполагающую приоритет общественных и государственных начал над индивидуальными и узкокорпоративными интересами личности или группы [2]. Патриотизм – это сознательно и добровольно принимаемая позиция граждан, в которой приоритет общественного, государственного выступает не ограничением, а стимулом индивидуальной свободы и условием всестороннего развития гражданского общества. Разработанная на основе данной концепции «*Программа патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг.*» нацелена

именно на формирование данного типа социального поведения граждан [1].

В Карелии также разработана концепция и активно осуществляется региональная целевая программа «*Патриотическое воспитание граждан, проживающих на территории Республики Карелия, на 2008–2011 гг.*», в которой патриотическое воспитание рассматривается как важный стабилизирующий фактор социально-экономического развития республики на современном этапе. Главное внимание в этой программе уделяется работе с молодежью, что не случайно. Активный поиск жизненных целей российской молодежи, форм ее самореализации происходит в условиях идеологического плюрализма и социальной неопределенности, а это зачастую лишает молодежь необходимых общественно значимых ориентиров. Культура патриотизма может помочь молодежи увидеть такие ориентиры, даст толчок к духовному совершенствованию и основу для гражданской консолидации.

Чтобы оценить эффективность воздействия программы на «выходе», необходимо иметь четкое представление о «входе», другими словами, отчетливо понимать, какое место ценности патриотизма занимают в жизни молодого поколения до начала действия программы. Тогда те изменения, которые могут происходить в сознании и поведении молодых людей, можно будет с высокой долей вероятности связать с целенаправленным воздействием данной программы. Именно поэтому Министерство образования РК предложило включить в региональную целевую программу патриотического воспитания проведение регулярных социологических исследований учащейся молодежи в режиме мониторинга.

Анкетирование старшеклассников, проведенное в марте – апреле 2007 года, явилось начальным этапом широкомасштабного социологического мониторинга, основная цель которого – оценить динамику изменений в содержании и статусе ценностей патриотизма в системе духовно-нравственных ориентаций учащейся молодежи Республики Карелия¹. Данные, полученные в ходе анкетирования старшеклассников, позволили:

1. Определить, какое содержание вкладывают в понимание патриотизма современные 11-классники Карелии и какое место он занимает в системе их ценностей.
2. Оценить отношение старшеклассников к армии и степень их готовности исполнять свой воинский долг.
3. Выяснить представления учащейся молодежи о политике, их политические ориентации и гражданские установки.
4. Определить формы и степень социальной активности старшеклассников Карелии.
5. Проанализировать этнические установки 11-классников Карелии и оценить уровень их этнической толерантности.

6. Получить представление о наиболее важных социальных проблемах современной учащейся молодежи.

В целом результаты анкетирования показали, что ценности Родины и патриотизма занимают хотя и не самое высокое, но вполне устойчивое место в системе ценностных ориентаций учащейся молодежи [6]. Практически все опрошенные молодые люди (93 %) гордятся тем, что они граждане России, подавляющее большинство из них (83 %) планируют жить в своей родной стране и трудиться на ее благо, почти две трети (61,2 %) считают службу в армии делом чести любого уважающего себя мужчины и участвуют в различных формах ученического самоуправления. В то же время анкетирование позволило выявить наиболее существенные болевые точки в духовно-нравственном воспитании учащейся молодежи. Это прежде всего формирование бережного и внимательного отношения к историческому прошлому своей страны; профилактика нетерпимости и экстремизма; целенаправленное формирование межэтнической толерантности и правовой культуры у подростков.

Через год, в марте – апреле 2008 года, было проведено новое исследование, целью которого было уточнение и углубление данных об отношении современной молодежи к ценностям патриотизма, полученных в ходе анкетирования на первом этапе мониторинга. В качестве основного метода на этот раз был выбран метод эссе – сочинения небольшого объема, выражающего личностное отношение к проблеме. Молодым людям предлагалось письменно высказаться на тему «Патриотизм в жизни современной российской молодежи». Объектом исследования были ученики 11-х классов средних школ и студенты вузов (ПетрГУ и КГПУ). В общей совокупности было собрано и проанализировано 339 эссе, из них 232 написаны школьниками и 107 – студентами. Так как исследование имело качественный характер, то выборочная совокупность формировалась вневзвешенным методом: в нее целенаправленно отбирались разные типы школ – «столичные», районные и сельские, и разные типы классов – лицейские и «обычные». Из десяти выбранных нами школ подавляющее большинство, а именно восемь, участвовали в первом этапе мониторинга. Что касается студенческой выборки, то в нее вошли группы различных специальностей (гуманитарных, естественных и технических) и разных курсов («младшие» – «старшие»). В исследовании приняли участие 120 юношей и 219 девушек. Средний возраст школьников составил 16,7 года, студентов – 19,4 года. По этнической принадлежности большинство (82 %) отнесли себя к русским, представителей финно-угорских народов среди школьников оказалось около 11 %, среди студентов – 6 %.

Для анализа текстов сочинений использовались методы как качественного, так и количественного анализа. Полученные данные кодирова-

лись и обрабатывались в программах Excel и SPSS. Основными категориями количественно-качественного анализа были выбраны следующие:

- представления молодых людей о природе и сущности патриотизма;
- место и роль Родины в системе ценностей патриотизма учащейся молодежи;
- оценка и самооценка уровня развитости и сформированности ценностей патриотизма (как у самого себя, так и молодого поколения в целом);
- отношение к системе патриотического воспитания граждан.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ О ПРИРОДЕ И СУЩНОСТИ ПАТРИОТИЗМА

«Среди множества благородных чувств, которые может испытывать человек, есть замечательное чувство патриотизма. Оно, как мне кажется, не возникает в сердце человека однажды. Любовь к родному дому, городу, стране передается с молоком матери, а позже с возрастом приходит осознание своего единства с Родиной» (эссе № 2)².

Результаты контент-анализа эссе во многом совпадают с результатами анкетирования на первом этапе мониторинга. Например, и в том, и в другом случае наиболее распространенным среди учащейся молодежи оказалось гражданское понимание сущности патриотизма: 58 % школьников и 54 % студентов понимают патриотизм как любовь и ответственность за судьбу своего Отечества, как стремление трудиться на его благо, готовность к защите его интересов. *«Настоящие патриоты... прикладывают все усилия, чтобы их страна жила и процветала»* (эссе № 139). Причем для некоторых – это совершенно бескорыстная любовь, не требующая ответных доказательств: *«Во влюбленном состоянии человеку присуще совершать добрые поступки по отношению к другому человеку, при этом он не требует от другого ответного действия. Так же дело обстоит и с патриотизмом, т. е. человек трудится, совершает благие дела, не требуя ничего взамен от Родины, на мой взгляд, это и является проявлением патриотизма»* (эссе № 80). Другие же, и их большинство, ждут поддержки и защиты от своего Отечества в обмен на готовность верой и правдой служить ему: *«Гражданин должен выполнять обязанности перед Родиной, он обязан отдать долг перед Родиной (воинская служба). Но и мое государство должно выполнять свои обязанности, оно должно меня защищать, а я не чувствую этой защиты»* (эссе № 76).

На втором месте по распространенности находится так называемый «этнический патриотизм»: *«Патриотизм – это чувство единства к "своим", это любовь и уважение к своему народу, знание его культуры и следование его традициям»* (эссе № 214). Чаще всего в сознании

молодежи любовь к своему народу тесно увязывается с любовью ко всему «большому» Отечеству, а этничность органично «вписывается» в единое российское гражданство. *«Россия – великая держава! Мы живем в стране, которая занимает 1/6 часть суши, в стране, где по соседству проживают люди многих национальностей, но у всех нас есть одно общее – мы живем в сильной стране, независимой, богатой... людьми с широкой, как просторы нашей Родины, душой»* (эссе № 107).

В то же время в своих крайних проявлениях «этнический патриотизм» может превращаться в национализм и шовинизм. *«Быть патриотом – это защищать, прежде всего, свою национальность, ее интересы от других...»* (эссе № 216). К счастью, таких суждений в общей массе – считанные единицы. Напротив, в эссе, особенно школьников, активно осуждаются любые проявления национализма как не имеющие ничего общего с настоящим патриотизмом: *«Если взглянуть на современную молодежь, то, на их взгляд, патриоты – это люди, которые называют себя скинхедами. А на мой взгляд, это националисты, которые только позорят и опускают Россию. Это не проявление патриотизма, а просто способ выделиться из толпы»* (эссе № 4). *«Многие молодые люди неправильно понимают патриотизм, некоторые считают, что если они плохо относятся к другим странам, нетерпимы к иностранцам, то они патриоты, конечно, это не так. Патриотизм – светлое чувство, как сострадание»* (эссе № 7).

«Либеральный патриотизм», при котором любовь к своему Отечеству утрачивает смысл, так как границы Отечества размываются или становятся предельно широкими, не нашел широкой поддержки среди учащейся молодежи, хотя подобные рассуждения можно встретить в той или иной форме примерно в 4 % эссе. *«И вообще, я бы не хотела всю жизнь прожить в какой-то одной стране. Я люблю путешествовать, поэтому для меня Родина – это весь мир»* (эссе № 217).

Представления молодых людей о природе и сущности патриотизма напрямую отражаются и в тех примерах проявления патриотизма, которые они приводят в своих сочинениях. В качестве наиболее типичных и многочисленных примеров большинство назвали проявления массового героизма в годы Великой Отечественной войны, исполнение гражданского долга в Вооруженных силах, спортивные победы на международных соревнованиях и добросовестную деятельность граждан на «трудовом поприще». Конечно, не обошлось без упоминания «боления» за российскую сборную по футболу и победы Димы Билана на конкурсе «Евровидение». Но встречались и другие, менее привычные, примеры любви к Отечеству, например, *«отказ от употребления иностранных слов в разговорной речи», «предпочтение российских товаров иностранным»,*

«флаги на домах», «большое количество детей в семье», «отчисление налогов», «не брать взятки», «соблюдение чистоты города».

Любопытно отметить, что школьники при ответе на этот вопрос были гораздо более обстоятельны, чем студенты, они активно называли имена конкретных людей, которых считают истинными патриотами России. Чаще других звучали фамилии героев Великой Отечественной войны (Космодемьянская, Матросов, Ригачин, Гастелло, Мерецков, Жуков, Рокоссовский), чуть реже – имена полководцев и известных деятелей дореволюционной России (Александр Невский, Суворов, Кутузов, Минин и Пожарский). Активно назывались и имена известных русских писателей и поэтов – А. Ахматовой, С. Есенина, А. Пушкина, М. Лермонтова, М. Цветаевой, Л. Толстого и других, чья жизнь и творчество, по мнению ребят, являются ярким примером бескорыстного служения Отечеству и своему народу. А несколько школьников (6 человек) написали, что ярким примером патриотизма для них является деятельность президента РФ, ведь *«президент отдает часть своей жизни во благо Родины»* (эссе № 95).

В целом же можно с удовлетворением отметить, что патриотизм понимается молодыми людьми не только на уровне чувств и эмоций (хотя такое понимание и преобладает), но и напрямую связывается с активной деятельностью индивида на благо своего Отечества, с его конкретными поступками во имя общих интересов. В большинстве эссе патриотизм рассматривается как социокультурное явление духовной жизни общества, основанное на эмоциональной и рациональной идентификации личности с данным обществом, выражающейся в любви к «большой» и «малой» Родине, в чувстве общности, единства, солидарности с другими членами общества, сопричастности к их судьбе, готовности к практической деятельности для защиты общих интересов.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОДИНЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЕЖИ

«Иметь Родину очень важно, так как это то место, куда ты всегда можешь вернуться. Родина – это твой дом» (эссе № 94).

Подавляющее большинство молодых людей, написавших эссе, уверены, что *«иметь Родину, родной уголок, родную землю очень важно»* для любого человека. *«Родина должна быть у каждого, иначе человек неполноценен, он даже не знает, кто он и откуда»* (эссе № 1). *«Не иметь Родины – это не иметь детства, ценностей, традиций...»* (эссе № 20). Впрочем, среди нескольких сот собранных сочинений нам все-таки встретились четыре эссе, авторы которых уверяют, что Родина им не нужна. *«Человеку не важно иметь Родину. Для меня более важно иметь семью, друзей, которые могут прожиз-*

вать в любом месте в мире. Меня всегда будет тянуть туда, где будут находиться они, где у меня будет работа, перспективы развития, но в любом случае не туда, где я родилась» (эссе № 60). «Сейчас все больше требуется переезжать, поэтому современному человеку лучше не иметь Родины, чтобы не скучать по ней» (эссе № 27). Но если внимательно проанализировать тексты эссе, то понятно, что и этим молодым людям Родина оказывается жизненно необходимой, только либо они называют это по-другому, либо почему-то не хотят в этом признаваться.

Если патриотизм в сознании большинства молодых людей имеет неявную идеологическую окраску и, как правило, связывается с государством и политической системой страны, то понятие Родины воспринимается идеологически нейтрально, а потому более личностно и эмоционально. «Для себя я довольно четко развожу понятия “Страна Россия” и “Родина”. В самом деле, я патриот страны, хочу, чтобы Россия звучала гордо, но... я вполне смогу стать патриотом Англии, если туда перееду, это же будет моя страна, а я – ее часть, так что я захочу помочь ей. Но вот Родиной моей всегда будет Россия... Родина – это ощущение комфорта, что-то подсознательное. И Родина во всем. Я был за рубежом зимой. Мне не хватает там грязного талого снега, и не потому, что нечем поиграть в снежки, просто все не так...» (эссе № 20).

Понятие патриотизма зачастую связывается молодыми людьми только с прошлым, например, с Великой Отечественной войной, с советскими достижениями, с тем, к чему нынешнее поколение прямого отношения не имеет. Говоря о патриотизме, большинство вспоминало большую страну, сильную или не очень, с ее достижениями или проблемами, но при этом весьма «далекую», а потому – не в полной мере «свою». Родина же для молодых людей – это не прошлое, это их настоящее и будущее, это то, что близко, знакомо, понятно, а потому очень дорого: «...только на Родине человек может ощущать себя комфортно» (эссе № 14). «Родина дает чувство уверенности, стабильности, защищенности, причастности» (эссе № 17). Когда ребята пишут о Родине, нередко меняется даже сам тон и стиль их высказываний, он становится более «мягким», «интимным», трогательно-сентиментальным. «Настоящий Патриотизм уходит в прошлое. Родина же еще остается ценностью, но все чаще люди покидают родные места...» (эссе № 32).

Без сомнения, для многих Родина имеет культурно-историческое и духовно-нравственное значение, она связывает человека с его корнями, с историей и культурой своего народа, с его «коллективной душой». «Родина – это то место, которое ты любишь, так как оно тебе дало возможность появиться на свет, воспитало тебя, сделало человеком. Иногда люди отказываются от Родины. Но... современный человек обязательно должен иметь Родину, так как это от-

ражает... его нравственный уровень. Это кусочек души, куда хочется вернуться» (эссе № 88).

Тогда как патриотизм для многих не более чем просто «красивое слово, спущенное сверху», Родина вполне конкретна и подразумевает определенное место на земле, куда всегда можно вернуться: «Родина – это как родной дом. Человек чувствует принадлежность к тому месту, где он живет» (эссе № 28). «Человек должен знать и чувствовать, что где-то есть место, где его всегда ждут и где он будет счастлив» (эссе № 25). Родина, как любящая мать, «всегда простит и примет тех, кто однажды ее покинул».

Анализ школьных и студенческих сочинений свидетельствует, что понятие Родины для молодых людей ассоциируется главным образом с Россией и с «малой Родиной» – тем городом или поселком, в котором они родились или на данный момент живут (см. таблицу).

Представления учащейся молодежи о Родине (по результатам анализа эссе)

Представления о Родине	Школьники, %	Студенты, %
Россия	41,4	38,3
это город / поселок, в котором я живу	31,5	36,4
это моя семья, друзья, близкие люди	6,9	11,2
это прежде всего мой народ, его история, язык, культура,	1,3	4,7
это любое место в мире, где я чувствую себя защищенным	1,3	1,9
трудно определить или нет ответа	17,6	7,5

Любопытно отметить, что на представления о Родине весьма существенное влияние оказывает место жительства респондента. Среди школьников из районов и особенно – ребят из сельских школ ярко проявляется так называемый «локальный патриотизм» (иногда его называют «местечковым») – понятие Родины значительно чаще увязывается в сознании с тем поселком или городком, в котором живет в данный момент респондент. «Не понимаю, как можно любить Москву, президента, любить то, что абсолютно не знаешь!» (эссе № 15). «Да, Родина – это важно. У меня это маленький поселок в глубине Карелии, Родина – это там, где все знакомо, где радуется глаз, и от нахождения там получаешь такой кайф» (эссе № 64).

Конечно, было бы нелогично только противопоставлять понятия патриотизма и Родины, ведь в сознании многих молодых людей они вполне органично взаимосвязаны и дополняют друг друга. «Важно иметь Родину каждому человеку. Есть какая-то внутренняя забота, которая помогает, выручает, поддерживает тебя. Без Родины трудно, так человек может скитаться по странам, но так и не изведать такого чувства, как патриотизм. Достаточно только выйти на улицу, присмотреться к людям, если бы не было

патриотизма, страна давно бы уже развалилась, а тут происходит что-то вроде взаимоподдержки со стороны людей и со стороны государства. Мне кажется, нет такого человека, который не любит свою Родину» (эссе № 91).

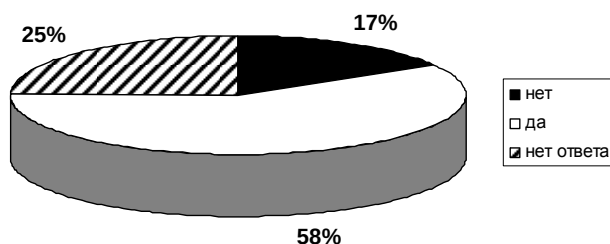
Именно любовь к Родине представляется молодым людям сильнейшим мотивом для активной созидательной деятельности человека по реализации интересов своего Отечества. «Мне кажется, в любое время понятие Родины, пусть "малой", будет цениться. Особенно в России. Мы так выросли, нас так воспитали... И такие чувства сохраняются, может, просто не так активно проявляются. Именно это и должно давать стимул к сознательной деятельности на благо России, и это важно» (эссе № 89).

Но эффективным стимулом к созидательной деятельности эта любовь может стать только тогда, когда есть твердая уверенность в том, что Родина никогда не оставит своих «детей», ни в радости, ни в трудную минуту. «Мне было тяжело, но я шел. Мне никогда не приходилось сомневаться, куда я иду. Я просто это знал. Я шел к Родине и до сих пор иду к ней. Родина живет во мне, а я живу в Родине... Я твердо знаю, что не продам ее недругам, но не знаю, не продаст ли она меня...» (эссе № 64). Без надежды и веры нет любви, а без любви не может быть и патриотизма.

ОЦЕНКА И САМООЦЕНКА УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ И РАЗВИТОСТИ ЦЕННОСТЕЙ ПАТРИОТИЗМА У МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Широко распространенное сегодня в публицистике мнение о невысоком уровне «патриотичности» современной российской молодежи стало уже настолько общим местом, что даже широко не дискутируется. Если молодые люди не идут служить в российскую армию или не остаются работать в родном селе, значит, им явно не хватает «патриотичности». А что думают по этому поводу сами молодые люди? В среднем только каждый второй из участвовавших в исследовании молодых людей (58 %) (среди школьников их несколько больше, среди студентов – несколько меньше) решился назвать себя патриотом (см. рисунок).

Можете ли Вы назвать себя патриотом?

Самооценка учащихся своего уровня «патриотичности»

Каждый четвертый респондент (25 %) затруднился дать однозначный ответ, особенно много среди них девушек: «Это трудный вопрос, потому что в обыденной жизни редко над этим задумываешься» (эссе № 92). Как показывают результаты исследования, на уровень самооценки серьезное влияние оказывает место жительства респондента: если на селе причислили себя к патриотам 63 % школьников, в районных городах – 58 %, то в Петрозаводске – уже только 50 %. Но дело здесь даже не столько в конкретных цифрах, сколько во внутренних причинах и мотивах, по которым молодые люди относят либо не относят себя к патриотам. Причины «патриотичности», несмотря на некоторое разнообразие, в большинстве своем концентрируются вокруг чувства любви и уважения к своей Родине и готовности трудиться на ее благо. «Да, я люблю Карелию, люблю родное село, участвую в деятельности по его благоустройству» (эссе № 64). Кто-то из ребят гордится родной культурой и историей, кто-то – своими «корнями», а кто-то восхищается уникальностью России и ее своеобразием. «Наша страна самая особенная и своеобразная из всех, и это мне нравится» (эссе № 25). «Я горжусь своей великой страной, верю, что, несмотря на все трудности, она займет достойное место в международной системе» (эссе № 17). Для некоторых любовь к Родине кажется самоочевидной и естественной для любого человека. «Жить в стране, имеющей великую историю, культуру... в стране, где родились и выросли многие поколения людей, родственников и где вырос ты сам, и не быть патриотом, даже если у этой страны недостатков и проблем тоже немало, должно быть стыдно» (эссе № 107). Поэтому иногда эти любовь и вера принимают в определенной степени иррациональный характер. Критически оценивая происходящее в современной России, многие молодые люди не перестают любить ее, принимая такой, какая она есть. Не будучи самым лучшим, для них Отечество все равно остается единственным и именно потому – любимым. «Я люблю свою Родину, свой народ, свою культуру со всеми их достоинствами и недостатками» (эссе № 15).

Для большинства из тех, кто причислил себя к патриотам, недопустимо покидать Родину, они потому и считают себя патриотами, что планируют жить и работать здесь, в России. «Я люблю эту может и не совсем совершенную страну. Я не хочу из нее уезжать ни за какие деньги» (эссе № 183).

Причины, по которым молодые люди не захотели или не смогли назвать себя патриотами, оказались более многочисленными и более разнообразными.

Первая, самая частая причина в этом ряду – невозможность любить страну, в которой столь многое вызывает неприятие, особенно в сравнении с «цивилизованными» странами. «Я не могу

называть себя патриотом той страны, которая не уважает своих граждан...» (эссе № 30). «Быть патриотом в нашей стране, когда творится "непонятно что", очень сложно. В нашей стране забыли о главном: о том, что человек является ценностью... Как можно любить такую страну?» (эссе № 43). Совершенно очевидно, что при таком подходе в сознании молодого человека государство и страна, власть и народ прочно соединяются в единое целое, а любовь к Отечеству обязательно включает в себя уважение к существующей в стране власти.

А вот отношение к власти, судя по сочинениям, у многих молодых людей, как среди студенческой молодежи, так и среди школьников, весьма и весьма критическое. «Мне не нравится политика страны, законы, конституция, отношение государства к народу» (эссе № 72). «Наше правительство – это те люди, за которых умереть было бы стыдно» (эссе № 221). «К сожалению, с нашим государством и нашей политикой называть себя патриотом просто глупо!» (эссе № 98).

Впрочем, точно такое же неприятие у некоторых молодых людей вызывают не только политики и политика, но и сами россияне, их уровень культуры, манера поведения: «Сегодня я встречаю все больше и больше соотечественников, которые не вызывают у меня никакого уважения и даже желания вступить с ними в контакт. Если я перестану любить русских людей, как я могу любить Россию?» (эссе № 34).

Правда, при этом следует заметить, что немалая часть сочинений из этой категории «критиков-(не)патриотов» проникнута настолько искренней и пронзительной болью за происходящее в России, что можно с высокой степенью вероятности утверждать: только настоящий патриот мог написать так. «Я очень люблю свою родину, каждый камень, каждый листок и цветок и даже каждую снежинку в бесчисленных снегах. Но как же сохранить эту любовь, когда я вижу беспредел, что творится вокруг? Почему же в столь прекрасной стране, как Россия, столь ужасное государство? Почему сейчас хорошо живут только те, кто обманывает и кто крадет? Хорошо любить свое Отечество, находясь где-нибудь за границей в собственном жилом доме и со всеми доставками. А как же любить родину тем, у кого чиновники отбирают квартиры и выкидывают на улицу с детьми, тем, которые жизнь свою отдали государству, а сейчас берегут каждую копейку с мизерной пенсии? Сложно сказать, как быть патриотом и как им стать...» (эссе № 67).

В некоторых сочинениях отчетливо просматривается чисто рациональное, можно даже сказать, потребительское отношение современных молодых людей к Отечеству – любить страну можно только за что-то. Следовательно, если Родина мало что дает тебе лично, то какой смысл быть ее патриотом? И это еще одна, до-

вольно частая причина для отказа назвать себя патриотом. «Ничего хорошего эта страна для меня и окружающих не сделала. Все условия проживания в этой стране не позволяют мне быть патриотом» (эссе № 25). «Как я могу быть патриотом своей страны? За что? За трубы комбината, которые портят и так плохое здоровье? Или за спортивные секции, где инвентарь еле-еле доживает уже второе столетие? Молодежь находит развлечение в курении или алкоголе, потому что делать больше нечего» (эссе № 71).

Неудовлетворенность ситуацией в стране и своим собственным положением, прежде всего социально-экономическим, нередко порождает у молодых людей желание навсегда уехать из России. «Почему люди уезжают из России – плохо жить, не нравятся люди, окружающие их, низкий уровень жизни. Патриотизм и экономическое благополучие страны тесно взаимосвязаны» (эссе № 95). «Если появится возможность, я уеду из страны туда, где мне будет комфортно жить» (эссе № 31).

С другой стороны, не менее часто молодые люди пишут в сочинениях о полной невозможности для них уехать из России навсегда: «Я не очень довольна тем, что есть в России на данный момент. Однако я не представляю жизни за границей. Мне чуждо восприятие мира и жизни всех иностранцев» (эссе № 58). Впрочем, даже в тех сочинениях, где молодежь говорит о своей готовности покинуть страну, чаще всего чувствуется некоторое сожаление и боль возможного расставания с Родиной. «Я всегда буду думать о своей стране, она мне не будет безразлична, даже если я буду жить далеко от нее» (эссе № 33).

Надо отметить, что молодежь относится критически не только к правительству и стране, она критически оценивает и саму себя. Не столь уж редко молодые люди отказывались назвать себя патриотами потому, что, по их мнению, уровень их личного сознания и поведения не соответствует в полной мере необходимым критериям «истинного патриота». «Трудно называть себя патриотом, когда ты плохо знаешь историю своей страны, когда с большей радостью ты покупаешь в магазинах товары импорта, а производимые в твоей стране обходишь стороной» (эссе № 49). «Я не чувствую себя готовым пожертвовать чем-то ради этой страны, не ощущаю необходимости прожить в ней до конца жизни» (эссе № 183). С присущим юношеству максимализмом молодые люди иногда ставят очень высокую планку: «Чтобы считать себя патриотом, нужно быть таким же, как Матросов, Ахматова, – совершить "большой поступок"» (эссе № 193). «Я очень сильно люблю свою Родину, но я не совершила еще ни одного подвига» (эссе № 115).

Анализ сочинений позволил также выделить среди респондентов группу молодых людей,

у которых сами слова «патриотизм», «патриот» вызывают определенную неприязнь и неприятие. Кто-то серьезно полагает, что патриотизм ведет к росту нетерпимости в обществе, потому что *«подразумевает обязательное противостояние "своих" и "чужих", "их" и "нас"»* (эссе № 15). Кто-то уверен, что патриотические чувства настолько интимны и личностны, что публично о них говорить просто неприлично, а излишне «напористые» попытки государства «привить» патриотические настроения молодежи зачастую приводят к обратному результату: *«Еще недавно я считала себя патриотом, но теперь это слово приобрело для меня оттенок пафоса и фальшивки»* (эссе № 34).

В среднем, по результатам контент-анализа эссе, каждый пятый студент (19,6 %) и каждый шестой школьник (15,1 %) отказались отнести себя к патриотам по тем или иным причинам. При этом, как мы видели, некоторых из них вполне допустимо называть патриотами, так как они искренне любят и переживают за свою страну, ощущают ответственность за ее судьбу, хотя их чувства и выражаются в эссе весьма противоречиво.

Но вот в оценках уровня патриотичности собственного поколения большинство авторов эссе оказались гораздо более строгими: только каждый четвертый (27 %) согласился, что современной российской молодежи присущ патриотизм, в то время как о себе так сказал каждый второй! *«Я считаю, что сейчас очень трудно найти настоящего патриота. По-моему, патриоты в наше время – это только то поколение, которое прошло Великую Отечественную войну»* (эссе № 215). *«Наше поколение воспитано в духе индивидуализма и не поступится своими интересами ради интересов страны. Очень многие мечтают уехать за границу, а у кого есть возможность – уезжают. Но вина ли это молодежи?»* (эссе № 26). *«Современную молодежь не интересуют такие вопросы, как патриотизм, чаще всего они думают о своей выгоде, личных интересах...»* (эссе № 33). Впрочем, не стоит переоценивать данные суждения – вполне вероятно, что молодые люди просто воспроизвели в эссе широко распространенный в российском обществе стереотип о невысоком уровне патриотизма среди современной молодежи, ведь про себя мало кто из них так написал.

Патриотизм современной молодежи, конечно, во многом отличается от привычного «советского», он – другой, в чем-то более разнообразный, в чем-то более противоречивый. Интуитивно, кстати, сами молодые люди хорошо это чувствуют: *«...современная молодежь понимает патриотизм как-то по-своему, иногда радикально, в форме экстремизма»* (эссе № 8). *«Оно (чувство патриотизма. – И. М.) немного двоякое. Они (молодые люди. – И. М.) любят свою страну, но в некоторых ситуациях могут грубо отозваться о ней, но я думаю, что это в силу эмоций»* (эссе № 25).

С другой стороны, тех, кто уверен, что современной молодежи в той или иной форме присущ патриотизм, в выборке оказалось все-таки больше, чем имеющих противоположное мнение. *«Я думаю, патриотизм присущ современному поколению, хотя и в меньшей степени, чем старшему»* (эссе № 93). *«В последнее время патриотизм среди российской молодежи начинает возрождаться»* (эссе № 18). Постепенно у молодых людей появляется осознание объединяющей и консолидирующей силы патриотизма: *«...патриотизм – это, пожалуй, то небольшое, что способно сплотить народ, и, объединившись под знаменем этого благородного чувства, мы бы могли много достичь»* (эссе № 1).

Сегодня приходит понимание того, что ни прагматизм, ни индивидуализм современной молодежи отнюдь не являются серьезной помехой патриотизму, ведь реализовывать свои интересы на практике можно совершенно по-разному, в том числе и с пользой для своей страны. *«Сейчас среди молодежи больше развиты капиталистические взгляды. И, получая образование, студент хочет иметь хорошую вознаграждение – высокооплачиваемую работу, хорошие условия труда, социальную защищенность. Наша страна не всегда это может дать. Но кто-то тупо едет в другую страну, где все готово, а кто-то старается изменить ситуацию в России сам»* (эссе № 88).

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ ПАТРИОТИЗМА ГЛАЗАМИ САМОЙ МОЛОДЕЖИ

Большинство авторов эссе согласны с тем, что ценности патриотизма у подрастающего поколения необходимо целенаправленно формировать: 81 % студентов и 68 % школьников написали об этом в своих сочинениях, и только 13 % не согласились с этим. *«Патриотизм нужно прививать еще с молоком матери. Чем больше будет патриотов в стране, тем лучше, в первую очередь для людей, проживающих в ней, тем добрее люди будут относиться ко всем и ко всему, что их окружает, тем сильнее будет государство, тем обстановка в стране будет позитивнее»* (эссе № 107). При этом молодые люди хорошо понимают, что патриотизм многое может дать не только государству и обществу, но и конкретному гражданину: *«...он даст молодому человеку возможность личностного и морального роста и развития»* (эссе № 247). Те же, кто отвергают целесообразность целенаправленного патриотического воспитания молодежи, выступают не столько против патриотизма как ценности, сколько против тех «насильственных» методов воспитания, которые, по их мнению, могут привести к обратному результату. *«Если на человека начать давить, пытаться "воспитать" патриотизм, он будет наоборот стремиться выйти из-под этого давления, отвергая Родину в своей душе»* (эссе № 83). Воспитание

любви к Родине не может быть навязчивым или прямолинейным, а выбор системы ценностей всегда должен оставаться за самим человеком. *«Специально не надо воспитывать патриотизм, каждый человек решит для себя сам, когда достигнет сознательного возраста»* (эссе № 7).

Можно заметить, что и те, кто в целом поддерживают идею патриотического воспитания молодежи, во многом также критически относятся к методам, которыми патриотическое воспитание сейчас осуществляется государством. *«Практикуемые сегодня методы не приемлемы и не приведут к положительному результату»* (эссе № 15). *«Надо воспитывать патриотизм не национальными проектами, пуская тем самым пыль в глаза, а достойным поведением, представляя Россию на международном уровне. Очень странно видеть, как с помощью федеральных проектов правительство пытается создать картинку государства, где все граждане “любят” свою Родину, “готовы” ради нее на все, как в годы ВОВ»* (эссе № 234).

Самое главное, считает молодежь, чтобы государственные программы патриотического воспитания граждан подкреплялись реальными и конкретными мерами по изменению общей ситуации в стране, только тогда они будут действительно эффективны. Ведь самое важное – чтобы слова не расходились с реальной практикой российской повседневности. *«Патриотизм убивается у молодежи именно ситуацией в стране, если условия улучшатся, то его прибавится»* (эссе № 59). *«Патриотизм ни у кого воспитывать не нужно! Достаточно просто наладить экономику в стране и проявлять уважение к проживающим в ней людям – вот тогда патриотизм вырабатывается сам»* (эссе № 98).

Другими словами, молодежь искренне считает, что государство должно позаботиться прежде всего о том, чтобы создать благоприятные условия для формирования патриотических чувств и представлений у своих граждан. А запланированные воспитательные мероприятия, осуществляемые образовательными учреждениями и общественными организациями, могут только дополнить эти усилия и довести их до логического конца. *«Не нужно превращать ее (молодежь. – И. М.) в зомбированных этими идеями (патриотизма. – И. М.). У современной молодежи должны быть свои герои, главное, чтобы они были в своей стране, а для этого нужно поднимать страну и образование, а также культуру»* (эссе № 186).

Многие молодые люди уверены, что патриотизм вырастает из чувства гордости за свою страну. А гордость появляется вслед за познанием героической истории России и ее богатой многонациональной культуры. Поэтому молодые люди в своих эссе предлагают больше издавать бесплатных книг по истории и культуре России, создавать кинофильмы о старых и новых героях, шире использовать в просветительских целях

возможности Интернет-технологий. Школьники, особенно в районах, часто писали о необходимости подключения к патриотическому воспитанию самой молодежи, например, через создание в школах молодежных организаций.

Любопытно отметить, что в эссе отчетливо прозвучала идея о необходимости дифференцированного подхода к воспитанию молодежи. *«В настоящее время патриотизм нужно воспитывать не у всех. Житель деревни никогда не предаст страну, потому что он живет ею, он ее чувствует. А вот в городах воспитывать патриотизм необходимо, потому что создается очень много молодежных субкультур, которые против России»* (эссе № 37), – пишет одна из студенток, приехавшая из сельской местности.

В любом случае процесс воспитания патриотизма у молодежи должен быть выстроен очень продуманно и психологически ненавязчиво, чтобы ни в коем случае *«не превратиться в жесткую идеологию, нельзя навязывать патриотизм людям...»* (эссе № 38). *«Это чувство должно родиться в самом человеке, а не из-за навязывания извне. Только тогда оно будет истинным»* (эссе № 329).

В целом можно сказать, что проделанный нами качественно-количественный анализ эссе так же, как и результаты анкетирования, не подтвердил гипотезу о низком уровне патриотизма у современной российской молодежи. Подавляющее большинство молодых людей, попавших в выборочную совокупность, без сомнения, искренне любят свою Родину, переживают за нее, ощущают эмоциональную связь с ней и чувствуют ответственность за ее судьбу. Другое дело, что патриотизм современной молодежи во многом отличается от патриотизма предыдущих поколений. Он становится, если можно так выразиться, более рациональным и прагматичным. Молодые люди совершенно осознанно хотят гордиться своей страной, ее реальными достижениями в сфере экономики, социальной политики и культуры. Они не готовы бездумно жертвовать своими интересами ради любого абстрактно сформулированного государством «общего блага». Более того, в ответ на свою лояльность и преданность они ждут реальной поддержки со стороны государства и общества, большинство из них убеждены, что имеют на это полное моральное право.

Патриотизм – весьма сложное духовно-практическое образование, которое понимается современной молодежью по-разному. Он включает в себя как патриотические чувства и представления, так и определенные убеждения и конкретные действия, направленные на пользу Отечества. Все эти компоненты органически взаимосвязаны между собой, но далеко не всегда эта связь осознается молодыми людьми. У разных авторов эссе на первый план выходили различные элементы, но у большинства явно преобладали эмоциональные аспекты.

Сравнение эссе школьников и студентов по содержанию свидетельствует о первых положительных результатах начатой в школах республики широкомасштабной кампании по патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Школьники гораздо активнее студентов приводили в эссе

многочисленные примеры проявления патриотизма, называли конкретные имена, точные цифры, демонстрируя хорошее знание прошлой и современной истории своей страны. Также в их сознании гораздо чаще патриотические чувства сочетаются с реальными практиками на благо Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Методом систематического гнездового отбора в список для анкетирования попали 46 классов из всех районов республики. Всего было опрошено 780 человек, что составляет 14,4 % общей численности выпускников средних школ Карелии в 2007 году.

² Здесь и далее в сочинениях сохранен авторский стиль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы». Утверждена Правительством РФ от 11 июля 2005 года № 422 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.narodru.ru/smi3349.html>.
2. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ed.gov.ru/junior/rub/patriot/konzept.
3. Кузнецова А. В., Кублицкая Е. А. Гражданский патриотизм – основа формирования новой российской идентичности. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2005. 328 с.
4. Левашов В. К. Глобализация и патриотизм. Опыт социологического исследования. М.: ИСПИ РАН, 2006. 176 с.
5. Левашов В. К. Патриотизм в контексте современных социально-правовых реалий // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 67–76.
6. Милюкова И. А., Винокурова Н. М. Патриотизм в системе ценностных ориентаций старшеклассников Карелии: результаты первого этапа социологического мониторинга, проведенного по заказу Министерства образования Республики Карелия (2007 г.) / Федерал. агентство по образованию, ГОУ ВПО «КГПУ». Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. 84 с.
7. Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетия // Российская газета. 1999. 31 декабря. С. 4.
8. Яновский Р. Г. Патриотизм. О смысле созидющего служения Человеку, народам России и Отечеству. М.: Книга и бизнес, 2004. 528 с.

УДК 133(075)

БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ МАРКОВ

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета
bmarkov@mail.ru

ЧЕЛОВЕК И НАУКА

В статье рассматриваются различные формы философского и антропологического анализа науки, предпринимается попытка их соединения. Современные технологии расцениваются как более гуманные. Отмечается, что антинаучные настроения в обществе являются пережитком старого мышления.

Ключевые слова: философская антропология, наука, человек, информационное общество

Революция в представлениях о рациональности не затрагивает приоритетности определения науки как системы объективно истинного знания. Между тем методология, социология, психология, культурология и, наконец, антропология – все эти дисциплины не просто внесли свой весомый вклад в современное науковедение, но предложили такие оригинальные и эффективные техники анализа знания, которые обрели статус универсальных философских программ. Эти новые подходы к обоснованию науки конфронтируют с традиционным определением науки как истинного знания, значимость которого, в конечном счете, определяется адекватным описанием объективного положения дел в самой реальности. Поскольку новые программы сложились на базе науки об обществе, культуре или человеке, естественно, они выводили объективность знания не из возможности постижения «самой реальности», а из устройства и функционирования общества, из природы человека, из того или иного исторического типа культуры. В результате оказалось, что сама «воля к истине» – это весьма недавнее событие, возникшее

на определенной ступени развития западной цивилизации. Вместо науки одного типа, прогрессирующей в направлении всеобъемлющего постижения объективной истины, получилось множество несоизмеримых способов описания мира. Дело дошло до сомнения в универсальности математических правил. Кризис в основаниях математики, осознание теоретической нагруженности опытного знания, которое считалось фундаментом науки, – все это привело к кризису традиционной философии науки и выдвижению на передний план новых программ, исследующих науку так же, как и другие дискурсивные практики, например идеологию, мифологию, литературу и т. п. Особенность перечисленных форм сознания в том, что они могут считаться объективными и достоверными без того, чтобы быть истинными.

Универсализация таких концепций, распространение их на объективное знание приводят к релятивизму, избежать которого можно лишь на путях теоретико-истинностного подхода к анализу языка науки. Однако понимание истины как соответствия знания реальности сталки-

вается с серьезными затруднениями, и это создает весьма неопределенную ситуацию. Парадокс в том, что наиболее распространенный семантический способ учреждения статуса истинности научного знания подтверждает правоту социологов и антропологов, но при этом указывает им вполне определенные границы, за пределы которых они не должны выходить. Поэтому кроме признания легитимности культурантропологического анализа перед философией науки стоит более важная методологическая задача: как совместить идею объективной истины с признанием зависимости ее проверки от субъективных, исторически относительных факторов? Единство человеческого рода не предопределено биогенетически. Человек – это не только биологический вид, но и культурное существо. В культурах разных народов есть общая основа, например способности к языку и познанию. В каждой культуре люди вступают в отношения с природой и друг с другом, изобретают орудия труда, строят жилище, создают семью, заботятся о подрастающем поколении. Все это определяет общность *homo sapiens*. Таким образом, антропологическое обоснование, включающее генезис первичных культурных технологий производства человека, помогает раскрыть и оправдать универсализм науки.

АНТРОПОЛОГИЯ НАУКИ

Если обобщить принцип относительности, то познание объективной реальности, помимо приборов и концептуальных каркасов, обусловлено особенностями человека и зависит от них. Очевидно, что наука, как и другие формы деятельности, должна быть «человекоразмерной». Однако попытка работать на основе такой простой и очевидной антропологической установки приводит к элементарному логическому кругу. Дело в том, что наука, как и другие социальные институты, не только требует, но и успешно формирует, воспитывает такие качества людей, которые необходимы для успешного функционирования системы. Стало быть, задача антропологии науки вовсе не в том, чтобы вовлекать индивидуальную биографию в объяснение возникновения новых научных теорий. Современная наука – сложный институт, и движение в нем не всегда зависит от таланта и работоспособности ученого. Сегодня даже специалисты плохо понимают друг друга, а роли, исполняемые в науке, хотя и иерархизированы, не могут одинаково успешно осуществляться одним и тем же человеком.

Философия науки занимается интеграцией различных методов анализа знания. Поэтому задача состоит в том, чтобы «вписаться» и в без того достаточно разнородный набор методов анализа науки. Проблема же состоит в том, чтобы при этом сохранить антропологическую установку и раскрыть участие человека в познании объективной истины. Что может или должно быть и что фактически выступает основой единства

знания – экзистенциально-антропологические или системные дисциплинарные параметры? Одни настаивают на возвращении в науку жизненного мира (лирики), другие – на открытии фундаментальных теорий (физики), третьи – на совершенствовании методов организации науки.

Антропологический подход, или принцип, получил распространение в результате секуляризации. Мы часто используем терминологию, введенную теологами, но придаем ей иной смысл. Например, понятие просвещения первоначально относилось к источнику всяческого света. Аналогичным образом познание как истолкование «книги природы» соотносилось с Творцом, которому приписывался предикат мудрости. Да и современный образ универсальной науки фактически построен по аналогии с божественной мудростью. Отличие состоит в том, что научное знание не завершено, но его развитие принимает кумулятивный характер, определяемый накоплением фактов и открытием всеобщих законов.

В рамках теологической парадигмы человеку отводилась явно второстепенная роль. Да и в античности разум был достоянием не человека, а бытия. Когда вера в Бога стала, так сказать, частным делом, необходимо было указать на нового субъекта познания. Естественно, на эту роль мог претендовать только человек. Понимание его как автономного индивида, родового существа или гражданина мира – это семейный спор в рамках нового мышления.

Чтобы определить предмет антропологии науки, необходимо уяснить, что такое антропология сегодня. Как специальная дисциплина она возникает в начале XIX века, и ее основной проблемой становится поиск предка современного человека. Однако по мере развития знаний о первобытных людях накапливались знания не только о морфологических особенностях, но и о поведении, мышлении, образе жизни примитивных народов. Так на базе истории культуры и этнологии возникает культурная антропология, согласно которой «природа человека» определяется уровнем развития культуры.

Антропология науки учитывает человеческие условия возможности познания. Субъект – это не всеведущий бог и не трансцендентальный субъект, а конкретный человек, который занимается наукой, будучи подвластен биологическим потребностям, социальным обстоятельствам и культурным условиям. То, как ведут, точнее, вынуждены вести себя люди, определяется устройством институций. Антропологические константы определяются вовсе не этничностью как совокупностью психофизиологических качеств, составляющих «природу человека», а социально-культурными особенностями той искусственной окружающей среды, которую выстраивает тот или иной народ или этнос. Поэтому при попытке дать антропологическое обоснование науке мы неизбежно приходим к изучению устройства новоевропейской культуры и возникно-

вения ее подсистем – науки и образования, которое играет решающую роль в воспитании качеств, требующихся от ученых.

Благодаря твердой уверенности в том, что научное знание представляет собой отражение реальности, как она существует «сама по себе», мы и терпим науку, несмотря на опасные последствия ее новых открытий. Может быть, вера в то, что человечеству удастся сладить с издержками научного прогресса, поддерживается еще и тем, что пока благо, даваемое наукой обществу, перевешивает зло, возникающее при использовании ее в качестве средства достижения антигуманных целей.

Проблемы и противоречия науки и гуманизма, науки и этики, человека и ученого возникают потому, что сложные системы, в которых формируются и живут люди, навязывают выполнение множества ролей. То, что называют культурой, обществом, представляет собой весьма сложный продукт разнообразных исторических практик. В эпоху формирования государств и развития высоких культур, когда тот или иной народ становится суперэтносом, социальный механизм обретае все большую автономность и преобразует, воспитывает, возделывает, культивирует рожденных и вскормленных матерями младенцев для своих нужд. Детей отправляют в детский сад, школу, университет, где из них готовят агентов системы, которая изначально создавалась как большая теплица, в которой вынужден обитать неприспособленный к дикой природе человек, а потом автономизировалась и стала сама определять и формировать необходимые для ее функционирования качества людей.

Об антропологии науки, как, впрочем, об антропологических условиях любой социальной деятельности имеет смысл говорить постольку, поскольку высшие, называемые по человеческим меркам формальными, бездушными, отчужденными подсистемы общества должны сами опираться на прочный фундамент первичных антропотехник раннего периода детского развития. В случае противоречия между ними, идеологически осмысляемого как «отчуждение», ни бюрократия, ни производство, ни наука, ни какие-либо иные формы организации социальной активности не имеют шансов на существование.

Антропологические параметры любой формы социальной деятельности необходимо выявлять и учитывать потому, что по мере нарастания достатка и благоденствия люди уже не соглашаются на отказ от первичных удовольствий, которые они получают от приватной жизни, построенной по принципу теплицы. То, что судьба науки связана с воспроизводством человека с фиксированным набором как физических, так и интеллектуальных способностей, не учитывается философией науки. Антропологический подход к науке, уравнивающий ее с другими формами ритуальной деятельности, встречает такое же сопротивление ученых, как антрополо-

гический принцип Л. Фейербаха у теологов. Это и наводит на мысль о том, что в борьбе с теологией ученые многому у нее научились (Бог присутствует в науке в форме геологической вечности, законов природы) и усвоили, что они являются посредниками между природой и людьми, как теологи – между Богом и человеком. Соответственно, университеты переняли от Римской церкви монополию на подготовку интеллектуальных кадров.

Социокультурный и антропологический принципы заменяют Бога-отца, прародителя всего сущего, человеком или социумом. Популярно говоря, антропологи XX столетия поставили на место Бога орангутанга. Между тем Ж.-Б. Ламарк, создавший классификационную модель природы, в которой виды животных, созданные Богом, пребывали в неизменном состоянии, Ж. Бюффон с его динамической теорией зарождения новых видов, Ж. Кювье, предложивший теорию катастроф для объяснения вымирания видов, и даже Ч. Лайель и его ученик Ч. Дарвин вовсе не конфликтовали с концепцией творения, и поэтому их теории были встречены обществом достаточно спокойно. Скандал разразился позже, когда дарвинисты заострили вопрос о существовании животного предка человека – обезьяны. Именно это вызвало серьезное сопротивление со стороны общества, образование которого еще строилось на теологическом основании.

Теория эволюции Дарвина устранила угрозу вымирания видов, о котором свидетельствовало множество фактов, и поэтому была встречена благоприятно. Отказ от божественного протектора, творца первой пары людей, в пользу обезьяньего предка датируется 1860 годом, когда Т. Гексли – верный последователь Дарвина – активно включился в дискуссию, начатую теологами. Он полагал, что развитие человека шло по линии обезьяна – черные – белые. Его противник Уейтли считал, что раз дикари не могут сами себя цивилизовать, то это доказывает работу божественного наставника. В ходе затянувшихся споров теология окончательно сдала позиции биологии, и обезьяна победила Бога. Однако революционность замены Бога человеком, а последнего – животным предком весьма сомнительна. Как и прежде, историки науки пытаются отыскать некоего праотца как европейской науки в целом, так и ее исторических парадигм. Между тем факты говорят о том, что у той или иной новой фундаментальной теории, производящей парадигмальный сдвиг в науке, может быть множество отцов, поэтому традиционная модель творения здесь не подходит. Например, то, что нам кажется революционным в теории Дарвина – борьба за существование и естественный отбор, не удивляло его современников, так как теория Мальтуса была общепризнанной. Важным казалось другое. Дарвину удалось раскрыть механизм видообразования и таким образом устранить неприятные последствия катастро-

физма. Это обнаруживает множество мотивов и оснований теории Дарвина. Считать, что она является только обобщением фактов, было бы неосмотрительно, ибо изменение видов на практике происходит крайне редко. Ссылка на теорию Т. Р. Мальтуса, которая встречается у самого Дарвина, тоже мало что проясняет, так как необходимо понять, почему эта отнюдь не естественно-научная концепция использовалась в науке. Приходится учитывать человеческий фактор. Действительно, Дарвин вынужден был вести борьбу за место под солнцем и сам финансировал свое путешествие. Что заставило его отказаться от традиционного способа построения карьеры: невозможность вписаться в традиционную систему достижения научного звания, решимость искать истину на свой страх и риск, стремление создать новую дисциплину и прославиться в качестве ее основоположника? Историкам науки следует самым серьезным образом переосмыслить гумилевскую теорию пассионарности.

Позиция эволюционизма в культурологии была сформулирована Э. Тейлором в работе «Первобытная культура», где постулирована концепция культуры как некой элементарной единицы общества. Тейлор разработал и широко применял компаративный метод исследования: феномены культуры могут быть классифицированы и ранжированы по стадиям в соответствии с вероятным порядком эволюции. Речь идет о согласовании развития социальных и биологических структур. Курс антропологии стал преподаваться в американских университетах в 80-е годы XIX столетия. В этом курсе упор делался на культуру, а не эволюцию. В XX веке техника полевых исследований существенно модернизируется, и основное понятие старой антропологии, понятие «первобытного общества», претерпевает инфляцию. В основе эволюционной теории происхождения человека скрыто допущение о наличии высокого интеллекта у дикарей, которые должны были изобрести первые орудия труда. Другая трудность состоит в том, что в оседлых обществах с устоявшимися традициями отсутствуют мотивы для новации. Отсюда – крен антропологии от культуры к социальным наукам. В результате возникло множество сепаратных антропологий для экономики, педагогики, политологии и т. п. Можно указать на две антропологические предпосылки понимания истории вообще и истории науки в частности. Во-первых, допущение о биологической недостаточности человека, согласно которому человек не может существовать самостоятельно и в одиночку, а только коллективно. При этом социальность реализуется в формах иерархических, солидарных или либеральных обществ. Во-вторых, допущение о генетической недостаточности, согласно которому для передачи социальной организации приходится использовать рациональность, то есть обучать молодое поколение нормам и правилам коммуникации.

Таким образом, в человеческом сообществе реализуется единство природного, социального и разумного. Однако на теоретическом и дисциплинарном уровнях между этими феноменами проводится резкая граница. Что касается понятий «природного», или собственно «антропологического», то в их понимании есть много неясностей. Расовая теория, генетика, концепции искусственного интеллекта и цивилизации на неорганической основе явно абсолютизируют нечеловеческий аспект. Наоборот, сторонники социологизма считают, что все в человеке, природа которого пластична, зависит от воспитания. Конечно, человек – это биологический организм, имеющий объективные параметры существования. Однако он более или менее индифферентен по отношению к ментальности. Люди разных рас и национальностей, жители городов и маленьких поселений не слишком сильно отличаются по интеллекту, если они получили примерно одинаковое воспитание и образование.

Однако учебники меняются вслед за изменением наших знаний, а человеческая природа неизменна. Но индифферентность ее относительно социальности и рациональности только кажущаяся. Действительно, каждый человек считает правильными, истинными тот общественный строй, в котором он родился и вырос, и те знания, которые он получил в процессе обучения. Но это не означает, что природу человека можно не принимать во внимание. Скорее наоборот. Усваивается, принимается как родное то, что согласуется с этой природой. Хотя знания о мире, о справедливом порядке, о правильной жизни у человека меняются, все же существуют возрастные границы научения, и определяющим остается то, что усвоено в ранние годы. Даже языковая и мыслительная способности, не говоря о других, формируются у ребенка до того, как его успевают отдать в школу.

Сегодня социальная среда и символическая оболочка не представляют собой монолитный защитный панцирь, а напоминают, по образному выражению П. Слотердайка, пену. Впрочем, раньше противоречий тоже хватало, но если кто-то упорствовал, указывая на них пальцем, по отношению к нему применяли самые суровые санкции. Наиболее яркие примеры – сожженные Дж. Бруно и М. Сервет, отрешившийся от гелиоцентризма Г. Галилей, временами осуждаемый Ч. Дарвин. В 20-е годы XX века в Америке прошли «обезьяньи» процессы. Недавно и у нас родители школьники подали в суд, протестуя против включения теории эволюции в школьную программу.

Основу школьного образования составляют знания о внешнем мире. Конечно, знание – это не инстинкты, а мир человека отличается от окружающей среды животных. М. Хайдеггер справедливо писал о человеке как просвете бытия. Однако нельзя не признать и то, что приспособление к миру на основе знания обусловлено именно антропологическими особенностями *homo sapiens*.

и, прежде всего, его природной недостаточностью и неприспособленностью. Поскольку младенец рождается незавершенным и лишенным программы поведения в окружающей среде, он нуждается не только в тепличных условиях существования, но и в научении. Это и объясняет тот факт, что язык запускается немедленно.

Л. Леви-Брюль отметил заботу о детях, а также весьма затянутый период детства. Состояние несовершеннолетия длится до посвящения. До этого юноша как бы на побегушках, он как бы не существует. Испытания являются долгими и мучительными, порой доходят до настоящих пыток: бичевание, подрезание, укусы ядовитых насекомых и т. п. Речь идет не просто об испытании, а о партиципации с мистической реальностью. Леви-Брюль назвал мышление древних людей, которое безразлично к принципу непротиворечивости, «пралогическим». Однако и мышление современных людей не всегда согласовано с принципами логики. Партиципация характерна как для диких, так и цивилизованных народов. Нечто похожее имеет место и в науке. Студент, аспирант, докторант должны преодолеть определенные барьеры на пути к защите. Защита дипломной работы, диссертационного исследования сильно напоминает посвящение. Главное в том и другом случае – не профессионализм, не личные достоинства, а вхождение в группу, использующую системную организацию для совершения действий, которые невозможно осуществить в одиночку.

На социум можно взглянуть через призму системного подхода и антропологии. Тогда он предстает как некий сверхорганизм, частями которого являются отдельные особи. Более того, интеграция как самого общества, так и его подсистем, которые в силу специализации дробятся уже на механические фрагменты, осуществляется отдельными людьми по принципу органической целостности. Отсюда одни ученые нацелены на создание автоматов, копирующих деятельность человека, другие, как Колмогоров, на создание новой высокоорганизованной жизни, непохожей на нашу.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Функции школы и университета не сводятся к репродуцированию и трансляции знания, ибо они являются местами производства человеческого в человеке. Вопреки мнению М. Фуко, образовательные учреждения не сводимы исключительно к дисциплинарным пространствам. Университет – не только храм науки или институт государства, но и некий антропологический парк, социально-педагогическая «машина» формирования человека. Школы и университеты являются своеобразными теплицами для созревания юношества до такого состояния, когда они будут способны осуществлять обмен с другой культурной средой без риска для самосохране-

ния. Задача системы образования состоит в том, чтобы сформировать у молодежи символическую иммунную систему, обеспечивающую восприятие чужих идей с пользой для себя. Первая угроза состоит в том, что открытость университетского образования оставляет молодежь беззащитной перед чужим. Вторая угроза идет от закрытости, когда традиции замыкают человека в капсулу освоенного культурного пространства. И в этом случае он оказывается беспомощным перед вирусами чужого, которые взламывают традиционные механизмы защиты. Используя эту биологическую метафору, можно сказать, что цель педагогики состоит в сохранении и развитии символической системы самоутверждения общества. Для этого целесообразно подвергнуть ее искусственным вирусным инфекциям, чтобы в открытом мире человек мог сохранить свою идентичность, чтобы он мог общаться с другими и не замыкаться, а расширять свой культурный горизонт. На этот критический аспект педагогики особое внимание всегда обращала философия, которая стремилась передавать знания в форме диалога, а не монолога, и не диктанта, а диспута.

Греческие города-полисы могли себе позволить индивидуальную работу с юношами, в ходе которой культивировалась дружба и философия. При этом наставники не ограничивались открытием истины, а путем всестороннего и несколько утомительного разговора убеждали юношей в необходимости того или иного решения. При изучении античной «пайдейи» мы сталкиваемся с единством дискурсивных и дисциплинарных практик в том смысле, что само рассуждение, вне которого не мыслилось достижение, например, справедливости, выступало не только как наррация о порядке бытия, но и как речевое действие.

Изучение порядков повседневности античного общества обнаруживает, что философская «забота о себе» являлась альтернативой тем дисциплинарным практикам воспитания юношества, которым они подвергались, например, в гимназии. И наряду с критическим отношением к процедурам управления своим телом, которые использовались в греческом полисе, философия часто опирается на сложившуюся систему различий, например, мужского и женского, и пытается их обосновать в форме метафизики холодного и теплого, материи и формы и т. д. Становится понятной граница критической рефлексии, когда без обсуждения благо определяется как умеренность. Древнегреческие мыслители знали о несовершенстве человека, и ужасным «дионисийским» порывам они хотели противопоставить разумность. Однако на практике использовались процедуры закаливания, тренировок, гимнастики и диеты, благодаря которым человек мог контролировать и сдерживать свои желания. Это была тонкая стратегия, сопряженная с риском: с одной стороны, культ телесной наготы и возбуждение телесных желаний, а с другой – сдержанность и самодисципли-

лина. Вопрос о том, на что делается упор в античной этике: на самопознании или на каких-то иных формах самоконтроля и самопринуждения, является спорным. Долгое время полагали, что античные философы ориентировались прежде всего на познание идей, на постижение порядка космоса, чтобы на этой основе регулировать частную и общественную жизнь. Жизнь определяется в античной Греции как мера предела и беспредельного, как упорядоченное бытие. Оно определяется душой, которая, собственно, и есть мера. Благо – это то, относительно чего понимается и оценивается человеческое существование. Знание о том, что человек существует ради блага, дает четкий ориентир жизни, обеспечивает собственное умение быть.

Новое время связано с усложнением экономики и хозяйства. Возникает необходимость целесообразного использования ресурсов, техники, человеческих сил. Дифференциация и рационализация общественного пространства приводит к борьбе с бродяжничеством: каждое место должно быть закреплено за индивидом. Дифференциация пространств (появление тюрем, больниц, домов призрения, казарм, школ, фабрик и заводов), внутренняя сегментация этих государственных учреждений (классы внутри школы, группы внутри классов) требуют разделения и иерархизации людей. Люди извлекаются из натуральных условий обитания и подлежат преобразованию в казармах, школах, рабочих домах или больницах. Изобретаются многообразные ортопедические техники, направленные на формирование новой анатомии, нового тела, способного эффективно и бесперебойно выполнять те или иные общественные обязанности.

Так складывается новая технология власти, направленная на индивида. Вероятно, ее началом является казарма, так как преобразование рыцарей в солдат регулярной армии было сопряжено с муштрой и дрессурой. Не случайно эпоха Просвещения, открывшая свободу, избрала дисциплину. При этом дисциплина становится технологией производства индивидов. Сегодня наиболее распространенным инструментом все еще сохраняющейся дисциплинарной технологии остается экзамен и разнообразные его формы: опросы, тесты, осмотры. Рождение индивида, полагал Фуко, следует искать не столько в теориях автономии личности, сколько в детальных записях разнообразных осмотров и экзаменов [2; 279]. Школа превращается в аппарат непрерывного экзамена, дублирующего весь процесс обучения. Он постепенно перестает быть интеллектуальным агонем и все больше становится способом сравнения. Экзамен превращает ученика в область познания. Школа становится местом педагогических исследований. Она формирует индивида и вводит его в документальное поле. Однако индивид в результате превращается в «отдельный случай» и даже в аномалию. Он есть постольку, поскольку

ку его можно описать, оценить, измерить, но также муштровать, учить или лечить.

История развития университетов подтверждает точку зрения Фуко. Первоначально они состояли из факультетов свободных искусств и теологии. Университеты учреждались в городах, и постепенно заменили монастырские школы. В Парижском университете упор делался на изучении грамматики, риторики и диалектики, в Оксфорде основу обучения составлял «квадриум»: арифметика и геометрия, астрономия и музыка. Университет – это учреждение, представляющее сообщество ученых, объединившихся для осуществления образовательной деятельности. Его задача – организовать курс обучения на основе учебного плана, расписания, чтения лекций, организации диспутов, приема экзаменов. Первостепенную роль играли тексты Аристотеля, представлявшие собой идеальные лекции. Комментирование текстов, к которому сводилось обучение, получило название схоластики.

Но университет – это не только аудитории, где профессора, напоминающие небожителей, читают лекции о вечных истинах. На самом деле то, что они говорят, является частью борьбы за признание, которую ведут между собою члены корпорации, называемой университетом. Речи и книги мыслителей формируются не в безвоздушном пространстве, а в атмосфере, наполненной ароматами эпохи. Дух времени определяется социальным и культурным пространством, устройством общественных институций, регулирующих мысли, чувства и поступки людей. Главной задачей школы в начале Нового времени было обучение латинскому языку. Это готовило к освоению естественных и гуманитарных наук в университете. Из 26 уроков в неделю 2 урока отводились на закон Божий, 6 уроков – на музыку, 18 уроков – на преподавание латинского языка. История, математика, география были введены в большинстве школ лишь в XVIII столетии. Самое удивительное состоит в том, что в школах не изучали родной язык, и только в некоторых учебных заведениях учили орфографии и грамматике. Учителя и ученики должны были говорить на латинском языке. Наказанием за это был невыносимый слог литературы. Обучение строилось на основе механического заучивания. Учителя диктовали урок, а ученики должны были повторить его наизусть. В школах изучалась логика и проводились диспуты на богословские или философские темы. По воскресеньям ученики слушали проповеди в церкви. Главным орудием воспитания были розги. Нравы были довольно жестокими, ученики часто дрались, играли в карты и пьянствовали. Студенты вели себя не менее буйно, они часто нарушали течение церковной службы, устраивали попойки и драки не только между собой, но и с горожанами.

Обучение в университете длилось долго – до 10 лет, и во многом сохраняло средневековую систему лекций, где часть времени тратилась на диктовку текста, а часть – на устный коммента-

рий. Другая форма обучения – диспут, в котором участвовали профессора и студенты. В средневековых университетах учителями часто были учащиеся. Получив степень магистра по философии, выпускник мог читать свой курс и одновременно продолжать образование на другом факультете, как правило, богословском.

В Средние века университеты находились под контролем церкви, папская булла наделяла их правами и привилегиями, наделяла доходами от церковного имущества. Это определяло единство университетов в феодально-раздробленной Европе. Первый германский университет был учрежден в 1348 году в Праге, затем университеты были открыты в Вене и Гейдельберге. Поскольку каждый князь стремился открыть собственный университет, в Германии появилось 12 университетов. После Реформации контроль церкви заменили контролем государства. Однако вплоть до XVII века влияние церкви оставалось весьма значительным. Во главе университета стоял ректор, пользовавшийся большим почетом, он избирался на год поочередно от факультетов. Канцлер – второе лицо в университете – назначался папой и контролировал экзамены и выдачу дипломов.

В XVI–XVII веках в университетах по-прежнему господствовал дух мелочной регламентации. Поведение профессоров во многом было обусловлено враждебностью и непримиримостью корпораций. «Немногие из ученых того времени, – писал Герье, – понимали самостоятельное значение науки и ставили ее интересы выше тех соображений и расчетов, к которым их влекли их общие предрасудки, рутина и предания старины» [1; 61]. Жалование складывалось из разных источников и сильно различалось в зависимости от факультетов. Меньше всех получали философы – около 200 талеров в год, богословы – в два раза больше. Профессора имели привилегии. Их освобождали от налогов и разрешали вести торговлю даже спиртным. Недельная нагрузка состояла из 4 публичных лекций, за которые получали жалование. Примерно столько же читалось платных лекций. Кроме лекций профессора должны были проводить от 2 до 6 диспутов в неделю. Если учесть заседания и экзамены, а также этикетные мероприятия – посещение церкви и гостеприимные пирушки, то свободного времени оставалось немного. При этом профессора демонстрировали невероятную продуктивность и писали многочисленные труды.

После распада феодального порядка в Европе образовалось множество национальных государств, единство которых строилось на новой основе. Высшее образование стало поддерживаться государством не только потому, что на его основе осуществлялась подготовка государственных чиновников, но и потому, что школа и университет способствовали воспитанию патриотизма. Насколько хорошо это понимали еще в XIX веке, свидетельствует изречение о том, что войны выигрывают учителя гимназий.

Взаимодействие государства и университета отчетливо проявляется на примере создания Берлинского университета в 1807–1810 годах. Один из разработчиков миссии университета В. фон Гумбольдт утверждал, что наука подчиняется своим собственным правилам игры, но добавлял, что университет должен привнести свой материал – науку – для духовного и морального строительства нации. Кризис национального государства с неизбежностью приводит к кризису классической науки и образования, оборотной стороной которых всегда была служба государству.

Сегодня знание уже не символизирует могущество национального государства, а производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным. Оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях – чтобы быть обмененным в форме информационного товара, необходимого для усиления производительной мощи; знание уже является и будет важнейшей, а может быть, самой значительной ставкой в мировом соперничестве за власть.

НАУКА И ОБЩЕСТВО

У М. Вебера рационализация понимается как социальный процесс, характеризующийся преодолением традиционных форм легитимации (сакральных) и установлением целерациональных критериев деятельности в результате институционализации науки и техники, индустриализации труда, урбанизации жизни, формализации права, демократизации общества, консумеризации человеческих отношений. Вебер видит опасность онаучивания и технизации жизни, однако причиной этого считает неправильное использование науки и техники. Т. Адорно и Ю. Хабермас видят в науке и технике идеологию господства, которая им присуща изначально и не может быть изъята без того, чтобы они исчезли. Какое-то время люди «легитимировали» право науки и техники вмешиваться в жизнь и распоряжаться веществом природы и общественными отношениями тем, что они обеспечивали комфорт. Однако сегодня очевидны и опасные последствия безудержной технизации. Наступил век разочарования и критики. Г. Маркузе считает, что в рамках некапиталистического общества возможны иные наука и техника, которые будут поддерживать отношения не господства, а сотрудничества и соучастия. Такое же мнение высказывал П. Фейерабенд.

Оптимистическая идеология эпохи научно-технического прогресса в результате осознания экологического кризиса, неспособности демократии, дегуманизации общества сменяется апокалипсическими настроениями, выражающимися в тезисах о смерти человека, конце цивилизации и т. п. Раньше ученые славили разум и человека. Сегодня ими тоже овладели апокалипсические настроения. Стоит заговорить с ученым, начнется тема экологии: техника опасна, ибо ведет к исчер-

панию ресурсов, генные технологии, клонирование угрожают самому человеку. По прогнозам Римского клуба, ресурсы уже давно должны были кончиться. Очевидно, что его члены занимались нагнетанием обстановки. Встает задача сохранить науку от самой себя. Философский анализ направлен на выявление устаревших предпосылок, среди которых встречаются и деструктивные по своим последствиям убеждения. Сегодня нуждается в преодолении антитехнологическая истерия, распространяющаяся среди интеллигенции.

То, что мы живем в апокалипсическую эпоху, – не заслуга и не вина человека. Последствия этого события гораздо глубже, чем думают защитники традиций. Техническая культура породила такое новое агрегатное состояние языка и письма, которое имеет мало общего с религией, гуманизмом и метафизикой. Традиционные понятия и различия уже не позволяют понять такие культурные феномены, как инструментарий, знаки, произведения искусства, законы, нравы, книги, машины и другие искусственные «вещи», которые невозможно распределить по таким различиям, как дух и материя, душа и тело, субъект и объект. Попытка рассуждать об этих сложных феноменах в рамках однозначной онтологии и двужначной логики приводит к деструктивным последствиям.

Для этого надо преодолевать научно-техническую истерию, которая питается страхами перед атомной угрозой и «термоядерной зимой». На самом деле современные технологии гораздо гуманнее прежних. Опасения должны вызывать не столько техника, сколько пещерное мышление тех людей, которые ее используют. Если раньше научно-технические открытия применялись в военных целях, то и сегодня крупные компании смотрят на открытия в области генных и компьютерных технологий точно так же, как их предшественники капиталисты смотрели на залежи полезных ископаемых и осуществляли колонизацию мира.

Самым зрелищным вторжением технологий в интимную сферу субъекта являются генные технологии. В них раскрываются телесные предпосылки самости и возможность искусственной манипуляции. Отсюда – популярность фантастического проекта, предлагающего заново сделать человека. Если природу и органическое тело человека нельзя спасти, то следует создать искусственный носитель духа. Пока наука не может нам предложить новое искусственное тело, можно сосуществовать со старым, используя клонирование для замены больных органов. Основой страхов

перед вторжением техники в сферу субъективности является угроза объективизма. Генетики не пользуются понятием персонального субъекта в моральном или каузальном смысле. Если техника конфронтирует с гуманизмом, то генетика приводит к мысли о полном растворении и потере субъективности. На самом деле страшилки философов проистекают из логики двужначного различия. Осознание этого и является причиной перехода от хайдеггеровской постметафизической онтологии к делёзовской теории множественности мира. Антитехнологическая истерия во многом является продуктом философии, страхом перед процессом, в котором исчезают метафизические различия сущего. Это ресентимент двужначности перед многозначностью мира. Именно техника выводит человека из нечеловеческого состояния в человеческое. Техника не производит отчуждения, как не является причиной перверсий. Вместе с тем эти явления сопровождают технический прогресс. Определение человека как субъекта низводит технику до простого средства материальной реализации проектов духа. Возможно, старая техника погружала материю и природу в состояние онтологического рабства. Новые технологии стремятся дать вещам возможность быть самими собой. Материя перестает быть сырьем, которое использует для своих нужд субъект-господин. Технологии, имеющие дело с информацией, открывают путь для ненасильственных отношений, формируют новый тип рациональности, а не игнорируют ее в поисках способов самореализации. Таким образом, речь идет о «синергии», о кооперации. Многие ученые стали говорить о «диалоге с природой», что означает отказ от стандартной установки на покорение природы. Нарастание военно-технического безумия несовместимо с новыми технологиями. В мире, который стал сетью межинтеллектуальных взаимодействий, эффективным становится не господство, а сотрудничество. Человек был и остается продуктом технологий очеловечивания, одомашнивания, социализации и цивилизации. Вместе с тем, признавая системно-функциональный подход к обществу, согласно которому определяющее значение и смысл происходящего задается институтами, следует помнить, что самые формальные и деловые отношения тем не менее зиждутся на очень интимных и глубоко человеческих связях.

Работа поддержана Грантом Минобразования и науки РФ. Федеральное агентство по образованию. 16.1.08.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герье В. И. Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008. 807 с.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПИВОЕВ

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
культурологии ПетрГУ
pivoev@karelia.ru

СУБЪЕКТИВНАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ И ЕЕ КРИТЕРИИ

При построении методологии гуманитарного знания возникает проблема обоснования достоверности сведений о субъективной реальности, которая в силу своей специфики не может отвечать требованиям, сформировавшимся в естественнонаучном знании. Предлагаются подходы к обоснованию таких критериев, среди которых ведущую роль играют аксиологические.

Ключевые слова: достоверность, истина, реальность, критерий, субъективное и объективное, методология познания, гуманитарное знание, аксиология

Для научного творчества важнейшей задачей является получение достоверного знания о новом. Основным критерием, который отличает знание от гипотезы и мнения, является достоверность.

Мнением называют высказывание, опирающееся на некоторые случайные основания. Гипотеза – теоретическое предположение, основанное на предварительно изученной некоторой совокупности фактов, призванное объяснить возможную взаимосвязь между событиями. Знание же – это опирающееся на необходимое и достаточное количество фактов достоверное представление о реальности, о закономерной связи между событиями, позволяющее объяснять прошлое и предвидеть (прогнозировать) будущее.

Объективная достоверность, проверяемость и количественная измеримость являются основными критериями научного знания, выработанными еще в рамках классической научной парадигмы XVII–XVIII веков, но при разработке постнеклассической научной методологии становится все труднее их (данные требования) реализовать

в научном исследовании. Это особенно касается гуманитарных наук, где методы количественной измеримости после эйфории и моды на структурализм в 1960–70-х годах применяются относительно редко и не гарантируют обещанных результатов, что неизбежно вызвало в последние десятилетия разочарование, выразившееся в постструктурализме и постмодерне. Еще сложнее обеспечивать проверяемость в ситуациях, которые в принципе неповторимы и уникальны, а такие ситуации очень часто являются объектом изучения гуманитарных наук. При этом особенно трудно решается вопрос о достоверности, не случайно возникновение теории фальсификационизма И. Лакатоса, требующего не только проверять достоверность, но и стремиться опровергнуть любые теоретические положения, подвергать их «испытанию на прочность».

Понятие достоверности часто сближают с понятиями истинности и истины, и хотя они не вполне совпадают, такое сближение вполне обосновано. Истиной обычно называют правильное,

верное (проверяемое, удостоверенное) соответствие реальности нашим представлениям (и наоборот, наших представлений реальности), знаниям о ней. Иначе говоря, достоверность является важнейшей характеристикой истины, а истинность – это характеристика достоверного знания. Истина может быть:

- абсолютной;
- относительной;
- объективной;
- субъективной;
- вероятностной;
- аксиологической (правда-истина).

Абсолютной истиной называют идеал, недоступный для человеческого познания, доступный лишь Господу Богу, удел человека – лишь относительные истины, условия которых обычно опускаются, но подразумеваются. Чаще всего ученые имеют дело с объективной истиной, получаемой в результате многократных проверок ее достоверности. Вероятностной истиной называют истину, достоверность которой может быть оценена в процентах или иных условных количественных показателях. Можно сравнить это с остроумным предложением И. Канта оценить прочность веры (уверенности) в чем-то предложением заключить пари по поводу тех или иных утверждений на некую сумму. В зависимости от того, каким количеством дукатов готов пожертвовать спорщик, можно оценить степень его веры (уверенности) в истинности его утверждения [20; 675]. В обыденной жизни мы часто имеем дело с вероятностными истинами, но ученые стараются не использовать их в своих построениях или использовать только истины, чья достоверность оценивается в 100 процентов. Однако в гуманитарных науках вероятностные истины вполне могут использоваться, например, в аксиологических исследованиях.

Больше всего сложностей возникает при изучении субъективной реальности. Может быть, эта проблема не вызывала бы интереса ученых, если бы не имела реального выхода в мир объективный, материальный. Достаточно вспомнить стигматы на теле Франциска Ассизского и его последователей, «Поэму о гашише» Ш. Бодлера, энтузиазм строителей Магнитки в 1930-е годы, подвиги советских солдат, бросавшихся под немецкие танки с криками «За Родину, за Сталина!», явления пси-энергии, контакты с инопланетным разумом, описанные В. Зоревым [17], и т. п. Эти феномены приводят нас к вопросу о существовании духовной энергии как феномена субъективной реальности, которая через волю претворяется в факты объективной реальности.

В числе первых субъективное исследовали древнеиндийские мыслители. Их методология, представление об Атмане как единой духовной субстанции и «акаше» как информационном компоненте этой субстанции до сих пор имеют несомненное эвристическое значение. Парменид поставил вопрос о бытии (то есть о взаимосвязи

субъективной и объективной реальности) и связал его с мышлением и сознанием. Среди европейских мыслителей первым осмыслил человеческую душу Платон, сделав четыре открытия:

1. Трехчастное строение души (чувственность, воля, интеллект);
2. Идея как сверхчувственный компонент души;
3. Социальная обусловленность мысли;
4. Сверхвременной характер «мира идей» [18; 2].

Кроме того, Платон сформулировал вопросы о сущности Единого и процессе творения. Эти идеи развили философы неоплатонизма, обращая внимание на причастность человеческой души сверхчувственному Единому. Человеческая душа, по утверждению Плотина, является воплощением того проекта, который сформирован в «божественном Уме». В последующие века в философии приоритетными стали интересы естествознания, и проблемы субъективного для материалистически ориентированных ученых перестали быть приоритетными, да и методология не давала для изучения этих объектов соответствующего инструментария. В классической немецкой философии созрел вопрос о возможности осмысления бытия самого по себе, вне связи с субъектом, то есть элиминирования субъекта из процесса осмысления бытия.

В конце XX века проблемы субъективной реальности приобрели огромную актуальность, начался своеобразный бум интереса к феноменам эзотеризма, трансперсонального опыта, виртуальности, который подогрели книги К. Кастанеды, знакомство с восточным религиозным опытом, компьютерные технологии. Но академическая наука старается сохранять дистанцию и держаться на расстоянии от этих проблем, поскольку этот материал не позволяет выдержать одно из важнейших условий науки – достоверность. Вот почему проблема субъективной достоверности приобретает значимость фундаментальной методологической основы для продолжения исследований этого материала. В разработке этой проблемы автор продолжает направление, которое было заложено концепцией иррациональности [31], а также работами И. А. Бесковой [6] и Е. М. Иванова [18].

Материалисты создали своеобразную аксиоматическую парадигму, где основными координатами осмысления мира являются «материальное» и «идеальное». В свете этого подхода (впрочем, имеющего право на существование) любые формы реальности, даже субъективной, должны быть сведены к материальным проявлениям, что ведет к беспредельному расширению и обесмысливанию понятия «материального» [40]. Думается, что такая парадигма не вполне плодотворна и не соответствует современным представлениям о мире, гораздо плодотворнее в основание картины мира положить представление о двух видах субстанции – духовной и материальной, являющихся не взаимоисключающими, но взаимосвязанными и дополняющими друг друга.

При исследовании феноменов аксиоматики, лежащей в основании научных теорий, трансперсонального опыта, художественного творчества, сновидений, мифологии, виртуальной реальности, большое значение имеет проблема достоверности. В числе первых эту проблему начал исследовать И. Кант, который заметил, что характер достоверности в философии имеет совсем другую природу, нежели в математике [19; 263]. При этом он обращал внимание на логическую необходимость, наглядность, конкретность, которые не могут быть в достаточной мере достигнуты в философии, хотя стремление обнаружить такие основания Кант считал необходимым условием основания достоверности. Р. Декарт, пытаясь найти основания достоверности истины, указывал на принципы «сомнения», «мышления», «ясности», «отчетливости» и «очевидности», но фактически пришел к аксиоматике и конвенциональности [16; 316, 607].

Д. Дьюи в 1929 году написал работу «Поиск достоверности», в которой критиковал философов, занятых поиском абсолютной истины. Л. Витгенштейн также посвятил этому свой трактат «О достоверности», отдав данному термину предпочтение перед «истиной» [10], причем главным объектом своих размышлений он избрал именно субъективную достоверность, стремясь, вопреки собственной установке, осмыслить то, «о чем невозможно говорить» (на языке математики). Он хотел понять, насколько точно язык выражает субъективную реальность сознания. В наши дни такие основания не без успеха пытаются обнаружить японский ученый Эмото Масару, фотографируя кристаллы льда, образовавшиеся под влиянием различных субъективно-эмоциональных факторов [24; 9]. И хотя он обнаружил главным образом энергетическую характеристику эмоций, запечатлеваемую водой, открываются плодотворные перспективы для дальнейших исследований субъективной реальности.

Одной из важнейших форм обнаружения субъективной реальности сознания является язык или, точнее, языки, которыми люди выражают свои мысли, чувства, настроения. Однако, как известно, язык не только открывает мысли человека, но и способен их скрывать, поэтому необходимы средства и способы проверки достоверности языкового сообщения. Этой цели могут помочь достигнуть паралингвистические компоненты общения: интонации речи, мимика, жестикация и телодвижения. Не все люди способны контролировать эти паралингвистические средства коммуникации, поэтому при наличии достаточного опыта можно легко обнаруживать несоответствие между содержанием вербального сообщения и паралингвистическим контекстом, что позволяет усомниться в его достоверности. Так, например, возможными признаками неискренности собеседника и лжи в процессе общения названы следующие:

- начинает издали;
- избегает вашего взгляда;
- чаще, чем обычно, вертится, меняет позу;
- делает большие паузы в разговоре;
- реже улыбается;
- говорит медленнее, чем обычно;
- держится в разговоре повышенного тона;
- совершает речевые ошибки [8; 175].

Излишняя доверчивость в отношениях с малознакомыми людьми чревата негативными последствиями, поэтому разумнее перепроверять с помощью разных источников достоверность тех сведений, которые мы получаем от них. С другой стороны, чрезмерная подозрительность, критицизм и мнительность вызывают негативное отношение. Как заметил Л. П. Карсавин, критицизм есть признак незрелого ума, зрелый ум проявляется в конструктивных, новых идеях, «не критикой доказывається истинность того, чего нет в подвергаемом критике. Критицизм – признак ученичества и не руководимых целью исканий. И даже отдельные критические замечания полезны лишь в качестве иллюстраций доказываемой мысли. Что касается положительного доказательства, оно всегда – раскрытие системы» [22; 17].

Типичным вопросом для исследований сознания является такой: «Как я могу знать, что у другого человека болит голова?» [29; 53]. Косвенными признаками головной боли могут быть наличие повышенной температуры и отклонения от нормы артериального давления. Но эти признаки не являются достаточными, потому что голова может болеть по другим причинам, которые связаны с состоянием нервной системы, чувствами, переживаниями, настроением, усталостью, нарушениями эндокринной системы и т. д.

Э. Гуссерль так определяет «реальное»: это такая «область бытия, как наличное “пространственно-вещное”», идентифицирует его как то, что «не способно составлять область объектов имманентного переживания именно по причине своей “внешности”» [15; 91–92]. Н. Гартман связывал «реальное» не столько с пространственностью и статичностью (как то имело место в «старой онтологии»), но с временностью и процессуальностью [11; 322]. М. Хайдеггер предпочитал термин «онтическое». Чаще всего реальное противопоставляется «идеальному». Реальное – это то, что есть на самом деле, в отличие от идеального, воображаемого, существующего только в сознании субъекта. Но здесь возникает необходимость размежевания «идеального» и «субъективного», потому что реальность может быть не только объективной, но и субъективной. С первой дело обстоит относительно просто, сложнее – с субъективной реальностью.

Материалистически мыслящие естествоиспытатели закрывают глаза на онтологический статус субъективного, рассуждая, подобно Л. Витгенштейну: «...о чем невозможно говорить,

о том следует молчать» [9; 3]. Так, для понимания источников трансперсонального опыта привлекают теорию эмпатии, концепцию глубинной памяти, хранящей информацию за пределами «оперативной памяти», теорию коллективного бессознательного К. Г. Юнга. Менее достоверными являются сведения о выходе сознания человека за пределы его тела в поисках информации (шаманские трансы, индийские йоги, опыты Тимоти Лири и Станислава Грофа). Но если ученый-гуманитарий хочет понять глубины человеческого сознания, то ему нужен инструментарий и методология осмысления этой субъективной реальности. Витгенштейн, вопреки своему пессимистическому выводу, попытался все-таки говорить об иррациональных феноменах человеческого сознания, найдя подход к нему через язык, отражающий и выражающий человеческую субъективность.

Пытаясь выяснить истоки сознания, Бергсон хотел понять, действительно ли оно рождается из внутренних движений мозгового вещества. Восприятие дает нам представление о пространстве, а действие – о времени. Но всякое восприятие насыщено воспоминаниями о прошлом опыте, которые способны исказить реальное восприятие [4; 433–434]. Поэтому субъективным критерием достоверности восприятия является соотношение воспринимаемой информации с уже имеющимся опытом. Если я утверждаю, что у меня болит голова, это означает, что я сопоставил свое ощущение с подобными пережитыми мною состояниями, которые были квалифицированы в прошлом именно как головная боль.

Английский философ Иеремия Бентам ввел принцип «полезности» в качестве критерия для оценки как человеческих действий, так и получаемых знаний [3; 5]. Как справедливо отмечает И. А. Бескова, для снятия чувства тревожности, которое является сильным фактором, снижающим адаптивные способности человека, пригодны не только объективные, но и субъективные средства [5]. Именно такую роль играет в культуре человечества мифология, которая увеличивает потенциал уверенности человека в себе, духовную энергию и реальные силы человека, способность преодолевать возникающие в его жизни трудности.

Особенности феномена аксиологии мы уже исследовали на материале мифологического сознания [33]. При анализе поведения аборигенов этнографы достаточно давно обнаружили появление странных с точки зрения современной логики умозаключений, которые делали представители традиционных обществ из имевшихся налицо фактов. Так, если мальчик оказывался вблизи умершего в этот момент от какой-то болезни домашнего животного, его тотчас обвиняли в колдовстве и смерти этого животного. По мнению туземцев, естественной смерти не бывает, всегда есть конкретный виновник, который причиняет смерть. Вину нередко определяли на основе ассоциации по смежности.

Освоение и осмысление мира преследует цель – выявление объективных ценностных оснований и построение субъективно-объективной иерархии, организации и перестройки (если это возможно) мира для повышения его функциональности, то есть оптимальности функционирования, удовлетворения потребности [32; 43–51].

Д. М. Угринович писал: «Логика мифологических структур принципиально отличается от логики научного мышления, ибо мифологические структуры всегда дают иллюзорное, фантастическое отражение реальных связей и зависимостей, свойственных окружающему миру. Если это и логика, то особая “мифологика”, которая неадекватна объективной логике предмета... хотя миф и отражает некоторые противоположности, но он всегда пытается преодолеть эти противоположности в сознании с помощью фантастических образов» [38; 54]. Л. Леви-Брюль предложил именовать «пралогическим» мышление первобытного человека, полагая, что в древнем сознании существовала принципиально иная, отличная от современной, логика, «не замечаящая» противоречий.

Обнаружить логику воображения значит понять, что обуславливает выбор из богатого эмоционального опыта, из памяти чего-то одного, необходимого для установления связи или отношения. Логика этого воображения соотносима с логикой сна, логикой бессознательного. Днем сознание человека контролирует свое состояние, ночью этот контроль уменьшается до минимума, чтобы дать отдых практическим функциям сознания.

В процессе воображения, фантазирования у взрослых участвует критический контроль сознания, у ребенка такого контроля нет, поэтому его фантазия более произвольна, неустойчива, наглядна [39; 81–93]. По аналогии с фантазией ребенка можно рассматривать характер воображения древнего человека, которое также не контролировалось критической рефлексией. Чем меньше человек понимает существо мира, окружающего его, чем менее глубоко он его освоил, тем произвольнее его фантазия, но и тем примитивнее домысливание. Однако надо учесть, что на фантазию человека большое влияние оказывают его потребности. Голодному человеку чаще всего снится вкусная и обильная еда.

Т. Рибо различал два вида воображения: воспроизводящее (память) и воссоздающее (творчество). Причем творчество он понимал как соединение, комбинацию элементов предшествующего опыта [35]. Близкую к этому точку зрения высказывал С. Л. Рубинштейн: «Воображение – это не отлет от прошлого опыта, это *преобразование данного* и порождение на этой основе новых образцов, являющихся и продуктами творческой деятельности человека, и образами для нее» [36; 345]. Более верную точку зрения высказывал русский критик В. Н. Майков: «Творчество есть пересоздание действи-

тельности, совершаемое не изменением ее форм, а возведением их в мир человеческих интересов» [23; 38]. Опыт воображения тесно связан с освоением мира и осмыслением его в связи с потребностями человека.

Я. Э. Голосовкер называл логику воображения «имажинативной логикой» [13; 127]. Догадки о существовании «логики воображения» высказывал в начале XX века Н. А. Васильев [7]. И все же такой подход приводит к представлению о произвольности логики воображения, хотя полного произвола фактически не существует. Обусловленность логических связей в мифологическом сознании есть, и необходимо выяснить, что лежит в основании выбора того или другого варианта. Действительно, при недостатке опыта воображение может дорисовывать недостающие детали, но откуда они берутся? Существует гипотеза о том, что есть некий информационный «банк данных», содержащий сведения о том, что было и что будет. И тот, кто через свое «ночное сознание» осуществил контакт с этим «информационным полем», может предсказывать будущее или творить то, чего еще не было.

Чем больше опыт человека, тем больше его «спонтанное» воображение может предложить вариантов решения проблемы. Как происходит выбор одного из них? Ближе других подошел к решению этого вопроса профессор В. В. Налимов, предлагающий интерпретировать логику воображения (предсознания) как бейесову. Опираясь на формулу математика Бейеса, он акцентирует внимание на «фильтрах предпочтений», которые влияют на выбор. Однако откуда берутся эти «фильтры» и что они собой представляют, Налимов не объясняет. Недостатком предложенной Налимовым точки зрения является также то, что бейесова логика не различает добра и зла [25; 127–128, 251]. Для аксиологии этот недостаток имеет принципиальное значение, дающее основание отвергнуть данный подход.

И. Кант высказал чрезвычайно важное замечание: когда человек свободен от внешнего принуждения, он зависит от своих субъективных ценностных установок или от объективных моральных законов [21; 294]. Об этом же писал французский мыслитель XVIII века К. А. Гельвеций: «Страсти вводят нас в заблуждение, так как они сосредотачивают все наше внимание на одной стороне рассматриваемого предмета и не дают нам возможности исследовать его всесторонне... Страсти не только заставляют нас видеть лишь известные стороны предмета, но они еще и обманывают нас, часто показывая нам эти предметы там, где их нет... Иллюзия – непременно следствие страстей, глубина которых измеряется степенью ослепления, в которое они нас погружают» [12; 158]. По этому поводу Ницше замечал: «Наши страсти часто противоречат друг другу; в этом нет ничего удивительного. Наоборот, было бы странно, если бы они были в гармонии друг с другом. *Внешний мир* играет на стру-

нах нашего инструмента; что же удивительного, если часто получается диссонанс!» [26; 236]. Или, как верно выразился французский мыслитель Блез Паскаль, «наш личный интерес – вот еще чудесное орудие, которым мы с удовольствием выкалываем себе глаза» [28; 93]. Нам представляется, что рассматривать логику воображения вне связи с интересами и потребностями человека нельзя. Как справедливо утверждают психологи, «изучение способностей представителей архаичной культуры к объединению единичных предметов в класс показало, что в далеком прошлом среди некоторых этнических общностей господствовали разновидности связей, построенных на значимых (праксеологических) признаках, отличных от связей по существенным признакам. Значимые связи в прошлом играли большую роль и составляли основу человеческой логики и мысленного упорядочивания объектов внешнего мира» [34; 271]. Эти логические связи возникли раньше становления понятийного мышления. В мифологическую эпоху сознание человека имело эмоционально-ценностный характер, поэтому весь мир человека был подчинен аксиологическим доминантам, первоначально – тотему, символу рода, затем «небу» и «земле», «матери» и «отцу» и другим ценностным символам. Именно поэтому «правополушарную логику» более верно именовать термином «аксиологика», или «логика ценностной обусловленности». Именно такую логику обнаруживал Фрейд в целом ряде явлений, таких как ошибочные действия, оговорки, сновидения, хотя термин «аксиологика» он, конечно, не употреблял.

Аксиологика, в отличие от однозначной непосредственной детерминации рационального типа, имеет неоднозначную обусловленность, опосредованный и часто иррациональный характер, опирается на интуитивные догадки, случайные ассоциативные связи и условные рефлексy, на примитивный эмоционально-практический опыт освоения мира. И все же логика воображения не вполне свободна и спонтанна, «за ее спиной» стоит ценностный интерес, пусть не вполне осознаваемый, но все же субъект ценностно-ориентационного отношения всегда испытывает образы фантазии на возможность удовлетворения с их помощью каких-то человеческих потребностей. Р. Барт верно заметил, что «мифология безусловно находится в *согласии* с миром, но не с таким, каков он есть, а с таким, каким он хочет стать» [2; 127].

Один из главных законов аксиологии – отождествление желаемого с действительным. Можно назвать также и другие: тождество части и целого, изображения и оригинала, имени и носителя, все «свое» позитивно, все «чужое» негативно. Исследователи мифологического сознания обычно не обращают внимания на биологические предпосылки возникновения сознания. Между тем имеются основания полагать, что в отличие от современного состояния психофи-

зиологической структуры головного мозга, у которого доминантным является левое полушарие, а субдоминантным (подчиненным, зависимым) – правое, в головном мозге древнего человека доминантным было правое полушарие в силу неразвитости левого. Именно этим, на наш взгляд, определяются многие странности «пра-логического» мышления, о которых писали Леви-Брюль и другие этнографы. Логика правого полушария существенно отличается от рациональной (формальной) логики левого полушария. «Правополушарная» логика также целесообразна, но подчинена интуитивно полагаемым целям и смыслам. Главное отличие такой логики от обычной заключается в допустимости противоречий в обосновании выводов, в аксиологической обусловленности, в ориентации на высшие ценности.

После аксиологического контроля, проверки воображению «дается добро» на продолжение продуцирующей деятельности (разумеется, этот контроль не имеет однозначного характера). Если не знать об этом «контроле», то можно считать воображение свободным, спонтанным, приводящим к случайным находкам. Подобное мышление, которое можно еще назвать «авербальным», так как оно обычно не совпадает с вербально-понятийным оформлением мысли, по нашему мнению, заключается в сопоставлении и соподчинении ценностных представлений, выявлении ценностного потенциала, сравнении со шкалой ценностей, соотносении личностных и общественных (групповых) критериев ценности, ценностном выборе. Не сознание само по себе и не воля сама по себе определяют тот или иной поступок, писал П. В. Симонов, а способность усилить или ослабить ту или иную из конкурирующих в настоящее время потребностей. Это усиление реализуется через механизм эмоций, который зависит не только от величины потребности, но и от оценки вероятности, возможности ее удовлетворения [37; 46–57]. «Желание, – писал Ницше, – *увеличивает* то, чем хотят обладать; само оно растет от неисполнения, *величайшие идеи* – это те, которые создало наиболее бурное и наиболее продолжительное желание. Мы приписываем вещам тем *больше ценности*, чем больше растет наше стремление к ним...» [27; 143].

Среди психологических оснований ценностной картины мира важное значение имеет исследованный чешско-американским психологом С. Грофом «опыт рождения», который он подразделяет на четыре «базовые перинатальные матрицы» [14; 99–145]. Этот опыт представляется одним из существенных источников потребности в иллюзиях [30; 49–56]. Память о гармонии внутриутробного существования, спроецированная в будущее, оказывает серьезное искажающее влияние на восприятие картины мира, на формирующуюся систему ценностей, на аксиологику.

Следовательно, ценностная картина мира создает такую иерархию в представлениях об

освоенном мире, которая позволяет не только правильно ориентироваться в нем, отделяя «зерна» от «плевел», но и сосредотачивать усилия в нужный момент на главном и гибко перестраивать тактику в соответствии с изменением жизненных обстоятельств.

Таким образом, во-первых, критериями субъективной достоверности, согласно Р. Декарту, могут быть конвенциональные аксиомы, принимаемые на веру научным сообществом в качестве опорных, базовых утверждений.

Во-вторых, введенный И. Бенетом принцип полезности (или общего блага) может быть относительным критерием достоверности.

В-третьих, рефлексивная самоотчетность и логически правильно выстроенное языковое высказывание, адекватно выражающее феномены сознания (Л. Витгенштейн).

В-четвертых, ценности индивида или группы, которые, как известно из опыта этого индивидуального (или группового) субъекта, способны удовлетворять его потребности, хотя эти средства связаны с потребностью не прямо, а опосредованно. Тем не менее эта связь может быть проверена относительно объективно, а значит, признана достоверной. При этом следует различать внутренние и внешние критерии субъективной достоверности. Первые являются достоверными лишь для индивидуального субъекта сознания (в случае группового субъекта они могут приобретать объективный статус), вторые могут приобретать статус достоверности также и для других субъектов.

В-пятых, исследования вибрационных волн энергии различных объектов, как показывает Э. Масару, создают предпосылки для исследования *хадо*-энергетики феноменов сознания, создавая базу для достоверного изучения и осмысления этих феноменов, а изучение торсионных полей (А. Е. Акимовым и Г. И. Шиповым) открывает перспективы понимания и осмысления единой основы субъективной и объективной реальности [1].

Критерии достоверности естественно-научного знания	Критерии достоверности гуманитарного знания
Детерминированность	Синхронная обусловленность, взаимозависимость
Проверяемость на практике	Убедительность, очевидность
Объективность	Вероятностный релятивизм
Общезначимость, универсальность	Уникальность, оригинальность
Дифференцированность	Целостность
Материальная предметность	Идеальный характер
Практическая полезность	Ценностный смысл, опосредованная связь с потребностями

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимов А. Е., Шипов Г. И. Торсионные поля и их экспериментальные применения. М.: Междунар. ин-т теорет. и прикл. физики, 1995. 32 с.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Бен-там И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОСПЭН, 1998. 415 с.
4. Бергсон А. Материя и память // Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. 1408 с.
5. Бескова И. А. О природе трансперсонального опыта // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 35–44.
6. Бескова И. А. Эволюция и сознание (когнитивно-символический анализ). М.: ИФРАН, 2001. 272 с.
7. Васильев В. Н. Воображаемая логика. М.: Наука, 1989. 264 с.
8. Вилсон Г., Макклафлин К. Язык жестов. СПб.: Питер, 2001. 224 с.
9. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 1–73.
10. Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 320–405.
11. Гартман Н. Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник-88. М.: Наука, 1988. С. 320–324.
12. Гельвеций К. А. Об уме // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1974. Т. 1. С. 143–632.
13. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 218 с.
14. Гроф С. Области человеческого бессознательного: опыт исследования с помощью ЛСД. М.: Изд-во Трансперсонального института, 1994. 278 с.
15. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. Общее введение в чистую феноменологию. М.: ДИК, 1999.
16. Декарт Р. Первоначала философии. Письмо к Х. Деруа // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 297–422, 607–608.
17. Зорев В. Н. За окраиной мира, бытия и сознания. Воронеж, 1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zorev.ru>.
18. Иванов Е. М. Онтология субъективного. Саратов: Наука, 2003. 200 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ivanem.chat.ru/home.htm>.
19. Кант И. Исследование степени ясности принципов естественной теологии и морали // Собр. соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 243–276.
20. Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 69–756.
21. Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4 (I). С. 219–310.
22. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб.: АО КОМПЛЕКТ, 1993. 351 с.
23. Майков В. Н. Сочинения. Киев: Фукс, 1901. Т. 1. 302 с.
24. Масару Э. Послания воды: Тайные коды кристаллов льда. М.: ООО Издательский дом «София», 2005. 96 с.
25. Налимов В. В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989. 288 с.
26. Ницше Ф. Утренняя заря. Свердловск: Воля, 1991. 304 с.
27. Ницше Ф. Воля к власти. М.: REFL-book, 1994. 352 с.
28. Паскаль Б. Мысли. М.: REFL-book, 1994. 523 с.
29. Патнем Х. Философия сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 234 с.
30. Пивоев В. М. Миф в системе культуры. Петрозаводск: Пф ЛОЛГК, 1991. 216 с.
31. Пивоев В. М. Рациональное и иррациональное в гуманитарном знании // М. М. Бахтин и проблемы методологии гуманитарного знания. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 7–28.
32. Пивоев В. М. Философия культуры. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. Ч. 1. 163 с.
33. Пивоев В. М. Аксиология смысла // Человек в мире ценностей и смыслов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 34–45.
34. Психологический словарь / Под ред. В. В. Давыдова и др. М.: Педагогика, 1983. 447 с.
35. Рибо Т. Логика чувств. СПб.: Тип. Поповой, 1906. 148 с.
36. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1. 488 с.
37. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 215 с.
38. Угринович Д. М. Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1985. 270 с.
39. Ферстер Н. П. Творческая фантазия. М.: Русский книжник, 1924. 99 с.
40. Яковлев А. И. Материальность сознания. М.: Социально-политическая мысль, 2008. 200 с.

УДК 811.511.1

НИНА ГРИГОРЬЕВНА ЗАЙЦЕВА

доктор филологических наук, заведующий сектором языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
zaitseva@sampo.ru

ОТРАЖЕНИЕ ВЕПСКО-СЕВЕРНО-РУССКИХ КОНТАКТОВ В ВЕПСКОМ ЛЕКСИЧЕСКОМ ТЕЗАУРУСЕ

В статье исследуются некоторые отдельные конкретные следы влияния русского языка и северно-русских говоров на вепсский язык; прослеживаются судьбы некоторых заимствованных слов и их адаптация к иноязычному окружению, а также влияние народной этимологии на внешний облик слов.

Ключевые слова: вепсский, контакты, северно-русские диалекты, лексический тезаурус

Прибалтийско-финско-русские контакты исследуются уже более полутора столетий, но многие вопросы, касающиеся их конкретных проявлений в отдельных языках, далеко не всегда исследованы достаточно глубоко. Вепско-русские языковые контакты в этом отношении не являются исключением. Вепсы давно оказались в сфере влияния русского народа, русской государственности и русского языка. Полагают, что племенные группировки веси и чуди уже в первой половине I тысячелетия населяли Межозерье, пространство между тремя крупнейшими северными озерами – Ладожским, Онежским и Белым, и упоминались в русских летописях в связи с эпохальными событиями на заре становления русского государства. С того времени вепсы находились в сфере притяжения русских, и, конечно, влияние на них русского языка и русской культуры чрезвычайно велико.

Активные этноязыковые процессы и междиалектное контактирование, продолжавшиеся длительное время, как об этом свидетельствует, прежде всего, топонимика (см., например: [12; V–VI]), сказывались на вепском языке, который

с течением времени был утрачен на значительных территориях, что способствовало «прерыванию традиционных связей между вепскими центрами» [14; 42] и усилению влияния русского языка на язык вепсов, проявляясь на разных уровнях: фонетике, грамматике, синтаксисе, лексике. Фонетика вепского языка пополнилась оппозицией звонких и глухих согласных фонем, а также твердых и мягких фонем и прочими фонетическими инновациями (см., например: [29; 911–912]). Однако отметим, что грамматика вепского языка оказалась достаточно устойчивой и выдерживала натиск инносистемного языка; тем не менее синтаксис падежей, употребление глагольных времен, глагольное управление оказались в сфере активного влияния русского языка [8; 77–78]. Но наиболее мощный напор испытывала именно лексика вепского языка. Влияние было тем более интенсивным, поскольку вепсский язык большую часть своего исторического развития пребывал в бесписьменной форме. И в целом можно отметить, что во всей финно-угорской языковой семье до 30-х годов XIX века только три языка – венгерский, фин-

ский и эстонский – имели развитые письменные традиции. Ученые отмечают, что, например, редкие народы Приуралья и Сибири знали буквы. Книгу и буквы для них заменяли живые устные традиции, которые играли здесь значительно большую роль, чем у иных народов, поскольку являлись средством исторического сознания [4; 170–171]. По сути дела, то же самое относится к вепсам, у которых отсутствуют письменные памятники раннего времени [9; 5–6], [15; 105–109]. Отсутствие письменной традиции содействовало более существенному проникновению многих лексических заимствований в язык вепсов. Поскольку менялись жизненные реалии, а язык должен был обслуживать коммуникативные потребности вепскоязычного общества, то в качестве новых лексем достаточно часто выступали именно русские заимствования разного плана.

В последние десятилетия в проблему вепско-русских контактов позволяет углубиться введенная в научный оборот достаточно обширная литература, в которой богато представлен и вепский материал. Это, прежде всего, диалектный словарь вепского языка, который, на наш взгляд, является одной из лучших работ отечественных языковедов в области вепского языка [6], образцы вепской речи, изданные в России [5] и в Финляндии (см., например: [23], [24], [26] и др.), «Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского, саамского языков» [16], «Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков» [20]. Так, например, отдельные лингвистические карты названного атласа, два тома которого уже выпущены в свет, и их материалы, введенные в научный оборот, наглядно иллюстрируют некоторые результаты языковых контактов и их отражение в прибалтийско-финских языках, в том числе и в языке вепсов. Причем с помощью карт можно наглядно наблюдать, как шло взаимодействие народов, каким образом делился прибалтийско-финский ареал и в какой зоне тяготения находилась та или иная область. В качестве примера можно взять хотя бы один факт: одна из карт третьего тома, который готовится к выходу в свет (предполагаемый год издания – 2009), посвящена именованию понятия «брюки/штаны» в прибалтийско-финском ареале. Собранный языковой материал показал, что в нем в качестве названия данного понятия нет ни одной исконной не только финно-угорской, но и прибалтийско-финской лексемы. Интересно, что и археологические находки показывают, что, например, у вепсов была распространена длинная рубашка наподобие туники, из-за чего вепсов называли иногда «балахонниками» [1; 390]. Причем подобный тип одежды был свойствен и карелам [10; 248], [11; 29]. Как известно, в Древнем Риме штаны, которые были вначале короткими, стали употреблять воины [27; 338–350]; в Малой же Азии и в скифских находках, датируемых последними столетиями до начала нашего летоисчисления, стали обнаруживать

уже длинные штаны. Представители же прибалтийско-финских народов России начали носить длинные штаны, когда на Западе еще употребляли укороченные брюки [25; 401]. Причем у прибалто-финнов был представлен именно восточно-русский тип брюк, состоящий из трех элементов. Именования понятия «брюки/штаны» поделили прибалтийско-финский ареал на две части:

1. Языки, в которые пришли заимствования из западных, германских, большей частью из шведского языка: *housut*, *pöksyt*, *prakut* (см. [28]);
2. Заимствования из восточных, славянских языков:
 - вепс. *kadjad* (фин. *kaatjat*) < *gачи* «портки, штаны» [3; 327]; ср. прасл. **gatja* «бедро, ляжка» [18; 397–398];
 - эст. *kaltsad* < у Фасмера *колоша* «штанина» [28], [18]; в диалектах русского языка очень употребительны лексемы *калоши* «штанины; штаны навыпуск; нижние части штанов, брюк» и т. д. [17];
 - вепс., карел. *štanat-štanit* < рус. «штаны».

К группе языков, в которые проникли славянские, древнерусские и русские заимствования, относятся, прежде всего, вепский и карельский языки, а также водский, ижорский, отчасти эстонский языки. Карты, посвященные именованию понятия «брюки/штаны», показывают, где проходила граница столкновения востока и запада, включая в этом случае вепский язык в зону постоянного русского тяготения.

«Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского, саамского языков», составленный более полутора десятков лет назад, но опубликованный по причине финансовых затруднений лишь в 2007 году, стал своеобразным прообразом для упомянутого Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков [20], и его материал с точки зрения заимствований уже частично исследовался (см.: [7; 91–102]). В нем достаточно много заимствований. Как показал анализ, заимствованную в вепский язык лексику можно разделить на две группы: заимствования из общенародной русской лексики и заимствования из северно-русских диалектов. И те, и другие вошли в вепский язык и стали достоянием лексикографической науки, пополнив вепский лексический тезаурус. Первые проникли в язык, с одной стороны, вместе:

- с освоением понятий, которые вошли в жизнь вепсов как результат развития общества: *škol* «школа», *karandaš* «карандаш», *part* «парта», *klub* «клуб», *sel'sovet* «сельсовет» и т. д.;
- заимствованные лексемы вошли в язык как обладатели более абстрактных значений (так, исконные вепские слова *kidastada*, *kirkta*, *kerustada*, *änestada*, *heikta* и т. д. имеют более конкретные значения, как то: «кричать в лесу, голосить, драть горло, громко кричать, покрикивать» и т. д., а заимствованная лексема *kričta* < *кричать* в известном смысле покрывает весь спектр названных значений);

- значительное количество русских лексем проникло в язык вместе с освоением сферы родства и общественных отношений. Несмотря на то, что, как полагают исследователи, «терминология, касающаяся родственных отношений, была исключительно богато развита еще в финно-угорском языке-основе» [19; 42], в вепском языке появилось значительное количество заимствованных слов с названной тематикой: *priha* «юноша» < рус. *пригожий* (этимология Я. Калимы [22; 410]), *tat* < *тятя*, *tam* < *мама*, *däd'* < *дядя*, *töt* < *тетя*, *vunuk* < *внук*, *dedoi* < *дедушка*, *baboi* < *бабушка* и т. д.;
- взаимодействие народов в сфере материальной и духовной культуры также нашло свое отражение в словаре вепского языка: *čai* < чай, *saraŋon* < сарафан, *jupk* < юбка, *kartošk* < *картошка*, *kisel'* < *кисель*, *svadib* < *свадьба*, *ženih* < *женых*, *nevest* < *невеста*; рус. диал.: *anšrug* «кол» < рус. диал. *анишуг*, *ганишуг* «дрюк, шест», *ažno* «даже» < рус. диал. *ажно* «ведь, да ведь», *panafid* «блин, которым покрывают стакан с чаем для умершего на поминках» < рус. диал. *панафида* «память, помин», *karačun* «рождественский пост» < рус. диал. *карачун* «капут, конец, смерть, гибель; солнцеворот» («день 12 декабря» и т. д.) и т. д. [3], [17];
- иногда заимствования составили некие синонимичные пары, а также способствовали сужению значения исконных лексем: например, заимствованная из русского языка лексема *navet'ä*, *navedida* «любить что-то» < рус. *навидеть*; данное слово могло послужить поводом для сужения значения исконного глагола *armastada* «любить»; из некоторых диалектов вепского языка он был вытеснен, а в других стал употребляться только если речь идет о сфере чувств (см. также синонимичные лексемы: *bast'a* «говорить» < рус. диал. *басить* «занимать россказнями, краснобайить» и более древнее и общепотребительное вепское *pagišta* «говорить»; *bask* «красивый» < рус. диал. *баской* «красивый» и вепс. и прибалтийско-финское *čota* «красивый»; *gagura* «грязнуля» < рус. диал. *гагула* «пачкун, неряха» и вепс. *čočoi* «неряха»; *rahmanni* «добросердечный» < рус. диал. *рахманный* «довольный, в хорошем расположении» и вепс. *hüväsüddäimeline* «добросердечный» и т. д.: русские диалектные лексемы из [17] и [3].

Интересно отметить, что многие явления северно-русской жизни и их именованья, как показал анализируемый словарь, проникли не только в вепский, но и в карельский язык одновременно, свидетельствуя о важности каких-то отдельных элементов северно-русской материальной и духовной культуры для всего восточного прибалтийско-финского ареала в целом, а также о том, что это достаточно старые заимствования, например:

- кар. *kieža*, вепс. *kež* «раствор для киселя, блинов» < рус. диал. *кеж* «процеженный раствор ржаных высевов, употребляемый для киселя или блинов», кар. *boročkat*, вепс. *borkaižed*, *nabornik* < рус. диал. *наборочек*, *наборочник* «бусы, ожерелье»; кар. *komšu*, вепс. *komš* «корзина из бересты» < рус. диал. *комиша* «то же»; кар. *kosič-kosmič*, вепс. *kosic* «висок» < рус. диал. *косуца* «то же»; кар. *kut'u-kuži*, вепс. *kuži* «щенок» < рус. диал. *кутя*, *кутька* «то же», кар. *travie*, вепс. *travd'a* «портить (о вещи, предмете)» < рус. диал. *травить* «портить, повреждать», *bask* «красивый» < руск. диал. *баской* «красивый», *babd'a* «повивать» < рус. диал. *бабить* «повивать, принимать», *babuk* и *obatk* «гриб непластинчатый» < рус. диал. *обабок* «гриб-подберезовик» (см.: [3], [17]). Причем последняя в данном ряду северно-русская лексема *обабок* проникла в вепские диалекты в двух формах: *babuk* и *obatk*. Она стала чрезвычайно важной для материальной культуры карелов и вепсов, где ранее употреблялись в пищу лишь пластинчатые грибы, именуемые исконной лексемой *sen'/sieni*. Заимствование северно-русской лексемы показывает, что культура отношения к грибам у вепсов изменилась, а лексема *babuk* вошла и в вепский литературный язык как единственное средство именованья непластинчатых грибов.

Достаточно много северно-русских заимствований – в уже ставшем раритетным словаре диалектов вепского языка М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен [6]. Интересна судьба многих заимствованных диалектных лексем. В вепском языке они могли стать единственным средством именованья той или иной реалии, приобретя тем самым некий иной, новый, если так можно выразиться – более высокий и абстрактный статус, войдя в общенародный язык, а также и в вепский литературный язык, письменность которого была возрождена в 1989 году. Такова судьба северно-русских диалектных лексем: *gaved'* «гадость» [17] > вепс. диал. и лит. *gaved'* «насекомые» и *животы* «домашний скот» [17] > вепс. диал. и лит. *živatad* «животные». Названные лексемы приобрели в вепском языке статус именованья целых классов – «насекомые» и «животные». Вполне возможно, что в вепском языке ранее отсутствовали именованья классов животных, либо их классификация была несколько иной. Исследовательница вепской мифологии И. Ю. Винокурова рассматривает деление фауны вепским народом на виды и подвиды в том же ракурсе, как это принято у русских, выделяя птиц, зверей, змееобразных, рыб, насекомых и т. д., не особенно обращая внимание на существующую в языке номинацию [2] и на полное отсутствие в вепском языке собственных общих именованья для различных классов. Думается, что язык в этом отношении подсказывает несколько иное понимание данной проблемы: мож-

но предположить, что для вепсов было характерно трехчастное деление животного мира:

1. Все, что на небе, *lindud* «птицы»,
2. Все, что под водой, *kalad* «рыбы» (отметим, что это действительно исключительно древние исконные не только финно-угорские, но и уральские лексемы),
3. Все, что рядом, на земле, нужное и ненужное, не обладало особым именованием классов. Здесь можно, несомненно, согласиться с мнением известной финской исследовательницы прибалтийско-финских языков Кайсы Хякиннен, что древние прибалто-финны (да, очевидно, и многие иные народы) давали именованию вначале тем животным, в которых была исключительная потребность. Многие мелкие животные и насекомые оставались без наименований, поскольку не было нужды говорить о них конкретно; человек был просто потребителем. Наши предки не утруждали себя в выводах, является ли этот прибрежный кулик того же самого вида и рода, что и другой, который живет на болоте, поскольку ни тот, ни другой не имели совершенно никакого значения для их повседневной жизни. Зато необходимые животные могли иметь от нескольких до нескольких десятков именовании, в том числе и табуированных [21; 40]. С течением же времени под влиянием окружающего мира представления о нем изменились, и вепсам в попытке выстроить систему именовании, параллельную культуре соседнего народа, потребовались названия видов и подвидов, что и было компенсировано в языке отчасти русскими диалектными заимствованиями.

Диалектная лексика, вошедшая в вепские диалекты и отчасти включенная в развиваемую на современном этапе письменную традицию языка, показывает, что отдельные лексемы вошли в вепский язык достаточно давно, и в русском языке они уже в какой-то степени изменили свое значение:

- например, существительное *opal* «печаль» и прилагательное *opalahine* «печальный» (< рус. ? *опала* «производное от слова “опалить”», у которого значение «печаль» в диалектах не обнаружено);
- *roža, rožaine* «лицо» < рус. диал. *рожа*. Лексема *рожа*, пришедшая в диалекты вепского языка (и в карельский тоже) в значении «лицо» была заимствована, очевидно, тогда, когда она употреблялась вполне позитивно в значении «внешний вид, облик; красота»: ср. древнерусское *рожаи* «вид, лицо», *рожаисть* «красивый, видный» [18; 492].

Не всегда можно найти исходный для заимствования материал, поскольку именно в заимствующем языке могли произойти изменения, которые отчасти могли быть вызваны народной этимологией. В качестве примера можно привести южно-вепскую лексему *nabolad* «брусника». Иногда ее этимологически связывали с вепской же лек-

семой *bolad* в том же значении, но удивление вызывает приставка *na*, нехарактерная для языка вепсов, где приставки отсутствуют. Только более глубокий анализ позволил предположить, что *nabolad* – это возможное русское диалектное заимствование < *наболоть* «болотистое место» (ср. также *наболотень, наболотник* «болотное сено» и т. д.: см. [17]). А уже вепсская лексема *bolad* (в большинстве вепских диалектов «брусника»), известная носителям языка и употребляемая в южно-вепском диалекте в значении «ягоды», могла повлиять на внешний облик заимствованной русской диалектной лексемы *наболоть*, и она изменила свой внешний облик именно в данном направлении (*nabolot' + bolad = nabolad*).

Думается, что, в свою очередь, на внешний облик восточно-вепской лексемы *oluh* (это вепсы Вологодской области), которая важна в свадебном обряде, поскольку обозначает одну из центральных фигур свадьбы – жениха, могла повлиять русская лексема *олух*, употребляемая в диалектах в значении «упрямец, неслух, лентяй, ленивец; простак» [17], [3]. В современном языке восточных вепсов *oluh* обладает значением «жених, возлюбленный». Здесь мы имеем обратное влияние – уже русская лексема могла повлиять на внешний вид вепского слова, которое некогда могло иметь совершенно иной облик (ср., например, прибалтийско-финское *ylkä* «жених» или что-то этимологически иное, что пока не поддается раскрытию). Отметим, что восточно-вепские говоры (говоры Вологодской области) характеризуются тем, что они наиболее полно сохранили свадебную терминологию (ср.: древнейшее слово для названия свадьбы *sai*, которое ушло из всех других говоров вепского языка и из родственных языков; *neičiine* «невеста»; *kozita* «сватать»; *kozimehed* «сваты»; *mānda mehele* «выйти замуж» и т. д.), и выпадение из нее именовании центральной фигуры свадебного обряда объяснить невозможно. Думается, что здесь мы имеем дело именно с изменением облика вепского слова под влиянием русского; такую метаморфозу с внешним обликом древнего вепского слова могло содействовать русское влияние.

В некоторых случаях сложно определить направление заимствования. Например, у вепского существительного *čibu* «качели» и глагола *čibuda* «качаться» в русских диалектах можно обнаружить лексическое соответствие – глагол *чибудкать*: *чибудкать ребенка* «качать ребенка у себя на ногах» [3; 399]. Однако кроме уже названных вепских лексем *čibu~čibuda* в карельском языке и в финских диалектах Ленинградской области употребителен глагол *siiputtaa*, который употребляется также, когда речь идет о раскачивании ребенка на ноге, кроме того, есть и иные соответствия. Поэтому не исключено и обратное направление заимствования. Общеупотребительный в вепских диалектах, но отсутствующий во всех иных прибалтийско-финских языках глагол *čapta* «резать, рубить» можно сравнить с русским диалект-

ным глаголом *чани́ть* «нагибать, наклонять боком, кренить» [3; 382]. Однако в диалектах саамского языка также существует исключительно близкий по звуковому облику и значению глагол *šiohprēd* «резать» (см. [16; 226]), который вполне мог стать источником для появления в вепских диалектах лексемы *šarpa*, тем более, что, как полагают исследователи, в субстратном доприбалтийско-финском языковом наследии «среди этимологически затемненных, генетически неясных на сегодняшний день явлений выделяется ряд фактов, интерпретирующихся на саамской почве» [13; 179–180], что относится, в том числе, и к лексике вепского языка.

Поэтому судьбу названных лексем, как и очень многих других, еще предстоит решать.

Контактирование – явление немолодое, и вепский язык может пролить свет на историю отдельных русских лексем, которая, возможно, была несколько иной. В заключение отметим, что лексика, вошедшая в вепский язык из общенародного русского литературного языка, а также из его диалектов, стала достоянием вепского словаря, а в период заложения основ вепской письменности и создания основ вепского литературного языка она существеннополнила вепский лексический тезаурус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Вепсы: Одежда // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 388–396.
2. Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 447 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: ОАО ПФ «Красный пролетарий», Олма-Пресс, 2006.
4. Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1993. 288 с.
5. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепской речи. Л.: Наука, 1969. 296 с.
6. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972. 745 с.
7. Зайцева Н. Г. Пути освоения русской диалектной лексики (на материале Сравнительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепского и саамского языков) // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 5. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. С. 91–102.
8. Зайцева Н. Г. Вепско-русские языковые связи // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. I: Северный регион. М.: Изд-во «Азъ», 1994. С. 71–80.
9. Зайцева Н. Г. Вепский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2002. 286 с.
10. Клементьев Е. И. Карелы: Одежда и обувь // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 241–250.
11. Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. 193 с.
12. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 353 с.
13. Муллонен И. И. Этнокультурный потенциал вепской топонимики // Studia Slavica Finlandensia, XXIV. Helsinki, 2007. С. 31–56.
14. Муллонен М. И. Вепская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Л.: Наука, 1967. С. 105–109.
15. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского и саамского языков / Под общ. ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: РИО КарНЦ, 2007. 346 с.
16. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–37. М., 1965–2003.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1986–1987.
18. Хакулинен Л. Развитие и структура финского-суоми языка: Пер. с фин. Ч. 1. М.: Наука, 1955.
19. Atlas Linguarum Fennicarum, I–II. Suomalaisen Kirjallisuuden seuran Toimituksia, 800. Helsinki, 2004–2007.
20. Häkkinen K. Eläin suomen kielessä // Eläin ihmisen mielenmaisemassa. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 885. Helsinki, 2002. S. 26–62.
21. Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme. Helsinki, 1952.
22. Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä, I–II. Suomalaisen Kirjallisuuden seura. Helsinki, 1920–1925.
23. Kettunen L., Siro P. Näytteitä vepsän murteista. Suomalais-ugrilaisen seuran Toimituksia, 70. Helsinki, 1982. 193 s.
24. Manninen I. Eesti rahvariiete ajalugu // Eesti rahva museumi aastaraamat. Tallinn, 1921. S. 37–52.
25. Sirelius U. T. Suomen kansanomaista kulttuuria. I, II. Helsinki, 1919–1921.
26. Sovijärvi A., Peltola R. Äänisvepsän näytteitä. Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia, 171. Helsinki, 1982. 171 s.
27. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. I–III. Suomalaisen Kirjallisuuden seuran Toimituksia, 556. Helsinki, 1992–2000.
28. Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 228. Helsinki, 1946. 922 s.

УДК 821.161.1.09"18"

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА КОШЕМЧУК

доктор филологических наук, профессор факультета
филологии и искусств Санкт-Петербургского государст-
венного университета
koshemchukt@mail.ru

ЧЕЛОВЕК САМОСОЗНАЮЩИЙ В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (Раскольников и князь Мышкин)

Самосознание героя Достоевского, вопреки М. М. Бахтину, не равно знанию о нем автора. Оно зависит от духовного выбора героя и в ситуации Раскольникова крайне ограничено: вне поля его зрения поток в его душе злобы, ненависти, презрения, отвращения. Причина слепоты героя – одержание злом. Князь Мышкин, герой иного метафизического выбора, наоборот, видит зло в себе, наделен даром зоркости к своей душевной жизни и раскаяния.

Ключевые слова: православная антропология, самосознание героя, духовное самоопределение, одержание злом, способность к раскаянию

М. М. Бахтин утверждал, что герой Достоевского знает о себе все, что может сказать о нем автор [1; 60]. Это не так. Глубина самоосознавания, проникновения в собственную душу у разных героев Достоевского различна и зависит от их метафизического самоопределения. Герой, «забывший о Боге» и положивший в основу своего жизненного поведения свою волю, *противную* воле Божьей, оказывается слепым к тому злу, которое проникает в его душу и властвует ею. Герой иного духовного самоопределения, князь Мышкин, наоборот, вглядываясь в поток душевных движений, постигает свою подвластность злу и умеет бороться с ним. Эти различия в типах самосознания героев Достоевского были вне поля зрения литературоведов как советского, так и позднейшего периода.

Не может не поражать пристрастие советских исследователей к герою-убийце, Раскольникову, – о нем преимущественно пойдет речь в статье. Говоря о нем, исследователи всегда подчеркивали

его добрые черты и поступки (вслед за Д. С. Мережковским, исчерпывающе их перечислившим [6]) при добросовестном упоминании о его двойственности (опять же, вслед за Мережковским, уделившим гораздо большее внимание той чаше весов, на которой – все лучшее в Раскольникове), см., например, из позднейших исследований [8; 408], [10; 19–37]. И по сей день сильна эта тенденция, корнями уходящая в восхваление бунта как высшего проявления личности, тогда как бунт в христианской системе ценностей есть не что иное как ее низшее проявление. Если в религиозно-философской традиции истолкования творчества Достоевского мы встречаем серьезное отношение к тому, что Раскольников, согласно точному духовному диагнозу, данному автором словами Сони Мармеладовой, предан дьяволу и что трихина, властвующая сознанием героя, есть сила зла, демоническое существо, бес, то литературоведы обычно акцентируют доброту души Раскольникова, даже его тонкое нравствен-

ное чувство, оставляя в стороне метафизическую реальность зла, одержавшего его душу. Пожалуй, единственное исключение – небольшой фрагмент из статьи В. А. Котельникова о праведности и греховности [3; 43], где выражена идея о том, что зло осталось Раскольниковым не опознано.

Действительно, герой, духовно невежественный, забывший о Боге и о своей духовной традиции, находящийся во власти злой силы, не способен опознать то, что он впустил в себя. Все добрые свойства героя остались в прошлом, лишь остатки бывшего благородства можно зафиксировать в романе, причем неизменно смешанные со злобой и ненавистью, зато поток злых побуждений в романном времени неисчерпаем. Этот поток – вне самосознания героя, вопреки Бахтину, ведь самосознание Раскольникова не проникает в ту сферу, где в его душе дьявол с Богом борется. При этом герой весьма чувствителен, до болезненности, к внешнему и очевидному злу мира, злу в других людях, что будет подталкивать его к бунтарским порывам, то есть только усугублять плененность злом. Об этом ведаёт всезнающий творец романного мира и сообщает в прямых авторских высказываниях.

Отметим, прежде всего, что именно знает о себе герой. Немного: иногда он фиксирует свои поступки, например, отмечает, что «налгал и наподличал»¹, – это ему внятно, действительно наподличал сверх меры в разговоре с Порфирием Петровичем. Раскольников замечает, что что-то «бормочет» (из-за «привычки к монологам»). Крайне редко в поле его самосознания – чувства: так, он ловит себя на том, что *чрезмерно боится* квартирной хозяйки или что испытывает *страх* перед тем как идти в контору. Реже фиксируются мысли, точнее, их неверный ход: он осознаёт порой, что мысли его «мешаются». Вообще, Раскольникову свойственна утонченная чувствительность – предчувствия, ощущение болезненности своего поведения или неизбежности происходящего. Он отдаёт себе отчет в подобных болезненных ощущениях, фиксирует, не делая никаких выводов и не давая оценок.

Самое яркое проявление самосознания в жизни Раскольникова – эпизод после «пробы». Он чувствует бесконечное отвращение: «И неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце!» Это точная самооценка, казалось бы. Однако характерно, что после минутного прозрения тут же возвращается прежняя власть беса: после первого стакана пива пережитое отвращение к собственной идее объясняется голодом: «Все это вздор...», «и нечему тут было смущаться! Просто физическое расстройство! Один какой-нибудь стакан пива, кусок сухаря, – и вот, в один миг, крепнет ум, яснее мысль, твердеют намерения!». Раскольников «глядит уже весело, как будто внезапно освободясь от какого-то ужасного бремени...» Так Достоевский показал, насколько несвободно сознание героя: верная

оценка возникает ненадолго и мучительна для души, кажется *ужасным бременем*. Избавление же от мучительного осознания правды, то есть возвращение власти трихины, «мечты», беса и помутнение сознания герой воспринимает как прояснение мысли.

Эпизоды оценивания героем своих внутренних состояний и внешних поступков весьма немногочисленны в романе, «ожесточенная», поработанная совесть молчит, чувство раскаяния Раскольникову практически неведомо. Едва ли не единственный раз он сожалеет, что раздраженно махнул рукой при прощании с Дуней.

Но в романе мы находим множество ситуаций (более сотни), когда оценки даются всевидящим и абсолютно авторитетным автором, эти оценки и характеристики автор дает от своего лица, он говорит о герое то, чего тот сам, вопреки Бахтину, о себе не знает, и говорит автор, опять же, вопреки Бахтину, не «с героем» [1; 74], а именно о герое – то есть вполне монологически. Иначе и быть не может: ведь герой не способен открывать зло своего сердца в его поминутных проявлениях, ему не присуще необходимое для этого внимание к своей внутренней жизни, у него нет навыка духовного труда, требуемого от человека отеческой традицией. Автору невозможно говорить *с героем*, одержимым злом и не понимающим этого. Впрочем, Раскольников не раз упоминает о своем «*злом*» (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Т. К.) сердце, в тон Соне может сказать и о том, что на убийство его «черт тащил», не вполне веря в это, – здесь остатки былой связи с традицией и возможное предвещие возвращения к ней. Но в текущем романном времени осознание реальности *зла* невозможно для поработанного сознания героя.

Из трех планов личностного бытия: человек духовный, человек душевный, человек плотский – в романе наиболее подробно прослеживается душевная составляющая. План метафизический (духовная личность, «человек в человеке») не вполне прояснен: «пролог на небесах», метафизический выбор героя, остается «за кадром», предыстория нам почти неведома, мы видим героя уже предпочитающего свою волю, противную Божьей воле, причем без каких бы то ни было размышлений и колебаний. План психологический (эмпирическая личность, или же характер) и бытовой событийный план, телесное мучительное бытие героя показаны подробно, крупным планом. Внутренняя жизнь эмпирического «я», цепь периферийных состояний сознания, переживаний и волнений разворачиваются перед нами как поток проявлений, как довольно монотонное, многообразное течение душевной зыби: эмоций, всплесков, импульсов, направленных на внешний мир, основной тон которых – злоба, презрение, отвращение, ненависть. И, конечно, торжествующий в духовном самоопределении героя бес действует и во

внешних событиях, подстроенных, подсказанных; в их стечении и столкновении сказывается злая воля, смутно ощущаемая героем как нечто странное и поразительное, как «предопределенные судьбы».

Поток отмечаемых всеведущим автором злых эмоций, импульсов и порывов показан как подробная симптоматика *преданности* дьяволу. В нем можно выделить злые проявления разной интенсивности: это «злоба», «раздражение», «ненависть», «ярость», «бешенство», «исступление». Текст романа буквально пестрит такими словами, как: «злоба», «злой», «злобно», «злорадно», «злой», «разозлиться». Слова «злоба» и однокоренные встречаются в тексте романа 123 раза, «раздражение», постоянный спутник злобы, – 80 раз. От общего числа слов с основой *-раздраж-* во всем романе непосредственно к Раскольникову относится более чем половина, с корнем *-зл-* (*-зол-*) – почти половина. Еще более показательна следующая статистика: если выбрать *злобу*, данную в прямых авторских сообщениях, то 40 цитат относятся непосредственно к Раскольникову, а 20 – ко всем остальным персонажам вместе взятым. А ведь романтический мир и помимо Раскольникова изобилует злом. Вот эти ситуации злобы:

- «*злобное* презрение» накопилось в душе героя;
- он просыпается «желчный, раздраженный, *злой*»;
- на его губах «тяжелая, желчная, *злая* улыбка»;
- бормочет, «*злобно* торжествуя успех своего решения» (решения расстроить свадьбу сестры);
- «*злоба* *накипала* в нем все сильнее и сильнее...» (при мысли о Лужине);
- Раскольников «ужасно *разозлился*» (на бульваре);
- «запенившиеся *от злобы* губы» (тогда же);
- «*злобно* проговорил Раскольников» – реплику о двадцати копейках;
- «хотелось смеяться над собою *со злости*» (когда вышел из дома без топора);
- «*тупая, зверская злоба* *закипала* в нем» (тогда же);
- «проговорил он вдруг тоже *со злобой*» (разговаривая со старухой);
- «он шел, смотря кругом рассеянно и *злобно*» (спрятал краденое);
- «А черт возьми все это!» – подумал он вдруг *в припадке неистощимой злобы*» (тогда же);
- он чувствовал отвращение к людям, «упорное, *злобное*, ненавистное»;
- «чуть не захлебнулся *от злобы* на самого себя» (когда пришел к Разумихину);
- «удар кнута так *разозлил* его...» (в сцене на мосту);
- «*злобно* заскрежетал и защелкал зубами» (тогда же);
- «бессмысленно и *злобно* смотрел вслед удалявшейся коляске» (тогда же);

– «перебил вдруг опять Раскольников дрожащим *от злобы* голосом» (в разговоре с Лужиным);

– «А вот поймите-ка его... – вскрикнул он, *злорадно* подзадоривая Заметова»;

– «*злобно* взглянул на него» (в том же разговоре);

– «Лжет! – думал он про себя, кусая ногти *со злости*» (в разговоре с Порфирием Петровичем);

– «*злобно* сверкнул на него загоревшимися гневом черными своими глазами (на Разумихина в том же разговоре);

– «грубо и *злобно* отрезал Раскольников» (в разговоре с Порфирием Петровичем);

– «*злоба* в нем *накипала*, и он не мог подавить ее. "А *в злобе*-то и проговорюсь! – промелькнуло в нем опять. – А зачем они меня мучают!..."» (тогда же);

– «слишком уж *со зла* сорвалось у Раскольникова» (тогда же);

– «Да, я действительно вошь, – продолжал он, *с злорадством* прилепившись к мысли, роясь в ней...»;

– «Нет, я ни за что не поверю! – с какою-то даже *злой* вскричал Раскольников» (в разговоре со Свидригайловым);

– «Да, может, и Бога-то совсем нет, – с каким-то даже *злорадством* ответил Раскольников» (в разговоре с Соней);

– «Но это еще более *подкипятило злобу* Раскольникова» (в разговоре с Порфирием Петровичем);

– «Он, еще входя сюда, этой *злобы* боялся» (тогда же);

– «И вдруг опять *беспредельная злоба* блеснула в глазах его» (тогда же);

– «Теперь мы еще поборемся, – с *злобною* усмешкой проговорил он»;

– «*Злоба* же относилась к нему самому»;

– «Раскольников *злобно* усмехнулся» (в третьем разговоре с Порфирием Петровичем);

– «*со злобою* пробормотал Раскольников...» (в разговоре со Свидригайловым);

– «Меня только, знаешь, что *злит*? Мне досадно, что все эти *глупые, зверские хари* обступят меня сейчас, будут *пялить* прямо на меня свои *буркалы*, задавать мне свои глупые вопросы, на которые надобно отвечать, – будут указывать пальцами... Тыфу!» (слова, сказанные Соне перед признанием);

– «почти *озлобившись*, пошел к дверям...» (тогда же);

– «Он мог *злиться* на свою глупость, как и *злился* он прежде на безобразные и глупейшие действия свои, которые довели его до острога...» (на каторге);

– «голос бывшего стал до того ужасен *от злобы...*» – злоба в первом сне Раскольникова – об избиении лошадки, проекция его собственной злобы, как и в следующей цитате – из сна на каторге:

– «убивали друг друга в какой-то *бессмысленной злобе*».

Злоба героя ярко окрашена целым спектром чувств: презрением, раздражением, отвращением. Порой его злоба не имеет под собой существенных причин. Так, герой идет по улице, а душу его переполняет «злое презрение» ко всем окружающим; он просыпается «желчный, раздраженный, злой»; «столько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека...», что он не совестился своих лохмотьев; он «был в раздражительном и капризном состоянии, углубился в себя и отдалился от всех...». Далее, «он при первом действительно обращении к нему слове (когда Мармеладов заговорил с ним) вдруг ощутил свое обычное неприятное чувство отвращения ко всякому чуждому лицу, касающемуся или только хотевшему прикоснуться к его личности». Здесь злобное чувство отвращения никак не связано с причиненным злом со стороны окружающих.

Отвращение – постоянное чувство Раскольникова к людям еще до преступления. «Одно новое, непреодолимое ощущение овладевало им все более и более, почти с каждой минутой, – пишет о своем герое Достоевский, – это было какое-то бесконечное почти физическое отвращение ко всему встречному и окружающему, упорное, злобное, ненавистное. Ему гадки были все встречные, – гадки были их лица, походки, движения; просто наплевал бы на кого-нибудь, укусил бы, кажется, если бы кто-нибудь с ним заговорил...». Старуха же, убитая Раскольниковым, это злобное желание осуществила – укусила со зла Лизавету, чуть-чуть палец не отрезали. Это одно из тех, говоря пушкинским словом, *странных сближений*, которых много у Достоевского, здесь герой и его жертва сродни друг другу в их злобе, в бессмысленной ненависти к окружающим.

После преступления отвращение Раскольникова направлено не на преступление, не на себя, но оно есть общее, тотальное состояние его души. Впрочем, отвращение и вполне конкретно – направлено, например, постоянно на Разумихина, с его желанием помочь, с его энтузиазмом, с его заурядностью, в конечном итоге. Далее появляется и бесконечное, переходящее все границы, отвращение к Порфирию Петровичу, к Лужину, к Свидригайлову – то есть к тем, кто в стане врагов.

Для подобных злобных эмоций есть порой причины: мучительство Порфирия Петровича отражается в душе Раскольникова злобой; он испытывает яркие вспышки злобы на мать и Дуню, которые причиняют ему страдание. Так, по прочтении письма лицо его «было бледно, искривлено судорогой», со *змеящейся злой улыбкой*. Раскольников пытается помочь девушке на бульваре и злится на франта. Но понятное чувство гнева в последней ситуации обретает характерный – чрезмерный и патологический оттенок: «...ему вдруг захотелось как-нибудь оскорбить этого человека...»

Один из самых сильных всплесков тупой и действительно *бессмысленной* злобы – до

скрежетания и щелканья зубами – случается после того, как Раскольникова хлестнул по спине кучер «за то, что он чуть-чуть не попал под лошадей». Удар кнута так *разозлил* его, что он «отскочил к перилам... злобно заскрежетал и защелкал зубами... Он стоял у перил и все еще бессмысленно и злобно смотрел вслед удаляющейся коляске...». Здесь троекратно повторенная автором злоба героя доходит до конвульсий. Причина ее – удар кнута – кажется ли достаточной для столь безумных и болезненных проявлений? Ведь он сам шел, не разбирая дороги.

Впрочем, конвульсии вызываются и сущими пустяками: «Он решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу, и даже лицо служанки, обязанной ему прислуживать и заглядывавшей иногда в его комнату, возбуждало в нем *желчь и конвульсии*...» Скрежет зубов – это еще одно крайнее проявление острейшей ненависти, ассоциирующееся с евангельским, «там будет плач и скрежет зубов» – в аду, конечно, – Раскольников уже почти в аду. Он скрежещет зубами и щелкает ими, как бесноватый, потому что его ударил кучер, тот же скрежет появляется и в ином эпизоде. Потрясенный встречей с мешанином, Раскольников в длинном внутреннем монологе на разные лады перебирает мысль о своем ничтожестве: «Эх, эстетическая я вошь...», «"Да, я действительно вошь", – продолжал он, *роясь* в своей мысли. "Потому, потому, я окончательно вошь, – прибавил он, *скрежеща зубами*, – потому, что сам-то я, может быть, еще сквернее и гаже, чем убитая вошь..."» – *сквернее и гаже*, впрочем, не потому, что убил двух женщин, а потому, с его точки зрения, что «не перенес» своего преступления.

Стоит подчеркнуть: в последней ситуации, как и в немногих иных, когда злоба героя направлена на самого себя, она всегда обретает ложную направленность: не на преступление свое, но на недостаточность, малость, ничтожность своего преступления, он хотел бы быть преступником не мелким, но таким, как Наполеон или Магомет, убить и не мучиться при этом. Герой злится на себя, на свою слабость, то есть на то, что является остатком человечности, – так глубока подмена ценностей в его душе. И характерен градус этой злобы: «Он *чуть не захлебнулся от злобы* на себя самого, только что переступил порог Разумихина». Когда он обнаруживает, что нет топора, когда *предприятие* его оказалось под угрозой, то бес, правящий душой героя, просто лишает его человеческого облика: «Ему хотелось смеяться над собой со злости... *Тупая, зверская* злоба закипела в нем».

В сцене на бульваре злоба находит еще одно, крайне болезненное проявление: «Эй вы, Свидригайлов! Вам чего тут надо? – крикнул он, сжимая кулаки и смеясь своими *запенившимися* от злобы губами». *Пена на губах*, это проявление безумной, животной злобы, опять же, как у бесноватых, тяжкий симптом глубокого духовного

недуга, появится еще раз – во время разговора с Порфирием Петровичем. «Он чувствовал, что пересохли его губы, сердце колотится, *пена запеклась на губах*». Более частый симптом крайнего нездоровья – дрожащие губы, как, например, особенно сильно во время разговора с Заметовым: «...верхняя губа его дрогнула и *запрыгала*. Он склонился к Заметову как можно ближе и стал *шевелить губами*, ничего не произнося; так длилось с полминуты; он знал, что делал, но не мог сдержать себя». После разговора «лицо его было *искривлено*, как бы после какого-то припадка».

Любопытно, что Раскольникову *нравятся* некоторые его злобные и болезненные состояния. Характерно, что он с явным удовольствием куржится над Заметовым, после чего уходит, «весь дрожа от какого-то дикого нестерпимого ощущения, в котором между тем была часть *нестерпимого наслаждения*». Сладость порока «бездны мрачной на краю» здесь кульминирует: Раскольников в своей игре с Заметовым, слабым противником, чувствует свою силу и дает себе волю потешиться. Но не менее отвратительны подобные состояния и в иных проявлениях. Так, в разговоре с Лужиным: «А правда ль, что вы, – перебил вдруг опять Раскольников *дрожащим от злобы голосом*, в котором слышалась какая-то *радость* обиды, – правда ль, что вы сказали своей невесте...», что выгоднее брать жену из нищеты. Злоба и обида здесь сопряжены с радостью. Или, например, герою *нравится* уже упомянутое его состояние неряшливой опущенности: «...это было *даже приятно* в его теперешнем состоянии духа». Нравится и иное: «Слушай, Разумихин <...> что за охота благодетельствовать тем, которые... плюют на это?..» Начал говорить эти злые слова Раскольников «спокойно, заранее *радуясь* всему яду, который готовился вылить», как замечает Достоевский. Во втором разговоре с Порфирием не удерживается от *вызова*: «А знаете что, – спросил он вдруг, почти дерзко смотря на него и как бы ощущая от своей дерзости *наслаждение*, – ведь это существует, кажется, такое юридическое правило... – сперва начать издалика, с пустячков...» Таковы своеобразные удовольствия героя.

Одно из острых и неконтролируемых проявлений злобы – *бешенство*, почти беснование, согласно значению слова. В романе состояние бешенства переживают и иные герои: *взбешен* Раскольниковым Разумихин, *в бешенстве* Катерина Ивановна и Амалия Людвиговна, даже Дуня по отношению к Свидригайлову; более глубоко *бешенство* Свидригайлова и особенно Лужина. Но это лишь отдельные вспышки. Бешенство же Раскольникова – почти постоянное состояние в болезни, как отмечает Зосимов, *бешенство* «чуть не от каждого пустяка». В разговоре с Дуней при слове «преступление»: «Какое преступление? – вскричал он вдруг, в каком-то внезапном *бешенстве*». Бешенство – в снах героя: Миколка *в бешенстве*, что не может убить

лошадку, *в бешенстве* тот, кто бьет хозяйку, сам Раскольников во сне *в бешенстве* еще раз пытается убить старуху. Особенной остроты это состояние достигает в разговорах с Порфирием Петровичем: Раскольников «дрожит *от бешенства*»; далее бешенство еще безудержнее, он отталкивает мысль о том, что Порфирий лжет, «чувствуя заранее, до какой степени *бешенства и ярости* может она довести его, чувствуя, что *от бешенства с ума сойти может*». В том же втором разговоре со следователем «Раскольников вдруг впал в настоящее *исступление*; но странно: он опять послушался приказания говорить тише, хотя был в самом сильном *пароксизме бешенства*».

В *ярость* и *исступление* Раскольников приходит многократно. *Ярость*, опять же, роднит его с Миколкой из сна о лошадке – тот в ярости сечет кобыленку. Сам же мальчик (страдающая душа Раскольникова) «*в исступлении*» бросается на убийцу. Подобно тому как Катерина Ивановна в *исступлении* требует правды, «*яростно* требует, чтобы все жили в мире и радости», или – та же тональность чувства – Дуня приходит *в исступлении* от гнева в разговоре со Свидригайловым. Но теперь убийца, Раскольников, переживает иные состояния ярости и исступления – те же, что взбешенный Лужин, «*вопящий в ярости*», да и в сне об избиении хозяйки ему снится «*зверство, исступление*» – дикая злоба избивающего, родственная его собственной, изливаемой на окружающих. Так, после письма матери Раскольников «*в исступлении*»; в это состояние он приходит постоянно во время болезни, требует от Разумихина «*в исступлении*», чтобы его все оставили; в другой раз Раскольников начал разговаривать с Разумихиным спокойно, «а кончил *в исступлении и задыхаясь*, как давеча с Лужиным». И в разговоре с Соней «*почти в исступлении*» говорит о ее «позоре и низости». В ответ на слова Дуни о пролитой крови – «которую все проливают, – подхватил он *чуть не в исступлении*». Мысль о Свидригайлове «приводила его *в мрачную ярость*». С Порфирием же Петровичем Раскольников впадает в состояние исступления не раз, что фиксирует Порфирий, да и сам Раскольников осознает это и боится себя: в первом разговоре он «вдруг впал *в настоящее исступление*», кричит *в ярости*: «Повторяю вам, что не могу дольше переносить...», а во втором разговоре в исступлении кричит: «Ты знал мой характер, *до исступления* меня довести хотел, а потом и огорошить вдруг попами да депутатами... Ты их ждешь? А?» – так что в безумии злобы теряет даже здравый смысл, изумляя тем следователя. Порфирий Петрович, проникая в душу Раскольникова глубоко, этим же словом характеризует его идею убийства: «...в бессонные ночи *и в исступлении* она замышлялась». Это верно, здесь авторская оценка: исступивший из себя человек предоставляет свою душу силам тьмы.

Ненависть – высшее выражение отвержения, высший градус злобы, состояние столь же острое, как бешенство, но при этом длительное и упорное, – характерное для Раскольникова состояние. Иных носителей ненависти в романе немного – при всем том, что кульминаций чувств, доходящих до пароксизма, немало. Так, Свидригайлов фиксирует, что он ни к кому «никогда не имел большой *ненависти*». Носителем ненависти является Лужин – он ненавидит Раскольникова (уносит в своем сердце «злую *ненависть*» к нему) и Лебезятникова («презирал и *ненавидел* его даже сверх меры»). Вся же остальная «ненависть», многократно повторяемая, обращенная и на врагов, и на близких людей, то как постоянный фон, то острейшими вспышками, неоднократно фиксируемыми, приходится на долю Раскольникова:

- Раскольников проснулся и «с *ненавистью* посмотрел на свою каморку»;
- в его душе раздражение «упорное, злобное, *ненавистное*»;
- на Дуню он «посмотрел *чуть не с ненавистью*»;
- в разговоре с ней он говорит о людях: «О, как я их всех *ненавижу*!»;
- Раскольников отдает себе отчет в своей ненависти: «Мать, сестра... Отчего теперь я их *ненавижу*? Да я их *ненавижу*, физически *ненавижу*...», – но не дает себе труда найти причину;
- расставаясь с родными, Раскольников говорит: «Иначе, я вас *возненавижу*, я чувствую...»;
- то же и о старухе: «О, как я *ненавижу* теперь старушонку!...»;
- объект ненависти, конечно, Порфирий Петрович: «...негодование *закипело* в нем при мысли, что он дрожит перед *ненавистным* Порфирием Петровичем»;
- Раскольников «*ненавидел* его без меры, бесконечно, и даже боялся своею *ненавистью* как-нибудь обнаружить себя»;
- во время своего «длинного смеха» он «долго и *ненавистно* смотрел на Порфирия»;
- когда Порфирий Петрович смеется над Раскольниковым, последний «принимает этот смех с *ненавистью*»;
- подчиняясь Порфирию Петровичу, «с болью и *ненавистью* осознает, что подчиняется»;
- мгновенная ненависть направлена и на Соню: «...ощущение *едкой ненависти* к Соне прошло по его сердцу», но любовь Сони победила это чувство, «*ненависть* его исчезла как призрак»;
- при словах Сони о каторге «его как бы вдруг передернуло, прежняя *ненавистная* и почти надменная улыбка выдавилась на губах его»;
- он говорит Соне: «О, как *ненавидел* я эту конуру!»;
- и позднее: «Да, он почувствовал еще раз, что, может быть, действительно *возненавидит* Соню».

К врагам его ненависть порой доходит до таких пределов, что герой *хочет убить человека*. Можно отметить пять эпизодов, в которых Достоевский это фиксирует: Раскольникову, причем

неоднократно, хочется убить от злобы Порфирия Петровича: «По временам ему хотелось кинуться и тут же на месте *задушить* Порфирия». «Надо кончить с Свидригайловым», – думал Раскольников, и далее: «...в это мгновение *такая ненависть* поднялась вдруг из его усталого сердца, что, может быть, он бы *мог убить* кого-нибудь из этих двух: Свидригайлова или Порфирия. По крайней мере, он чувствовал, что если не теперь, то впоследствии *он в состоянии это сделать*...» В иной ситуации: «"Если Свидригайлов что-нибудь интригует против Дуни, то... тогда я *убью его*", – подумал он в холодном отчаянии...» Подобное желание направлено и на Лужина: «...*злоба накопала в нем* (Раскольникова. – Т. К.) все сильней и сильней, и если бы теперь встретился с ним господин Лужин, он, кажется, *убил бы его*!» Наконец, столь же сильна ненависть к Заметову: «Он бы, кажется, так и *задушил* в эту минуту Заметова».

К желанию убить в этих случаях не применяются никакие теории – это глубинные и сильнейшие движения сердца – злобная ненависть к врагам, к ним же относится и его жертва: «О, как я *ненавижу* теперь старушонку! Кажется, бы другой раз *убил*, если б очнулась!» И после этих размышлений ему снится сон, в котором он второй раз пытается убить старуху. Любопытно сходство этой ситуации со сном Раскольникова об избиении лошадки, в котором Миколка (одна из проекций души главного героя) говорит: «Так бы, кажется, ее и *убил*, даром хлеб ест» – и действительно убивает.

Так что зло в природе героя глубоко: его душа представляет собой, наряду с редкими добрыми порывами, жуткое, болезненное зрелище – кипение бушующей злобы, постоянной, вспыхивающей острейшими пароксизмами. Проявления зла, захватившего, заполонившего душу героя, можно интерпретировать как симптомы одержания: конвульсии; скрежет и щелканье зубов; вспенившиеся от злобы или дрожащие губы; кусание ногтей; злоба захлебывающаяся, задыхающаяся, зверская, неистощимая; сжатые от злобы кулаки; сводящее с ума бешенство; ненависть; желание наплевать, укусить, оскорбить, наконец, убить, задушить.

Все это вне поля осознания героя. Умом он управлять не умеет, одно из основных положений аскетической практики – «не отдать ума» [9; 237] темным силам – этот навык внимательного отношения к своей умственной жизни, чужд Раскольникову, душой которого бес играет с легкостью, не встречая сопротивления. То, что темная сила «располагает возможностью войти во внутреннюю нашу жизнь и там поработать нас» [9; 243], – это аксиома для христианского сознания. Но об этой истине Раскольников не имеет ни малейшего понятия. Ему неизвестно, что смешение добра со злом – постоянный прием бесов, что это их казуистика отточена, как бритва, в течение многих веков земной истории,

что их опытность во зле огромна, что помыслы, внушаемые ими, могут «поколебать и ниспровергнуть нравственные понятия [2; 32], что «начало обольщения ума – тщеславие» [2; 47], что надмение и высокоумие есть первые действия дьявола в человеке, что эти действия всегда тщательно скрыты, так что человек склонен внушения темной силы принимать за свои собственные мысли. И потому при первом же явлении злого помысла нужно отсекал его как нечто чуждое – к этому призывают святоотеческие писатели. Увы, подобная бдительность возможна только на христианских путях и совершенно недоступна Раскольникову.

В христианской традиции накоплен огромный опыт борьбы с темной силой. Многие его положения общеизвестны – духовное невежество Раскольникова поразительно. О том, что с ним произошло, мы можем прочитать у любого из святоотеческих писателей. Темный помысел об убийстве, прилог (так называется в аскетической литературе начальная стадия подчинения злу) вошел в его душу (после подслушанного разговора студента и офицера об убийстве) и, воспринятый не как нечто чуждое, а как собственное порождение, стал властвовать душой, *одержать* ее. Скажем об одержании краткими словами современного богослова: «Этот тяжкий духовный недуг – следствие того, что человек, находясь в полном духовном расслаблении, не может уже препятствовать действию духа лукавого, свободно вторгающегося в его жизнь. Бес подчиняет человеческую волю своей демонической воле и властвует над ним». Это происходит, когда «человек забывает о Боге, утрачивает всякую память о Нем, и благодать Божия отходит, попуская стать ему жилищем для демонов». И далее: «Враг преследует только одну цель – погубить человека, свести его в ад. Он стремится надругаться над душой, но при этом страдает и тело. Вспомним хотя бы евангельского одержимого гадаринского юношу, который "в новолуния [бесновался] и тяжело страдал, ибо часто бросался в огонь и часто в воду" (Мф. 17, 15). Через эти страдания шаг за шагом приводит дьявол человека к тягчайшему греховному преступлению – самоубийству» [7; 121–122].

Здесь несколько моментов, в точности совпадающих с «Преступлением и наказанием»: герой, во-первых, именно *забыл о Боге* (по словам Мережковского), утратил всякую память о Нем, и – вспомним еще раз грозные слова Сони Мармеладовой: Бог его *поразил, дьяволу предал*. Не *отошел* только и *пустил* – здесь подчеркнуто именно наказание (что обозначено в заглавии романа). Далее, о страдании души и тела: Раскольников страдает тяжело, и душевно, и телесно, его состояние крайне болезненно на протяжении всего действия романа, его духовный недуг поражает его и телесным, и душевным нестроением, отсюда – бесконечные и разнообразные мучения Раскольникова. Именно потому, прежде всего,

Раскольников вызывает мучительное сострадание читателя. Он болен, и некоторые его злобные проявления есть крайние симптомы болезни. Но болезнь его духовного характера, имя ей мы находим не в медицине, но в пневматологии, и оно есть именно одержимость.

Наконец, о самоубийстве: Раскольников был на этой грани, стоял над Невой, но удержало его, как сообщает всеведущий автор, предчувствие *глубокой лжи* в его теории. Не греховная жизнь, как бывает, опустошила душу героя и сделала ее жилищем беса, но именно гордыня сознания, и именно в сознании же сохранился последний оплот светлых сил, *предчувствие лжи* – так что Бог не вовсе отступил, хотя и предал дьяволу, но не отошел вовсе.

Бесконечные же страдания, насылаемые бесом, не идут Раскольникову во благо. «Ибо ничто так не любезно дьяволу, как видеть человека казнимым. Когда же это бывает ему попущено, он, подобно буре, налетает на тех, на коих по попущению Божию получил власть, придумывая одни за другими наведения им произвольных страданий <...> чтоб душа, изнемоги под тяжестью скорбей и бед, отбросила всякую надежду на Божественную помощь» [5; 279]. Лишь в конце романа герой освобождается от страданий и от властвующей им силы – почти чудесным образом, не собственным усилием, но благодаря высшей помощи – только так он и мог быть избавлен, чтобы далее начать самостоятельный трудный и долгий путь к истине.

И вот теперь – важнейшее: только при точном восприятии всего приведенного выше ряда цитат, только ужаснувшись тому, как много зла в душе героя усматривает всевидящий и всезнающий автор, диагност духовной гибели героя, только теперь можно поразиться: все-таки не погиб! Как бы ни был страшен грех, как бы ни было омерзительно зло, мы, читатели, вместе с автором, не ненавидим, но жалеем героя-убийцу, топором убившего двух беззащитных женщин – старуху, которой было в чем каяться, но которая умерла без покаяния, и молодую женщину, кроткую и безропотную. Мы все-таки – об этом позаботился автор и этому истинно христианскому чувству научил нас, читателей, – сострадаем не только Лизавете, мученически, смиренно и безропотно принявшей смерть, не только несчастной старухе, но и их убийце.

Князь Мышкин – герой иного метафизического выбора, не противопоставляющий свою личную волю воле Божьей. Ему, христианину, дана автором глубина самосознания, чуткость к различению добра и зла не только в мире, но прежде всего в самом себе – в потоке эмоций, побуждений и мыслей. Герой отмечает несовершенства в себе, признается в них, когда его обличают другие. Потому он может показаться кому-то проблематичным с нравственной точки зрения, и если мы хотим опровергнуть обличительский по отношению к этому герою Достоевского, во мно-

гом «советский» подход², то стоит отметить следующее: с точки зрения христианской антропологии зоркость героя к своей внутренней жизни и к своему несовершенству нужно понять как его высокое достоинство – добродетель христианина.

Так, князь Мышкин умеет ловить себя на «двойных мыслях», может признаться в них своему собеседнику, умеет и бороться с ними, как того требует христианская аскетика. Более того, герой осознает неизбежность двоящихся мыслей, понимает их природу, в соответствии с отеческим учением, как внешнюю себе и, в отличие от Раскольникова, наделен даром раскаяния за прегрешения в помышлениях.

Князь Мышкин всегда открыт навстречу другим людям, он их слышит и реагирует на их слова и обличения. Он признается в разговоре с Епанчиными, что бывает недобр, соглашается с обличениями, сознается, например, в осуждаемом собеседником тайном желании проповедовать, в мысли, что «умнее всех проживет». Раскольников же со своей идеей до удивления, вопреки Бахтину, «недиалогичен», его мысль есть идея неподвижная, замкнутая в себе, недоступная для диалога.

Подумав вскользь о человеке с осуждением («И какой же однако гадкий и вседовольный прыщик этот давешний племянник Лебедева»), князь Мышкин способен остановить себя: «А впрочем, что же он взялся их так окончательно судить, он, сегодня явившийся, что же это он произносит такие приговоры?» Заподозрив своих гостей-нигилистов в недобром намерении, князь Мышкин обвиняет себя в «чудовищной и злобной мнительности» и искренно «считает себя, из всех, которые были кругом его, последним из последних в нравственном отношении», укоряет себя за многое в отношениях со «злыми мальчишками».

В романе в целом очень много той злобы, которая бушевала в Раскольнике и в иных героях «Преступления и наказания». Порывы злобы постоянно вспыхивают в Рогожине, в Ипполите, в нигилистах, в Настасье Филипповне, в Аглае. Но в князе Мышкине нет вовсе зла. Ни разу это слово не звучит в устах всезнающего автора применительно к князю Мышкину. Впрочем, он готов принять на себя чужую злобу. Так, он говорит Рогожину: «То, что ты вообразил, не существовало и не могло существовать. Для чего же *злоба наша* будет существовать?» «Какая у тебя будет *злоба*», – отвечает Рогожин, который хотя и не научился справляться со злом в себе, но о нем знает гораздо больше, чем Раскольников.

Раскольников не осуждает себя за свою ненависть к людям, за злобное презрение: для него люди – ненавистные «идиоты», вызывающие конвульсии своим прикосновением к его миру. Лишь однажды он осудил себя за раздраженный порыв – за гневное чувство по отношению к Дуне. Других же он стыдит неоднократно: Дуню («И тебе не стыдно, сестра?»), в словах же о Со-

не – поток обличений: *грязь, порок, ужас, позор, ужас, смрадная яма*. Себя же, убийцу, к блуднице отнюдь не приравнивает, и эти слова к себе отнюдь не применяет. В романе много раскаяния и стыда: в Соне – бесконечно много, в Дуне, которой действительно стыдно за свое решение выйти за Лужина, в матери Раскольникова, которая раскаивается, что затеяла *несправедливое* дело. Но не в Раскольнике.

Князь Мышкин нередко испытывает состояние острого стыда за себя и глубочайшее, даже гипертрофированное раскаяние. «О, как мучила князя чудовищность, "унизительность" этого убеждения, "этого низкого предчувствия", и как обвинял он себя самого!» – пишет всеведущий автор о прозрениях князя Мышкина, которому открывается готовность Рогожина к убийству. Или о том же: «Новый, нестерпимый прилив стыда, почти отчаяния, приковал его на месте, при самом входе в ворота». В другую минуту в душе князя – не менее сильный порыв стыда: «"Не преступление ли, не низость ли с моей стороны так цинически-откровенно сделать такое предположение!" – вскричал он, и краска стыда залила разом лицо его. О, как он непростительно и бесчестно виноват пред Рогожиным! Нет, не "русская душа потемки", а у него самого на душе потемки, если он мог вообразить такой ужас».

Причем свои «низкие» подозрения по отношению к Рогожину князь Мышкин воспринимает именно как внешнее воздействие – как «нашептывания» своего «демона», внушенные им «унизительные» мысли. Подвластность подозрениям он воспринимает как свой стыд перед Рогожиным и «бесчестие», даже как «низость» и «преступление», фиксирует свои подозрения с краской стыда и ужасом. А далее, уже после попытки убийства, говорит Рогожину об обоюдной, даже равной вине: Рогожин хотел убить, а он, князь Мышкин, думал о возможности убийства, был уверен в его возможности. Ведь для него, христианина, мысль и поступок в своей греховности равновелики.

У него хватает смелости «додумывать» свои «постыдные» мысли, на которых он себя ловит: «Скажи же, если смеешь, в чем? – говорил он беспрерывно себе, с упреком и с вызовом, – формулируй, осмелюсь выразить всю свою мысль, ясно, точно, без колебания! О, я бесчестен! – повторял он с негодованием и с краской в лице, – какими же глазами буду я смотреть теперь всю жизнь на этого человека! О, что за день! О, боже, какой кошмар!» И далее: «Да, я человек без сердца и трус!»

Исход же из ситуации собственной виновности князь Мышкин также способен найти в соответствии с христианскими путями раскаяния: «...обнять его со стыдом, со слезами...» Князь Мышкин способен и победить своего демона, пусть не окончательно, – не прилепляясь к его внушениям, но сопротивляясь им, с отвращением отворачиваясь от них.

Раскольников же внушения духа зла, напештывающего ему о том, как правильно бы убить, взять... – не распознает как демона и верит, что эта мысль есть его собственное порождение, сначала отвратительная мечта, а потом – разумное предприятие. Почему же оказалась возможной полная захваченность, глубокая плененность злом этого человека, незаурядного и благородного? Ответ дан Соней: *от Бога вы отошли*. Поэтому знание внутреннего зла, видение греха, это главное требование христианской антропологии, исключено в мировоззренческой ситуации Раскольникова: он может почувствовать некую *неодолимую силу*, сопротивляться которой он не может, или чье-то темное *присутствие*, но поставить перед своим сознанием необходимый вывод не в его власти. Бдительность ко злу в себе возможна только на христианских путях и совершенно недоступна Раскольникову. Но внутренне она близка князю Мышкину, с его зоркостью к своему внутреннему миру и способностью к самопознанию и раскаянию.

Более того, в романе «Идиот» самосознание в его высшей форме связано с мистическим опытом, оно есть не что иное, как путь к мирам иным. Князь Мышкин анализирует свое переживание за секунду до эпилептического приступа: «Ощущение жизни, *самосознания* почти удесятерилось в эти мгновения, продолжавшиеся как молния. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом; все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясности, гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины». Он понимает, что «все эти молнии и проблески *высшего самоощущения и самосознания*, а стало быть и “высшего бытия”, не что иное как болезнь», но все же дают «неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни». И еще раз: «Мгновения эти были именно одним только *необыкновенным усилением самосознания*, – если бы надо было выразить это состояние одним словом, – самосознания и в то же время самоощущения в высшей степени непосредственного».

В «оценке этой минуты», то есть выводе о причастности к высшему бытию, как замечает автор, «без сомнения, заключалась ошибка», но *действительность ощущения*, опыт переживания высшего мгновения бытия, прикосновения к вечности были вне сомнения. Князь Мышкин говорил, что ему в этот миг «становится понятно необычайное слово о том, что времени больше не будет». И читатель не усомнится в подлинности переживания, только достигаться подобные мгновения должны на путях христианской аскетики, а не страшной ценой болезни и мрака.

Нет, совершенным христианином, соответствующим нашему идеалу христианского подвижника, вряд ли можно назвать князя Мышкина,

«идиота», «мирянина»³, который своими только силами стремился совладать и с человеческими страстями, и со своим демоном. «Господи, покажи мне путь мой», – в одну из высших минут жизни, отрекаясь от «проклятой мечты», от своего демона, молится Раскольников (и это обращение к Богу есть великое предназначение для его дальнейшей жизни). Князь Мышкин со своим демоном, увы, один на один – в эпизоде внутренней борьбы с болезнью, надвигающейся из мрака, дух его не поднимается горé, Божье имя не приходит ему на уста. Увы, конечное поражение прекрасного человека, несущего в себе христианские чувства к людям, но столь глубоко вовлеченного в мирское, в здешние страсти и судьбы, неизбежно.

Итак, за всеми глубокими отличиями во внутренней жизни двух героев Достоевского, в их способности к самосознанию, к контролю мыслей и чувств, стоит, конечно, автор, который, создавая свои художественные миры, опирается на христианскую антропологию, следует ее законам, вскрывая в человеке то поле, где дьявол с Богом борется, проследивает пути этой нешуточной борьбы – духовную слепоту или зрячесть героя, злобную отъединенность от людей или деятельную любовь к ним, и выявляет итог – преступление или самопожертвование. И потому ложным утверждением представляется общеизвестная мысль Бахтина о том, что идеи героев равновелики авторским. Демоническая идея Раскольникова есть трагическая и нелепая ошибка духовно неопытного человека, не стоящая того возвеличивания, которое мы видим в критической литературе. Идея героя есть результат одержания, незнания азов христианского миропонимания. Служение христианской идее князя Мышкина – совсем иного порядка, в духовном отношении бес может в конечном итоге сломить его, но восторжествовать в его душе ему не дано.

Мне осталось добавить в виде тезиса мысль о том, что в «Братьях Карамазовых» Достоевский использует те же приемы построения характеров своих главных героев, и по-прежнему одной из существенных личностных особенностей героев является их самосознание. Алеша, как и князь Мышкин, живущий без зла в сердце, знает о своем несовершенстве, он тоже со стыдом и ужасом порой фиксирует свои ошибки и грехи и в мысли, и в чувстве. Столь духовно незрячих, как Раскольников, в последнем романе нет: даже Федор Павлович порой осознает глубину собственного зла, это свойственно и Миусову, причем оба они нимало не желают свое зло, весьма различное, обуздывать, и потому в этих ситуациях самосознание превращается в профанацию: осознание внутреннего зла приводит лишь к любованию им и самодовольству во зле. Иван Карамазов, герой, подобно Раскольникову, подвластный злым импульсам, но видящий своего демона, черта, в лицо, не заблуждается относительно первоисточника зла, оно им опознано в значительной мере, хотя

можно сомневаться в полноте осознания зла как внешней темной онтологически реальной силы, ибо сильно искушение рассудка – желание признать эту нешуточную силу собственным порождением.

О необходимости видеть свое зло в последнем романе Достоевского говорит старец Зосима как об основном деле монаха. Он призывает: *смотри за собой* и знай, что ты хуже других, но не бойся своего греха, а раскаивайся в нем.

Лишь на этих путях христианской аскетической практики при полной самоотдаче всей жизни духовному подвижничеству возможно победить мир, возможно истинное самосознание.

В итоге глубина психологизма Достоевского, его пневматологии получает свою подлинную оценку именно на фоне христианской антропологии. Ее учет необходим при стремлении к пониманию художественных концепций писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст цитируется по изданию: Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худ. лит., 1957.

² Претензии литературоведов к князю Мышкину и его творцу проанализированы в [4; 191–241].

³ О значении слова «идиот» см.: [4; 204–215].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 316 с.
2. Игнатий Брянчанинов, еп. Слово о смерти. М.: «Р. С.», 1991. 315 с.
3. Котельников В. А. Праведность и греховность // Полярность в культуре (Альманах «Канун», вып. 2). СПб., 1996. С. 20–55.
4. Кунильский А. Е. «Лик земной и вечная истина». О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф. М. Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 304 с.
5. Максим Исповедник, св. Умозрительные и деятельные главы // Добротолюбие в русском переводе святителя Феофана, Затворника Вышенского. М.: Паломник, 2003. Т. 3. С. 279.
6. Мережковский Д. С. Толстой и Достоевский. М.: Республика, 1995. 621 с.
7. Меркурий, еп. Поле жизни. СПб.: Янус, 2007. 168 с.
8. Наседкин Н. Н. Достоевский. Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2003. 800 с.
9. Софроний Сахаров, арх. Духовные беседы. Т. 1. М.; Эссекс: Паломник, 2003. 383 с.
10. Тихомиров Б. Н. «Лазарь, гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 468 с.

ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ АКУЛОВ

доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета ПетрГУ
akulov@onego.ru

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ МЕНЕДЖЕРСКИЕ РЕСУРСЫ И ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье предпринята попытка представить менеджмент и его технологии в качестве ресурсов, умелое использование которых позволяет повысить производительность труда и эффективность фирмы в целом. Данные ресурсы исчерпываемы, что побуждает менеджеров к поиску новых технологий управления.

Ключевые слова: специфические менеджерские ресурсы, потенциал бюрократической организации, мотивация персонала, финансовый менеджмент, управление структурой организации

В условиях современной России формируется слой частных собственников, которые могут управлять своими капиталами только с позиции его *эффективного* использования. Капиталистический критерий эффективности – это сопоставление результата и затрат при условии превышения первого над вторым.

Проще всего данный тезис подтверждается на примере внутрифирменной иерархии и фирмы. Мы вправе делать определенные выводы, связанные с организацией, только проводя сопоставления потоков доходов (результатов) и затрат (издержек), которые *подлежат обязательному дисконтированию*. Таким образом, мы получаем корректные и сопоставимые данные. Теперь нам необходимо *правильно определить временной интервал (период)* для такого сопоставления. Лучше всего оперировать данными за экономический цикл, финансовый цикл, период, связанный с реализацией инвестиционного проекта, краткосрочный период в деятельности фирмы. После этого следует выявить *источники возрастания результата и снижения затрат*.

Как нам представляется, это верный путь к *достижению наибольшей эффективности функционирования* организаций (фирм). И, наконец, полученные таким образом результаты дают основания утверждать, что наша организация *в состоянии поступательно развиваться, то есть подвержена организационному прогрессу* (вспомним высказывания А. Богданова) [3]. В свою очередь, достижение наибольшей эффективности функционирования фирмы становится *материальной основой поступательного развития организации*. Все становится на свои места и логически увязывается в *единый подход* к функционированию и развитию экономических организаций, коими и являются фирмы.

В этой связи особо следует сказать о роли *менеджмента*. По нашему мнению, грамотное его использование может повысить эффективность функционирования экономической организации и обеспечить организационный прогресс фирмы в целом. Однако не следует забывать, что менеджмент сам по себе является таким же *ресурсом*, как и другие, использование

которых происходит в рамках (границах) соотношения результата и затрат. Поэтому наша проблема в практической плоскости предстает в следующем виде: необходимо определиться с результатом от использования менеджмента и затратами, которые с ним связаны, и произвести их сопоставление.

Следовательно, менеджмент выступает, с одной стороны, как источник получения дополнительного результата в деятельности организации, а с другой – с ним связаны и дополнительные затраты. Отсюда вытекают принципиальные выводы:

- 1) менеджмент сам по себе не гарантирует повышения эффективности функционирования организации,
- 2) далеко не всегда и не везде необходимо использовать менеджмент в качестве способа упорядочивания работы организации.

Если затраты на менеджмент превышают позитивный результат от его использования, то, вероятно, стоит подумать об ином способе упорядочивания работы организации, отказавшись либо от каких-то менеджерских технологий (ресурсов), либо от менеджмента в целом. Последнее особенно важно для мелких предприятий, которые не обладают полным суверенитетом и пытаются поэтому «встроиться» в технологический процесс крупной или сверхкрупной компании. Мы считаем, что такой подход гарантирует от эйфории использования менеджмента, который в случае получения отрицательного результата становится первопричиной всех неудач и просто отбрасывается (россиянам всегда было свойственно впадать из одной крайности в другую). Использование менеджмента должно быть очень избирательным, почему и необходимо вести разговор о *профессиональном подходе к менеджменту*.

Следующая часть статьи будет посвящена доказательствам высказанных выше предположений. По нашему мнению, удобнее всего это сделать посредством рассмотрения истории развития менеджмента как способа упорядочивания экономических организаций.

Строго говоря, история менеджмента насчитывает чуть больше одного века. Правда, ведя разговор о менеджерских (управленческих) революциях, стоит сказать, что в период промышленной революции стали происходить процессы отделения управления от собственности и формирования слоя наемных управляющих, однако он принял необратимую форму только к концу XIX века, когда появилась научная школа менеджмента (прежде всего работы Ф. Тейлора).

Что нового было внесено в существовавший и до этого процесс управления организациями? Какой новый ресурс был мобилизован для упорядочивания работы организаций? Это – *нормирование деятельности*, которое позволило рационализировать все трудовые операции, свести к минимуму потери рабочего времени как в про-

цессе непосредственного производства, так и «на стыках» между операциями и процессами.

В результате всего этого был достигнут зримый рост производительной силы труда, что не могло не сказаться на общем уровне эффективности функционирования фирмы. Дополнительные затраты на осуществление процесса нормирования были существенно ниже дополнительного эффекта (результата), который был получен с помощью менеджерского ресурса (можно говорить и о менеджерской технологии). Поэтому очевидно, что дополнительные затраты на менеджмент окупались сполна. Менеджеры не могли не уверовать в собственные силы и в возможность непосредственного влияния на производительную силу труда и эффективность функционирования фирмы.

Однако постепенно эйфория улеглась и кое-где даже сменилась унынием. Достигнув рационального способа упорядочивания трудовых движений работника и рационального распределения операций и обязанностей между сотрудниками, фирма фактически столкнулась с резким замедлением темпов прироста производительной силы труда, что не могло не сказаться на общей эффективности функционирования фирмы.

Выход был найден в рамках административной школы в менеджменте (работы А. Файоля), позволившей вовлечь в «менеджерский оборот» новый ресурс – *бюрократическую организацию*, дающую возможность рационализировать работу не производительных работников, а самих управленцев разных уровней иерархии, за которыми закреплялись различные функции.

Расходы на создание бюрократических структур (многоуровневых административных иерархий) достаточно быстро окупались за счет повышения уровня слаженности действий всех подразделений компании и сокращения потерь «на стыках» всего процесса движения капитала, что приводило к ускорению оборота капитала и росту эффективности функционирования фирмы в целом.

Более подробно плюсы бюрократической структуры выглядят следующим образом:

- 1) иерархическая цепочка команд, которая привносит простой и масштабный порядок в организацию,
- 2) специализация и организация на основе должностных обязанностей, дающие возможность добиться эффективности за счет разделения труда и сосредоточения интеллекта в центре организации,
- 3) единые правила для всех, создающие ощущение справедливости,
- 4) стандартные процедуры, обеспечивающие жесткую организационную связь, позволяющие преодолеть устаревшие методы работы,
- 5) карьера в результате продвижения по служебной лестнице, обеспечивающая преемственность управленцев и профессионалов,

- 6) безличностные отношения, снижающие роль семейственности в организации и позволяющие ввести твердую дисциплину,
- 7) координация сверху, дающая возможность регулирования неквалифицированной рабочей силы и снижающая текучесть кадров [5; 82].

Реализация достоинств бюрократической организации дает возможность увеличить производительную силу труда в фирме. Однако данный ресурс тоже исчерпаем и не является безграничным. В координатах «доход – затраты» бюрократическая организация утрачивает свой позитивный потенциал, повышающий общую эффективность функционирования организации. Это проявляется, например, в формулировании известных законов Паркинсона [6], не оставляющих сомнения в том, что достоинства бюрократической организации ограничены и даже при определенных условиях сомнительны.

Какой следующий ресурс, позволяющий дать новый толчок росту эффективности функционирования организаций по мере исчерпания позитивного потенциала бюрократической структуры, был вовлечен менеджерами в фирменный оборот? Это – *мотивация работников*.

Система «человеческих отношений» и развитие поведенческих наук (работы М. Фоллет, Э. Мэйо, Д. МакГрегора, Ф. Герцберга и др.) дали возможность научным способом мобилизовать потенциал работников для повышения производительной силы труда. Хорошо мотивированный работник является более производительным, а немотивированный или мотивированный отрицательно создает проблемы для менеджеров. Положительная мотивация в 20–30-е годы прошлого века фактически позволила добиться прорыва в росте производительности труда. Такое положение способствовало созданию психологически комфортной ситуации в фирме и мобилизации творческого потенциала личности для достижения общих целей компании (предприятия). Использование данного специфического менеджерского ресурса позволило повысить эффективность функционирования организаций.

Управление персоналом, конечно же, – элемент дополнительных издержек, но, с другой стороны, и важный резерв увеличения результата функционирования организации.

Пока соотношение складывается в пользу положительного эффекта от мотивации работников, менеджеры стремятся воспользоваться именно этим менеджерским ресурсом. Однако, как известно, возможности человеческого организма все-таки ограничены и неизбежно наступает момент, когда положительный баланс плюсов и минусов, получаемых от мотивации, меняет знак на противоположный. Объективно возникает потребность в мобилизации какого-то другого ресурса, который позволил бы добиваться роста эффективности функционирования организации. Таким специфическим менеджерским ресурсом становится *стратегия фирмы*.

Не секрет, что выработка стратегии – чрезвычайно дорогостоящее дело, требующее колоссальных дополнительных затрат, связанных с изучением рынка, внешней среды, перспектив технологического прогресса, потребностей и т. д. Однако и плюсы использования стратегии более чем очевидны.

Правильно поставленная стратегическая цель и выбранные средства ее достижения позволяют:

- 1) в долгосрочной перспективе снижать издержки,
- 2) рационализировать производство,
- 3) добиваться высокой производительности труда,
- 4) делать понятной и осознанной деятельность персонала, мотивируя ее в долгосрочном периоде времени,
- 5) мобилизовать достоинства бюрократической структуры организации,
- 6) эффективно использовать основной капитал,
- 7) грамотно применять новейшие достижения научно-технического прогресса, плюсы от использования которых возрастают с течением времени, и др.

Общеизвестно, что стратегия под силу только крупным капиталам. Она требует значительных затрат на выработку и реализацию. Плюсы же стратегии в полной мере могут проявиться только при значительном объеме производства компании, которая может сама оказывать определенное влияние на рынок своего товара.

Первыми в истории, как уже говорилось выше, воспользовались достоинствами стратегии крупнейшие американские гиганты бизнеса «Дженерал Моторз» и «Дюпон де Немур». Это позволило им, помимо собственно реализации достоинств стратегии, решить проблему треугольника «собственность – контроль – управление», преодолеть недостатки холдинговой структуры компании. Переход к стратегии связан со структурной перестройкой компании и переходом к малтидивизиональным структурам (М-структурам) [7; 445–469].

Нетрудно заметить, что такой менеджерский ресурс, как стратегия, является ограниченным в своем использовании. Дав фирме первоначальный толчок в развитии (росте эффективности функционирования организации), он в дальнейшем уже не может постоянно (регулярно) давать возможность получения дополнительных доходов компании. Следовательно, менеджеры должны искать иные специфические ресурсы, которые бы позволили фирме повышать эффективность функционирования организации. Такими ресурсами становятся *маркетинг и финансовый менеджмент*. Достаточно активно они стали использоваться на Западе с 60-х годов прошлого века.

Маркетинг, как известно из теории, вполне эффективен (позволяет увеличить сбыт продукции, расширить собственный рыночный сегмент и прочее) в условиях насыщенных рынков. Хотя

маркетинг возник на несколько десятилетий раньше (в 1930-е годы), только после трансформации на рынках основных товаров, когда изменилось само соотношение между спросом и предложением в пользу последнего, он стал специфическим менеджерским ресурсом, использование которого позволило при сопоставлении результатов и затрат получать превышение первого над вторым (то есть положительный эффект в конечном итоге).

Не стоит специально доказывать, что маркетинг – очень недешевое удовольствие для фирмы (исследование рынка, изучение товара, поставщиков, конкурентов, поведения потребителя, его вкусов и предпочтений и т. д.), он связан с реальными дополнительными затратами, как явными (дополнительные бухгалтерские издержки), так и неявными (вмененные, трансакционные и прочие издержки) [2; 17–21]. Источником дополнительных затрат становится и такая специфическая форма маркетинга, как стратегический маркетинг.

Маркетинг как менеджерский ресурс, повышающий эффективность функционирования организации, не исчерпал себя. Справедливости ради стоит сказать о том, что в настоящий момент одновременно используются несколько таких специфических ресурсов.

Вообще стоит отметить, что, рассматривая общую логику и историю менеджмента под углом зрения применения специфических менеджерских ресурсов, автор прекрасно осознает, что в реальной действительности менеджеры могут использовать не один и даже не два из анализируемых ресурсов одновременно. Для нас важно, что существует некая логическая, подтверждаемая ходом исторического процесса последовательность вовлечения менеджерских ресурсов в конкретный фирменный оборот. Теоретической основой здесь могут служить несколько одновременно существующих менеджерских концепций, например школы целостственного подхода, системного анализа, ситуационного подхода. В рамках именно этих теоретических подходов и стоит анализировать такие конкретные менеджерские ресурсы, как стратегия, маркетинг, финансовый менеджмент и собственно структура компании (управление структурой).

Теперь настало время остановиться на таком специфическом менеджерском ресурсе, как *финансовый менеджмент*.

Вряд ли стоит специально описывать важность финансов для любой фирмы. «Денежный язык» – универсальный язык всех экономических субъектов. Все они прекрасно его понимают, для них это один из основных каналов получения информации (вспомним, что рынок, контрактная система, да и внутрифирменная иерархия характеризовались нами с точки зрения движения информации и определялись как большие информационные системы). Но нас интересуют здесь не финансы сами по себе, а воз-

можность управления ими для повышения эффективности функционирования фирм.

Активное использование данного ресурса также приходится на 60-е годы прошлого века. Именно в этот период отношение к финансовому менеджменту изменилось, и он выдвинулся на одно из первых мест в технологическом арсенале менеджеров.

Сам по себе финансовый менеджмент является источником дополнительных затрат (явных и неявных). Однако его правильное использование позволяет сократить величину оборотных средств, которые необходимы компании для успешного функционирования. Умелое управление финансами может приносить и чистый, явный дополнительный доход за счет использования «чужих» капиталов, минимизации рисков, грамотного распределения инвестиционного портфеля, получения большей прибыли от умелого оперирования на рынках различных финансовых активов и т. д. Технологические приемы, которые использует финансовый менеджмент, достаточно хорошо известны и описаны. К ним следует отнести эффект финансового рычага, эффект операционного рычага, комплексное управление текущими активами и текущими пассивами, выбор инвестиционного проекта и выработку финансовой стратегии.

Алгоритм соотношения результата от использования ресурса с затратами на него действует и в отношении финансового менеджмента.

Стоит специально отметить, что возможности эффективного использования данного ресурса далеко не исчерпаны. Экономическая наука продолжает открывать новые способы упорядочивания финансов, распределения активов в инвестиционном портфеле компании и т. д. Достаточно вспомнить о Нобелевских премиях в области экономики. За 1990-е годы по крайней мере дважды эти самые престижные премии присваивались за работы в области финансов (управления финансами).

Список специфических менеджерских ресурсов завершает *сама структура фирмы*, которая в последнее время становится объектом постоянного управления. Причину этого следует искать в переходе от жестких структур организации к гибким. Напрямую можно утверждать, что ресурс «*потенциал бюрократической организации*» во многом исчерпан и уже не обеспечивает прироста эффективности функционирования фирмы.

Гибкая структура организации, переход к новой единице построения организаций специально не рассматривается в данной статье. Сейчас нас интересует вопрос: насколько все-таки управление структурой компании является ресурсом, обеспечивающим рост эффективности функционирования организации? Для ответа на него мы должны выявить: где в этом случае появляются дополнительные доходы (результат), а где – источники дополнительных издержек.

Начнем с первого.

Рационализация структуры позволяет снижать общие затраты, связанные с деятельностью фирмы, то есть получать дополнительные доходы. Здесь и экономия на транзакционных издержках, как внешних, так и внутренних, и сокращение численности персонала, и уменьшение количества уровней управления, и прочее. Кроме того, рациональная структура позволяет быстрее осваивать производство новых товаров, приводит к росту производительности труда в сфере непосредственного производства, к повышению мотивации персонала, мобилизации творческого потенциала работников и т. д.

На стороне затрат от использования собственно структуры как объекта управления следует отметить дополнительные издержки, связанные с гибкостью структуры и ее постоянной «поднастройкой» к изменяющимся внутренним и внешним условиям хозяйствования. Такие затраты фирма может нести только с уверенностью покрытия их доходами от управления структурой и только в том случае, если имеется достоверная информация о внутренней среде и адекватная – о внешней среде организации. В свою очередь, получение информации – также элемент дополнительных, причем значительных, издержек.

Следовательно, управление структурой организации может быть эффективным, если в результате будут покрыты все перечисленные дополнительные затраты. Их величина значительна, поэтому и эффект от применения гибких структур организации, и переход к иной единице их построения должны быть соответствующими. Ниже мы увидим, что в ряде случаев это становится реальностью. При рассмотрении реинжиниринга, использования реинжиниринговых технологий для эволюционной перестройки внутрифирменной структуры, сетизации и аутсорсинга речь может идти о вероятности достижения значительного «чистого» эффекта от управления структурой организации.

Такая вероятность, конечно, будет меньше единицы, но она и не будет близкой к нулю. Следовательно, данный менеджерский ресурс становится реальностью современного менеджмента и может привести к росту общей эффективности функционирования организаций.

Еще одна важная сторона рассматриваемой проблемы – *ответственность менеджмента (менеджеров)* за функционирование организации. Истоков такой ответственности можно выделить по крайней мере два. Первый – профессиональная этика менеджеров. Критерий профессионализма – эффективное функционирование фирмы. Следовательно, ответственность становится важной профессиональной характеристикой любого менеджера. Второй – необходимость сочетания интересов всех экономических субъектов, связанных с фирмой. В этом случае появляется возможность свести к минимуму потери от оппортунистического поведения

в рамках организации и тем самым также способствовать росту эффективности функционирования фирмы.

Пожалуй, *ответственность менеджмента (менеджера)* – это единственный менеджерский ресурс, который не может быть отнесен к исчерпываемым, а кроме того, он может стать еще и реальным средством, повышающим эффективность функционирования фирмы.

Можно ли сформулировать некие правила, которые дают возможность с положительным эффектом для организации пользоваться специфическими менеджерскими ресурсами? Вероятно, да, если мы сможем определить те факторы (причины, условия), которые влияют на данную ситуацию.

Прежде всего, это размер фирмы (размер основного капитала, количество занятых работников, объем производства, доля рынка, величина рыночного сегмента, занимаемого в настоящее время, и прочее). В конечном итоге – это возможности, которыми располагает фирма. *Чем они больше, тем больше и возможности эффективно использовать специфические менеджерские ресурсы (и наоборот)*. Это – правило № 1.

Во-вторых, это состояние внешней среды (мера неопределенности, степень риска для экономических субъектов), которое самым непосредственным образом влияет на соотношение «результат – затраты» применительно к специфическим менеджерским ресурсам. *Чем неопределеннее внешняя среда и чем больше риск для экономических субъектов, который она порождает, тем ниже эффективность использования специфических менеджерских ресурсов (и наоборот)*. Это – правило № 2.

Третье обстоятельство, которое необходимо учитывать в данном случае, – это мера независимости экономического субъекта в принятии решений (степень его суверенитета на рынке). Поэтому правило № 3 будет звучать следующим образом: *чем самостоятельнее экономический субъект в своих действиях на рынке (при принятии решений), тем с большим положительным эффектом он может использовать специфические менеджерские ресурсы (и наоборот)*.

Еще один очень важный момент связан с самими специфическими менеджерскими ресурсами. Заметим, что нормирование, рационализация, использование потенциала бюрократической организации, мотивация и, наконец, управление собственно структурой – это ресурсы, связанные преимущественно с состоянием внутренней среды фирмы, параметры которой во многом определяются менеджерами компании. Стратегия, маркетинг, управление финансами – с состоянием внешней среды фирмы, параметры которой менеджеры, в лучшем случае, могут только учитывать.

Отсюда можно вывести еще одно правило. *Фирма в состоянии использовать с высокой вероятностью получения конечного эффекта та-*

кие специфические менеджерские ресурсы, как нормирование, рационализация, бюрократическая организация, мотивация, управление собственнo структурой фирмы. Применение же стратегии, маркетинга, управления финансами дает конечный эффект с меньшей вероятностью. Это – правило № 4.

Заданные этими правилами рамки дают возможность фирме принимать конкретное решение об использовании того или иного специфического менеджерского ресурса или их совокупности.

Очевидно, что максимальный эффект может быть получен капиталами-монополиями, которые вписываются во все рассматриваемые ограничения. С другой стороны, мелкие предприятия, субподрядчики, работающие на основе франчайзинговых и иных отношений, имеют меньше возможностей для использования специфических менеджерских ресурсов.

Что касается тех специфических менеджерских ресурсов, которые связаны с внутренней средой организации, то, вероятно, принципиальных различий в их использовании между крупными независимыми и мелкими зависимыми компаниями (фирмами) не так уж и много. Возможно, ими даже можно пренебречь.

Для нас наиболее интересными являются два из описанных специфических ресурсов – потенциал бюрократической организации и управление собственнo структурой компании (фирмы). Несмотря на известные возможности крупных капиталов-монополий по сравнению с небольшими фирмами, и те, и другие в одинаковой степени могут с положительным конечным эффектом использовать преимущества упорядоченности элементов организации потому, что они являются элементами внутренней среды организации.

Скажем несколько слов о специфике российских фирм в использовании упомянутых менеджерских ресурсов. Здесь нам могут помочь сформулированные выше правила.

Прежде всего, для российских компаний актуально использование таких специфических менеджерских ресурсов, которые фактически лежат на поверхности, – нормирование и рационализация (организация элементарного учета). Наведение надлежащего порядка на производстве и в фирме в целом сулит большой эффект и даст значительный прирост производительности тру-

да. Здесь можно привести любопытный пример из реальной российской действительности.

Зарубежный консультант столкнулся на одном российском предприятии со специфическим поведением персонала на складе. Люди что-то куда-то передвигали, при этом постоянно смотря вверх. Выяснилось, что причина этому – дырка в потолке. На вопрос: почему бы ее не заделать? – последовал ответ об отсутствии на это средств. Западный консультант нашел «гениальное» решение. Он посоветовал навести элементарный порядок на складе. После этого нашлись не только средства на ремонт крыши, но еще и осталось на разрешение других, столь же «неподъемных» до этого, проблем [4; 41].

Резервы роста производительности труда, снижения издержек на российских предприятиях огромны. Мобилизация специфического менеджерского ресурса – нормирования и рационализации – позволила бы зримо повысить эффективность функционирования фирмы.

Столь же легкоиспользуемым, причем в связке с указанным выше источником, на российских предприятиях является другой менеджерский ресурс – мотивация. Можно считать доказанным тезис о том, что современным российским компаниям не хватает идеологии (мотивация персонала – одна из важнейших ее составляющих).

Сложнее обстоит дело с мобилизацией такого ресурса, как структура, причем и в виде бюрократической организации, и в виде управления собственнo структурой. Тем не менее и он может быть задействован с позитивным для российской фирмы эффектом (выстраивание бюрократических организаций на основе рационализации управленческого труда, построение сетей, аутсорсинговых систем и прочих устойчивых неформальных форм бытия российских бизнес-структур).

Практически сложно использовать те менеджерские ресурсы, зависящие в большей степени от состояния внешней среды, которое в нашей стране и рискованно, и неопределенно. Это – маркетинг, стратегия и управление финансами.

В целом, как нам представляется, российские фирмы должны суметь мобилизовать менеджерские ресурсы, которые лежат на поверхности и могут дать заметный прирост эффективности функционирования предприятия и повышения конкурентоспособности российского бизнеса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тезис о соотношении (сопоставлении) результата и затрат используется в качестве универсального принципа выделения экономических организаций. Сам факт отнесения организаций к экономическим представляется важным, но не единственным условием анализа рынка, контрактной системы и внутрифирменной иерархии. Необходима конкретизация основных тезисов и положений в связи с развитием организаций. Иначе наш анализ будет только статическим, но в действительности организации находятся в непрерывном движении, переходах в новое состояние, взаимоотношениях друг с другом и т. д. (Подробнее см.: [1; 194–208].)

² Фирма, по нашему мнению, не тождественна понятию предприятия, юридического лица. Она – шире, так как включает в себя не только отношения внутрифирменной иерархии, но и контрактные отношения, отношения аутсорсинга и другие, создающие феномен фирмы как совокупности предприятий и юридических лиц, связанных в единое целое капиталом, контрактами, стратегией и ее реализацией. Для фирмы принципиальным становятся отношения треугольника «собственность – контроль – управление». (Подробнее см.: [1; 43–49].)

³ Под менеджментом нами понимается способ упорядочивания экономической организации, осуществляемый *наемными профессиональными управляющими в условиях отделения управления от собственности и контроля* (существует треугольник «собственность – контроль – управление», см. выше).

⁴ Заметим, что стоит выделять два типа малых предприятий: одни хозяйствуют на свой страх и риск (они неустойчивы, легко создаются и исчезают), другие, будучи формально юридически самостоятельными, реально являются частью («колесиком и винтиком») крупных и сверхкрупных фирм, устойчивость которых предопределяет и сроки, и формы их функционирования. Такое малое предприятие получает гарантии своего функционирования от крупного капитала за счет передачи последнему части своего суверенитета. Эта специфическая форма существования их транзакционных издержек, как нам представляется, дает возможность выделения, помимо известных форм экономической организации (рынок, контрактная система, иерархия), еще одной – нерыночной – формы организации в рамках рыночных систем.

⁵ Представляется, что простая капиталистическая кооперация, разделение труда и их использование на базе трехзвенной системы машин – это специфические управленческие ресурсы, которые давали возможность повысить эффективность функционирования экономических организаций. Кооперация позволяла использовать комбинированную рабочую силу, разделение труда – более высокую производительность труда отдельных работников, *объединенных в единое целое*. Заметим, что эти ресурсы – *исчерпываемы*. Именно поэтому на определенном этапе развития производительных сил мы приходим к необходимости отказа от бюрократической организации в пользу координации бизнес-процессов.

⁶ По нашему мнению, помимо трех форм экономической организации: рынок, контрактная система, фирма (иерархия), существует еще и нерыночная форма экономической организации в рамках рыночных систем. Это специфическая форма защиты транзакции, когда юридическое соглашение заключается формально (юридически) равными, а реально – неравными участниками рынка (сделка между крупной и малой компаниями в форме франчайзинговой, субподряда и прочее).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулов В., Рудаков М. Теория организации. 2-е изд. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 316 с.
2. Акулов В. Финансовый менеджмент. 3-е изд. М.: Флинта, 2007. 263 с.
3. Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука: В 2 т. М.: Наука, 1989.
4. Краснова В., Хорошавина Н. Организация конвейера по системе Станиславского // Эксперт. 1996. № 46. С. 41–45.
5. Мильнер Б. Уроки бюрократической системы управления // Вопросы экономики. 1999. № 1. С. 82–85.
6. Паркинсон С. Законы Паркинсона. М.: Прогресс, 1989. 387 с.
7. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация: Пер. с англ. СПб.: Лениздат, 1996. 702 с.

ПЕТР МЕФОДЬЕВИЧ ЗАЙКОВ

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карельского и вепсского языков факультета прибалтийско-финской филологии и культуры ПетрГУ

Рец. на кн.: Словарь карельского языка: В 6 т. «Karjalan kielen sanakirja». – Helsinki, 1968–2005.

В 2005 году в Финляндии был опубликован последний – шестой – том «Словаря карельского языка» («Karjalan kielen sanakirja»). Публикация этого во многом уникального и самого большого диалектного словаря карельского языка стала заметным явлением в культурной жизни как Финляндии, так Республики Карелия. Общий объем названного словаря составляет более четырех тысяч страниц и включает в себя материалы по собственно-карельскому и ливвиковскому наречиям карельского языка. Людиновское наречие остается за его пределами как в силу того, что финляндские ученые не считают его относящимся к карельскому языку, так и в силу того, что в 1944 году был издан «Словарь людиновских диалектов», составителем которого был Юхо Куела («Juho Kujola Lyydiläismurteiden sanakirja»).

Словарь карельского языка составлен на основе тех материалов, которые находились в архивах Общества финской литературы (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura), в Словарном фонде (Karjalan kielensäätiö) и в архивах Словаря карельского языка («Karjalan kielen sanakirja»). В словарь вошли материалы лингвистов, которые в разные годы совершали поездки в Карелию с целью сбора языкового и фольклорного материала. Первым и самым известным для своего времени исследователем карельского языка был Арвид Генетц (Arvid Genetz), который собирал лингвистический материал в Карелии в период с 1867 по 1872 год. Он побывал почти во всех крупных населен-

ных пунктах компактного проживания карел и опубликовал замечательные исследования «Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä» («Исследование по языку русской Карелии») (1880) и «Tutkimus Aunuksen kielestä» («Исследование по языку Олонецких карел») (1884), которые структурно построены одинаково. Книги начинаются небольшим введением, где рассказывается о поездках, затем следуют тексты на карельском языке и словарь объемом около ста страниц. Грамматические описания структурно одинаковые: фонетика и морфология с таблицами именного и глагольного словоизменения.

Лексика тверских и новгородских карел представлена материалами Теодора Швиндта (Theodor Schvindt), которые он собрал в семи карельских деревнях в 1882 году (около 5000 слов с примерами). В 1890-х годах лексический материал по карельскому языку собирал К. Ф. Карьялайнен (K. F. Karjalainen) в Северной и Тверской Карелии. Результатом его поездок явился лексикон объемом около 10 000 единиц, а также некоторое количество образцов речи. Будучи по происхождению карелом, прекрасно владевший русским языком, Юхо Куела (Juho Kujolalla) собрал бесценный материал по тверским, новгородским и тихвинским говорам (около 20 000 лексем). Е. В. Ахтия (E. V. Ahtia), который родился в шведскоязычной семье, заинтересовался карельским языком, обучаясь в Выборге. В 1898 году он отправился на Соловецкие острова и по

пути знакомился с карельскими деревнями и карельским языком. Первые свои записи он сделал в Суоярви, затем в Неккула-Риипушкала и в Сямозере. Ахтия собирал материал вплоть до 1951 года. Сямозерский куст представлен 160 000 карточек, а Неккула-Риипушкальский – 35 000 карточек. Значительный материал по северно-карельским диалектам собрал Йиво (Иван) Марттинен (Iivo Marttinen). В 1892–1932 годах он отправил в Общество финской литературы записи по этнографии и традиционной культуре, касающиеся строительства, ремесел, одежды и обуви, праздников, а также сказки, поверья, пословицы, поговорки и загадки. В целом собранный им материал составил 2 240 карточек.

После Первой мировой войны материал по карельскому языку записывался у беженцев, перебравшихся в Финляндию. Позже, в 1920–1930-е годы, карельский язык собирали стипендиаты Общества финской литературы Николай Кирикки (Nikolai Kiirikki), Микко Конту (Mikko Kontu), Эйно Лескинен (Eino Leskinen), Тауво Лильеблад (Tauvo Liljeblad), Мико Мелку (Miko Melku), Р. Е. Нирви (R. E. Nirvi), Юрьо Пирхонен (Yrjö Pirhonen), Ханнес Пукки (Hannes Pukki) и Аймо Турунен (Aimo Turunen). Во время Второй мировой войны Хельми Хельминен (Helmi Helminen) собирала этнографический материал в Реболах, Ругозере, Поросозере, Мян-дусельге, Тулмозере и Ведлзере. Аулис Ояярви (Aulis Ojajärvi) исследовала язык д. Сельги, а после войны также собирала диалектный материал у паданских и поросозерских беженцев. Она оставила в архиве около полутора тысяч карточек. Северно-карельские диалекты в послевоенный период начали исследовать в 1956 году, когда житель деревни Аконлахти Вилхо Юриноя (Vilho Jurinoja) предоставил в архив две с половиной тысячи лингвистических карточек. Чрезвычайно плодотворно диалекты карельского языка собирал академик Пертти Виртаранта (Pertti Virtaranta) вместе со своей женой Хельми (Helmi Virtaranta). Первые свои поездки в карельские деревни они совершили в 1957 году. В результате поездок были опубликованы книги по фольклору и этнографии карел. Многим известны такие книги, как «Vienan kansa muistelee», «Kultarengas korvaan», «Kauas läksit karjalainen», «Kynällä kylmällä – kädellä lämpimällä», «Karjalan kieltä ja kansankulttuuria» и другие.

Работу над словарем карельского языка предполагалось начать в конце XIX века, тем не менее практически к ней приступили лишь в 1930-е годы. Тогда Эйно Лескинен был утвержден в качестве его главного редактора. Он сам лично собирал материал и организовал работу по сбору лексического материала из опубликованных источников. По всей Финляндии собирали, проверяли и искали новые слова из всех опубликованных работ, а также организовывали конкурсы на лучшие собранные материалы. В то время корпус будущего словаря был удвоен

и достиг почти полумиллиона карточек. Э. Лескинен начал работу над словарем в 1933 году. В течение четырех лет он составил словарные статьи на букву «а». Но по разным причинам работа над словарем была приостановлена.

Работа по составлению словаря возобновилась в 1955 году. Тогда создали редакцию, главным редактором которой стал Пертти Виртаранта, редакторами – Эско Иммонен, Хейкки Лескинен (Heikki Leskinen) и Хельми Виртаранта. Позже к работе над словарем подключились Матти Есканен (Matti Jeskanen), Ээро Кивиниеми (Eero Kiviniemi), Райя Копонен (Raija Koponen), Марья Торикка (Marja Torikka), Тапани Лехтинен (Tapani Lehtinen), Матти Пякконен (Matti Pääkkönen), Тауно Сярккя (Tauno Särkkä), Пиркко Поутанен (Pirkko Poutanen), Лена Йоки (Leena Joki). Первый том Словаря карельского языка был издан в 1968 году, второй – в 1974, третий – в 1982, четвертый – в 1993, пятый – в 1997, и последний, шестой, том – в 2005 году. Работа над тремя последними томами велась Райей Копонен, Марьей Торикка и Леной Йоки.

В этом словаре представлен материал, который собирался в течение ста лет. Составители, конечно же, не смогли использовать весь собранный материал, часть его осталась за пределами. Длинные примеры были укорочены, были исключены также такие примеры, из которых не выявлялось значение слова. В определенной мере не использовались достаточно поздние русские и финские заимствования, оставались те, которые глубоко вошли в карельский язык и адаптировались по его законам. Словарь предназначался, прежде всего, для ученых, тем не менее составители стремились записывать слова в том виде, который был бы удобочитаемым и для неспециалистов. По этой причине всякого рода диалектные фонетические тонкости не были учтены. Так, например, ливвиковский полугласный *w* был заменен на гласный *i* или *u*, например, *pywdeä* > *pyydeä*, *andaw* > *andau*, *pidäw* > *pidäy*.

Наибольшая сложность, с которой столкнулись составители, заключалась в подаче начальной формы слова. Языковое гнездо начинается в той форме, которая используется в северно-карельских диалектах (Вокнаволоок, Ухта, Кестеньга), после чего слово переводится на финский литературный язык. Затем оно приводится в различных диалектных формах собственно-карельского наречия, после чего идут диалектные формы ливвиковского наречия. Исторически долгие **aa*, **ää* представлены дифтонгами *oa*, *eä*, хотя в настоящее время в северно-карельских диалектах обобщились дифтонги *ua*, *iä*. Так, например, современные *uatra*, *uallokas*, *muamo*, *ruatua*, *iäni*, *siä*, *viärä* надо искать как *oatra*, *oallokas*, *moamo*, *roatoa*, *eäni*, *seä*, *veärä*. В весьегонском, валдайском и тихвинском диалектах выступает гласный среднего ряда *i*, главным образом в дифтонгах, например *miamo*, *hiaba*,

riadia, miata, viipuska, viigonkka. Значительной проблемой для составителей словаря было обозначение аффрикаты *č*, так как разные собиратели обозначали ее по-разному. Так, Генетц и Марттинен обозначали ее в виде монофонемы, как и в современных грамматиках карельского языка. Другие же собиратели обозначали ее бифонемой *tš*. Монофонемное решение с позиции фонологии карельского языка является верным, поскольку эта аффриката имеет те же релевантные признаки, что и другие согласные. Во-первых, она выступает в начале слова, как и другие одиночные согласные, например *čuuru, čuipottua, čakari, čakka*. В карельском языке слова собственного происхождения не начинаются сочетанием двух согласных. Во-вторых, аффриката *č* принимает участие в квантитативных чередованиях согласных, как и другие взрывные *k, t, p*, а именно, *čč: č, esim. meččä – mačät* «лес – леса», *kučču – kučun* «зовет – зову». И, наконец, аффриката *č* произносится как единое согласное и не делится на два звука. В свою очередь, *dž* следует классифицировать как бифонемное образование, поскольку оно не отвечает вышеназванным критериям. На мой взгляд, бифонемное решение словаря относительно этого сочетания согласных является вполне правомерным. Отметим, что и в современной орфографии карельского языка (ливвиковское и людиковское наречия) пришли к такому же решению, хотя ранее это сочетание двух согласных трактовалось аффрикатой и обозначалось особым знаком.

Мягкие согласные отмечаются знаком смягчения, например *il'l'anpäivä, myöt'en, n'el'l'ä*. Лексемы, в которых начальный согласный *d'* находился в отношениях свободного варьирова-

ния с *j*, необходимо искать на месте последнего. Так, например, южно-карельские формы *d'o, d'uuri, d'ärvi, d'ogi* надо искать на месте *jo, juuri, järvi, joki*. Инфинитивные формы одноосновных глаголов в современных северно-карельских диалектах, которые оканчиваются в настоящее время на дифтонг *ua, yä* (*ottua, hammastua, heittyä, syöttyä*), представлены формами *ottoa, hammastoa, heitteä, syötteä*. Слова с суффиксами *-ja, -jä, -ju, -jy, -i* имеют пометку существительного и прилагательного. Когда слово употребляется самостоятельно, оно считается существительным, например *višalla pidäis heittäjyä andua, toittši muistais kuin ikkunoihi heitetäh* (KKS I, 208), *ennein koiralta kusi loppuu kun juojalta viina* (KKS I, 528). В тех же случаях, когда оно употребляется в качестве определения, оно считается прилагательным, например *liikkujad miehed ollah* (KKS III, 99), *heittäi kana* (KKS I, 208), *se on juoju mužikku* (KKS I, 528). С данной интерпретацией, однако, никак нельзя согласиться. Достаточно напомнить, что если бы эти формы в качестве определения были прилагательными, то они имели бы формы сравнения, однако они таковых не имеют и уже по этой причине их следует считать активными 1 причастиями, которые имеют признаки прилагательного и глагола.

Несмотря на высказанные выше замечания, *Karjalan kielen sanakirja* составлен тщательно. Читатель найдет в нем значения представленных слов с примерами, отражающими жизнь и быт карельского крестьянина. Нам остается только поблагодарить всех тех, кто работал над этим словарем и предоставлял для него материал. Названный словарь является бесценным памятником карельской культуры и карельского языка.

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ ЯКОВЛЕВ

доктор философских наук, профессор, г. Москва

ОТВЕТ КРИТИКУ

От редакции. В журнале «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» (Серия «Общественные и гуманитарные науки». № 2 (93). Август, 2008. С. 103–105) была опубликована рецензия В. М. Пивоева на книги А. И. Яковлева «Энергетическая природа сознания» и «Материальность сознания». Редакция получила письмо от автора книг, и мы публикуем его мнение.

В «Ученых записках Петрозаводского государственного университета» (№ 2 (93). Август, 2008. Серия: «Общественные и гуманитарные науки») помещена рецензия доктора философских наук, профессора В. М. Пивоева на мои книги «Энергетическая природа сознания» и «Материальность сознания».

Рецензия в целом отрицательная. Для меня подобные факты не являются неожиданными. Еще готовя книги к изданию, я предполагал, что они вызовут у многих философов критическое восприятие: над ними на протяжении двух с лишним тысяч лет (со времен Платона) довлеет стереотип идеального. Сам Платон к концу жизни к своему учению об идеях относился уже далеко неоднозначно, серьезно пересмотрев представления о сознании. В своем труде «Государство» (кн. 6) он сформулировал такое ранжирование познания: «...на высшей ступени – разум, на второй – рассудок, третье место уделит вере, а последнее уподоблению» [6, 511e]. Не отказываясь от учения об идеях, он выделяет такой вид познания, как *умопостигаемое*. Оно возникает двумя путями: в одном случае опираясь на предпосыл-

ки, то есть ощущения, в другом случае – только на данные собственного разума [6; 511 a, b, c, d]. Эти глубокие суждения основоположника идеализма современные философы или не замечают, или дают им превратные толкования.

В. М. Пивоев никак не может согласиться, что идеальное (как гносеологическая категория) не существует, пытаясь обосновать ее содержание, как ни странно, материалистическими признаками (ошибка многих философов): «...энергия, информация, внеказуальность, внепространственность, вневременность (см. [5; 104])»; «...сознание имеет не вещественный, а *полевой* характер...». Характер поля образует «информационно-энергетическая волна. Энерго-информационные волны пульсируют в поле космоса и в голове человека. Волну характеризуют: амплитуда, высота, глубина, широта, скорость, интенсивность и экстенсивность (спрашивается, где здесь идеальное? – А. Я.). Человеческое сознание является формой проявления духовной субстанции, оно использует биохимические и электрические процессы мозга как материал для реализации своих функций» [5; 104].

Естествоиспытатели давно признали энергию, информацию материальными формами бытия. Что касается внепространственности, вневременности сознания – то это что-то, находящееся вне логики. Сознание не может быть вне времени и пространства. Этот факт настолько очевиден, что не нуждается в каких-либо доказательствах.

В. М. Пивоев предлагает осмысливать материальное «не в сопоставлении с идеальным (...гораздо разумнее сопоставлять идеальное с реальным, соответственно, – субъективное с объективным), а с духовным» [5; 104]. «...Сознание гораздо плодотворнее рассматривать как волновое и полевое проявление духовной субстанции...» [5; 104]. Возникают вопросы: 1) Чем реальное отличается от идеального? Идеальное тоже реально. Как сравнивать предмет с самим собой? 2) Что такое «духовная субстанция»? В философии под субстанцией понимается нечто самостоятельное, существующее само собой. Получается – мысль, идея, теория, понятие, музыка, молитва и т. п. существуют сами по себе, самостоятельно. А человек здесь ни при чем? 3) Субъективное и объективное могут быть одновременно и идеальным, и материальным. Из двух человек каждый – материальное тело, но каждый и субъект сознания. Отделить объективное от субъективного в этом случае невозможно.

О ссылке на А. Бергсона: «...наш мозг не является ни творцом, ни хранителем нашего представления; он его просто ограничивает, с тем чтобы сделать его действующим. Это орган *внимания к жизни*» [1; 343]. В. М. Пивоев повторяет грубую ошибку Э. В. Ильенкова, совершенную им в 60-х годах XX века: сознание «рождается

и существует *вне мозга* (выделено мною. – А. Я.), а с помощью головы...» (см. [4; 221]).

Критик ставит под сомнение материальность энергии [5; 104], принцип измеримости сознания [5; 104]. Сознание, по его мнению, обладает временными характеристиками, а язык – пространственными. Сознание эмоционально, иррационально, а слова – рациональны. Пивоев настойчиво проводит мысль, что материалисты *верят* в материализм [5; 104]. В некоторых случаях критик искажает мысли автора (он утверждает, что автор «выбрасывает субъект из сферы сознания», «отрывает информацию от сознания» (но см. [9; гл. 3; 119–125]).

Мне представляется, основная ошибка критических заключений В. М. Пивоева состоит в том, что он *некритически* использует идеалистические взгляды западных философов и не обращает внимания на материалистические взгляды крупнейших русских мыслителей, прямо выводящих сознание из материи, рассматривающих сознание как вершину материальных процессов. Мимо его внимания прошли глубочайшие положения А. И. Герцена [3; т. 2; 122–123], В. И. Вернадского [2; 306, 312–313, 315], В. С. Соловьева [6; 24–25] и др.

Рецензент не обращает внимания на многочисленные данные (широко приведенные, кстати, в моих книгах) зарубежных и отечественных испытателей, исследующих мозг как орган сознания. Но пора осознать, что без естествознания изучение сознания невозможно. В изучении сознания нужен союз естествоиспытателей, философов, социологов, психологов, лингвистов и др. Существующий ныне разрыв между ними тормозит процесс познания сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 2004.
2. Вернадский В. И. О науке. Дубна, 1997.
3. Герцен А. И. Письма об изучении природы // Сочинения: В 8 т. Т. 2. М., 1990.
4. Ильенков Э. В. Идеальное // Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 2. М., 1962.
5. Пивоев В. М. Рец. на кн.: Яковлев А. И. Энергетическая природа сознания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер: Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 2 (93). С. 103–105.
6. Платон. Государство // Сочинения: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. Кн. 6. М., 1968.
7. Соловьев В. С. Организация добра // Сочинения: В 2 т. Т. 1.
8. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3 (1). М., 2001.
9. Яковлев А. И. Материальность сознания. М., 2008.

ПАМЯТИ МАРТТИ ЭСАЕВИЧА КУУСИНЕНА (К 80-летию со дня рождения)

М. Э. Куусинен известен в Петрозаводске как лексикограф, автор востребованных русско-финских и финско-русских словарей, а также как замечательный педагог, лекции которого вспоминают с благодарностью сотни выпускников отделения финского языка историко-филологического факультета (ныне факультет прибалтийско-финского языка и культуры).

Мартти Эсаевич Куусинен родился 13 октября 1928 года в Ленинграде. В Петрозаводск его семья переехала в 1931 году. Отец Эса Оттович Куусинен работал в Петрозаводске редактором Карело-Финского государственного издательства, мать Тайна Петровна Мустонен работала учителем в школе, затем редактором Карельского радиокомитета. В сентябре 1937 года были арестованы родители Мартти Эсаевича. Мать была расстреляна уже в феврале 1938 года (как впоследствии выяснилось), была реабилитирована в 1956 году. Отец Эса Оттович в 1939 году вернулся домой. Умер он в 1949 году.

В Петрозаводске Мартти Эсаевич пошел в школу и успел закончить до войны 5 классов. Во время Великой Отечественной войны с 1941 года он вместе с бабушкой находился в эвакуации в Башкирии, недалеко от Уфы. Там в селе Кушнаренково он окончил восьмой класс средней школы. Из Башкирии в 1943 году они вернулись в Карелию. В 1946 году Мартти Эсаевич закончил среднюю школу и поступил в Петрозаводский университет (в то время Карело-Финский государственный университет) на отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета. В 1948 году перешел на отделение финно-угорской филологии, которое было основано в 1947 году. В годы учебы в университете Мартти Эсаевич работал диктором на Карельском радио. Учился Мартти Эсаевич на одном курсе с будущими известными литературоведами Э. Г. Карху и А. А. Мантере. Они были первыми выпускниками нового отделения. Этому курсу посчастливилось слушать лекции выдающегося языковеда, члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха. М. Э. Куусинен окончил университет в 1951 году. В том же году Мартти Эсаевич поступил в аспирантуру Карело-Финского филиала АН СССР, учился в аспирантуре при Тартуском госуниверситете, его научным руководителем был известный лингвист, полиглот, впоследствии академик, легенда Тартуского университета Пауль Аристэ. В 1954 году по завершении срока очной аспирантуры М. Э. Куусинен был принят на работу в Институт языка, ли-

тературы и истории Карельского филиала АН СССР и в этом же году в Москве защитил кандидатскую диссертацию на тему «Причастия в финском языке». За годы работы в Институте Мартти Эсаевичем были опубликованы статьи по причастиям в финском языке, он принимал также участие в подготовке монографии «Грамматика финского языка. Фонетика и морфология» как соавтор раздела «Имя существительное». Монография вышла в свет в 1958 году в Издательстве АН СССР. Но самая главная работа Мартти Эсаевича в этот период в ИЯЛИ – подготовка большого русско-финского словаря вместе с Х. И. Лехмус, А. И. Флинкман и В. М. Оллыкайнен. До этого наиболее полный русско-финский словарь Пекки Киянена был издан в 1912 году, и, естественно, перед составителями нового словаря стояла сложная и весьма актуальная задача. Словарь был подготовлен авторским коллективом и опубликован в 1963 году в Москве в Государственном издательстве иностранных и национальных словарей под редакцией М. Э. Куусинена и В. М. Оллыкайнен. В 1972 году словарь был переиздан в Финляндии в издательстве «Werner Södeström», после этого много раз переиздавался и в Москве, и в Финляндии и был очень востребован вплоть до 1997 года, когда вышел новый словарь. В 1962 году Мартти Эсаевич работал в качестве переводчика на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки.

В сентябре 1963 года М. Э. Куусинен был избран по конкурсу в Петрозаводский государственный университет на должность доцента кафедры финского языка и литературы, где он преподавал до 1977 года. Один учебный год из этого периода Мартти Эсаевич проработал в Финляндии в университете г. Тампере преподавателем русского языка. В Петрозаводском государственном университете Мартти Эсаевич вел курсы: грамматика финского языка, практические занятия по современному финскому языку, историческая фонетика и историческая грамматика финского языка. Без преувеличения можно сказать, что Мартти Эсаевич оставил добрый след в памяти всех выпускников отделе-

ния финского языка и литературы, он обладал бесспорным авторитетом и среди студентов, и среди преподавателей. Материал по своим сложным курсам он старался довести до студентов максимально четко и логично: пригодилась, вероятно, работа на радио. Мартти Эсаевич был прекрасным лектором, у него был безукоризненно корректный финский язык, замечательная дикция. Впоследствии его лекции были опубликованы двумя книжками («Очерки истории финского языка»: В 2 ч. 1977–1978). При всей строгости внешнего облика и большой требовательности к себе, к уровню и качеству подготовки лекций М. Э. Куусинен доброжелательно относился к студентам. Его широкие познания в области прибалтийско-финского и финно-угорского языкознания, а также просто добросовестное отношение к работе проявлялись как в процессе занятий, так и во время руководства курсовыми и дипломными работами и при написании добротных, квалифицированных рецензий на дипломные работы. В течение многих лет Мартти Эсаевич руководил студенческим научным кружком. За годы работы в университете им подготовлено и издано несколько учебных пособий для студентов. В это время М. Э. Куусинен принимал участие и в работе международных конгрессов и симпозиумов (1972, 1975).

В октябре 1977 года М. Э. Куусинен вернулся в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, был избран на должность старшего научного сотрудника. Вернулся потому, что назрела необходимость в обновлении «Русско-финского словаря» 1963 года и встал вопрос об исполнителях этой работы. Вначале предполагалась работа редакционного характера, исправление неточностей, включение в корпус словаря новых слов и словосочетаний. Но опыт уже первого года работы показал, что словарь нуждается в больших изменениях и исправлениях, чем ожидалось, что работа предстоит в большей степени составительская, авторская. Наряду с подготовительной работой по новому русско-финскому словарю, Мартти Эсаевичем велась работа по еще одной теме «Учебный финско-русский словарь», которая была включена в план работы по просьбе Министерства просвещения республики. Этот словарь, рассчитанный, прежде всего, на учеников старших классов и студентов университета, был подготовлен им и вышел из печати в 1981 году в Петрозаводске в издательстве «Карелия». Позже он переиздавался неоднократно.

Работу над «Новым большим русско-финским словарем» Мартти Эсаевич начинал один. В соответствии с Соглашением о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Академией Финляндии от 15 мая 1980 года тема стала международной. С финской стороны к работе присоединился Университет г. Йёнсуу (исполнитель – магистр философии Матти Есканен). С 1982 года над темой стала работать

старший научный сотрудник ИЯЛИ В. М. Оллыкайнен, с 1983 года – Ю. Э. Сюръялайнен (Коппалева), автор данной статьи. Очень важным для меня как для начинающего лексикографа было знать, что с любым вопросом я могу обратиться к Мартти Эсаевичу и всегда получу четкий компетентный ответ. В совместной работе важны были также человеческие качества Мартти Эсаевича – его деликатность, неконфликтность.

Результатом многолетнего труда авторского коллектива стал «Большой русско-финский словарь» (90 тыс. слов и фразеологических оборотов). Он был издан в Финляндии издательством «Werner Södeström» в 1997 году, а затем в 1998 году в Москве издательством «Русский язык» (в двух томах). По оценкам специалистов, словарь отличается очень хорошим лексикографическим уровнем. И в этом несомненная большая заслуга М. Э. Куусинена, так как он являлся не только одним из составителей словаря, но руководителем темы и его редактором. Такая многолетняя работа требовала не только знания тонкостей финской и русской лексикографии, но также большого упорства, добросовестности, чувства ответственности и любви к своей работе. Всеми этими качествами в полной мере обладал М. Э. Куусинен.

Несмотря на то что в Институте у Мартти Эсаевича была напряженная работа, в Петрозаводском госуниверситете он продолжал читать курсы лекций: «Современный финский язык», «Введение в финно-угроведение» и «История финского языка», руководить дипломными и курсовыми работами, оппонировать и т. д. Также в это время в соавторстве с В. С. Сухановой М. Э. Куусиненом был подготовлен ряд публикаций по лексике в сравнительном ключе: по сопоставительному изучению русских и финских глаголов движения. Затем также в соавторстве с В. С. Сухановой был составлен «Учебный русско-финский словарь глагольного управления» (М.: Изд-во «Русский язык», 1988), который позже переиздавался в Петрозаводске (в издательстве «Карелия» в 1996 году). Словарь являлся и является востребованным как среди изучающих финский язык, так и среди финнов, изучающих русский язык. Также Мартти Эсаевич принимал активное участие в редактировании и рецензировании научных изданий, неоднократно назначался председателем Государственной экзаменационной комиссии в Петрозаводском госуниверситете. В 1992 году Мартти Эсаевич снова перешел на постоянную работу в университет.

М. Э. Куусинен был награжден медалью «За доблестный труд» (1970), Почетными грамотами Совета Министров КАССР (1988), Министерства просвещения (1980) и др. В 1998 году М. Э. Куусинену было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Карелия».

Мартти Эсаевич Куусинен скончался 30 июля 2001 года в Петрозаводске в возрасте 72 лет.

М. Э. Куусинен был настолько значительной личностью и настолько зримы и востребованы плоды его лексикографической деятельности, что с трудом верится, что его уже семь лет нет с нами. А словарная работа не только по финскому, но и по другим прибалтийско-финским языкам продолжается в Институте языка, литературы и истории, и Маргги Эсаевич является примером для всех лексикографов. Память о М. Э. Куусинене, замечательном ученом, талантливом преподавателе и прекрасном человеке, сохраняют его коллеги и ученики.

ИЗБРАННЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ

М. Э. КУУСИНЕНА

1. Причастия в финском языке: АДК. Петрозаводск, 1954.
2. К вопросу об активных причастиях незаконченного действия в финском языке // Труды Карело-Финского филиала АН СССР. Вып. I. Петрозаводск, 1954. С. 44–59.
3. Имя существительное // Грамматика финского языка. Фонетика и морфология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 43–91. (Соавт.: З. М. Дубровина)
4. Русско-финский словарь / Под ред. М. Э. Куусинена и В. М. Оллыкайнен. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. (Соавт.: Х. И. Лехмус, А. И. Флинкман, В. М. Оллыкайнен)
5. Venäläis-suomalainen suursanakirja. Toim. M. Kuusinen ja V. Ollikainen. Werner Södeström osakeyhtiö. Porvoo-Helsinki, 1972. Переиздание «Русско-финского словаря» 1963 г.
6. Об анализе состава слова в современном финском языке // Материалы II учебно-методической конференции. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1974.
7. Suomen kielen historiaa. I. Historiallista äänne- ja muotooppia. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1977.
8. Suomen kielen harjoituskokoelma. Äänne- ja muotoopillisia harjoituksia. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1977. (Соавт.: М. И. Муллонен)
9. Suomen kielen historiaa. II. Kirjakielen historiaa. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1978.
10. Значения русских глагольных приставок и способы передачи приставочных глаголов в финском языке (на примере приставки за- в глаголах движения) // Вопросы финской филологии: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1979. С. 45–65. (Соавт.: В. С. Суханова)
11. Глаголы *идти* – *ходить* и их эквиваленты в финском языке // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 6. Л.: Наука, 1981. С. 26–31. (Соавт.: В. С. Суханова)
12. Финско-русский словарь. Петрозаводск: Карелия, 1981.
13. Учебный русско-финский словарь глагольного управления / Под ред. М. Э. Куусинена. М.: Русский язык, 1988. (Соавт.: В. С. Суханова)
14. Русско-финский словарь глагольного управления / Под ред. М. Э. Куусинена. Петрозаводск: Карелия, 1996. (Соавт.: В. С. Суханова)
15. Большой русско-финский словарь. Werner Södeström Osakeyhtiö. Хельсинки, 1997. (Соавт.: В. М. Оллыкайнен, Ю. Э. Сюръялайнен)
16. Новый большой русско-финский словарь: В 2 т. М.: Русский язык, 1998. (Соавт.: В. М. Оллыкайнен, Ю. Э. Сюръялайнен)

РЕДАКТИРОВАНИЕ

1. Карху Э. Г. История литературы Финляндии. Л.: Наука, 1979.
2. Вопросы финской филологии: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1979. (Совместно с М. И. Муллонен и В. С. Сухановой)

Ю. Э. КОППАЛЕВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН

ХРОНИКА

■ В год 60-летия Петрозаводского государственного университета в 2000 году на факультете прибалтийско-финской филологии и культуры зародилась традиция проводить ежегодные научные конференции – БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ.

Обсудив план юбилейных мероприятий, было решено посвятить научную конференцию памяти известного ученого, основателя финно-угроведения в СССР и Карелии, первого заведующего кафедрой финно-угроведения Карело-Финского государственного университета, члена-корреспондента АН СССР, профессора Д. В. Бубриха (1890–1949). На юбилейной конференции обсуждались вопросы истории преподавания финского, карельского и вепсского языков в университете, их современное состояние и проблемы, процессы возрождения языков, теоретические аспекты грамматики и лексики. Культурологический аспект был представлен докладами по финляндской литературе, карело-финскому фольклору, музыкальной культуре Карелии. В конференции приняли участие преподаватели и аспиранты ПетрГУ, КГПУ, Петрозаводской консерватории, ученые Карельского научного центра, гости из Москвы и Эстонии. Тогда и определился круг заинтересованных в научном диалоге лиц и актуальных для прибалтийско-финской филологии научных проблем. Для факультета проведение таких конференций в дальнейшем стало очевидной необходимостью. Дело в том, что в 1990-е годы коллективы кафедр пополнились молодыми преподавателями и аспирантами, нашими выпускниками, которые нуждались в повышении научной квалификации и профессионализма. С другой стороны, в это время в республике шло создание и воссоздание новописменных языков (карельского, вепсского), изучались теоретические вопросы грамматики, лексики, в вузе разрабатывались новые лекционные курсы, издавались учебные пособия, учебники и словари. Возникла идея продолжить проведение конференций, прежде всего как школы молодых исследователей. Так конференции стали ежегодными, проводимыми в статусе региональных, всероссийских или международных. В разные годы в них принимали участие специалисты из Республики Коми, Удмуртии, ИМЛИ им. Горького, Санкт-Петербургского университета, учреждений Ленинградской области, коллеги из Финляндии и Эстонии.

Конференции организуются факультетом, но в их проведении самое заинтересованное участие принимают ученые ИЯЛИ КарНЦ РАН. По сложившейся традиции работой секций руководят совместно представители Университета и Института. Круг обсуждаемых на конференциях про-

блем охватывает теоретические вопросы грамматики и лексики новописменных и финского языков, ономастики, развития литератур на финском, карельском и вепсском языках, изучения фольклора, преподавания языков и культур и т. д. Каждая конференция посвящается определенной научной теме. В 2001 году рассматривались проблемы прибалтийско-финских языков и культур, в 2002 году – вопросы прибалтийско-финской филологии. На конференции 2003 года обсуждались теоретические вопросы и проблемы преподавания прибалтийско-финских языков и культур. Следующая конференция была посвящена проблемам исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Доклады были посвящены разработке теоретических вопросов грамматики, топонимии, анализу литературного процесса на наречиях карельского языка, фольклору, а также вопросам языковой политики и методики преподавания. В 2005 году темой конференции были вопросы языковых контактов и ономастики в прибалтийско-финском регионе. В 2006 году была организована Школа молодых исследователей – «Бубриховские чтения» – по проблеме «Новые методы исследования в гуманитарных науках» совместно с ИЯЛИ КарНЦ РАН в рамках международной конференции «Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика».

В 2007 году финно-угорское отделение отмечало 60-летие. Этому были приурочены международная конференция «Проблемы функционирования и контактирования языков и культур прибалтийско-финских народов» и международный семинар для учителей национальных языков по использованию новых технологий в преподавании и новым концепциям учебников. В работе конференции и семинара приняли участие представители Лингвистического архива Финляндии, Центра международной мобильности СИМО, Центрального Союза работников образования губернии Северная Карелия (Финляндия), ученые, преподаватели вузов, учителя финских и карельских школ.

Памяти нашего коллеги, преподавателя и исследователя, известного не только в России, но и далеко за ее пределами, прекрасного лексикографа, автора академических, специальных и учебных русско-финских словарей Мартти Эсаевича Куусинена (1928–2001) была посвящена конференция этого года «Вопросы лексикологии и лексикографии прибалтийско-финских языков».

Проведение конференций, как правило, сопровождается организацией книжных выставок: так современные студенты узнают историю финно-угроведения в университете. С современным его состоянием и развитием они знакомятся на Бубриховских чтениях. Здесь они встречаются с учеными, по трудам которых им читаются основные и специальные курсы, получают представление о научных поисках своих преподавателей, что, несомненно, поднимает престиж избранной специальности, способствует развитию научной любознательности и творчества студентов.

Материалы всех конференций (кроме состоявшейся в октябре 2008 года) опубликованы в полном объеме. Вышли из печати 3 сборника научных статей: «Бубриховские чтения» (2002, 2005, 2008).

Поддержка в проведении всех конференций и публикации двух сборников статей оказывалась Правительством РК. Представители Министерства по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями – частые гости наших конференций.

Подводя промежуточные итоги деятельности, хочется заметить, что конференции консолидируют исследователей Научного центра и высших учебных заведений республики, способствуют

интеграции вузовской и академической науки. На них ведется профессиональный разговор об актуальных вопросах исследования прибалтийско-финской филологии и культуры, живое обсуждение прикладных вопросов, связанных с преподаванием и функционированием языков. Молодые исследователи и аспиранты благодаря проведению Бубриховских чтений накапливают опыт выступлений, подготовки научных публикаций, получают конкретные рекомендации и практические советы от старших коллег. Отмечая, что за годы проведения конференций многие начинающие свой путь в науке успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Это преподаватели факультета Е. В. Богданова, Н. М. Гилюева, О. Л. Карлова, А. Е. Беликова, Т. В. Пашкова, преподаватели КГПУ М. В. Наумова, О. М. Жаринова и сотрудники ИЯЛИ КарНЦ РАН С. В. Ковалева, Д. В. Кузьмин, А. П. Родионова, Н. В. Чикина. В ближайшее время мы ждем новых успешных защит.

*Т. И. Старшова,
кандидат филологических наук,
доцент, декан факультета прибалтийско-финской филологии и культуры ПетрГУ*

■ 18–20 ноября 2008 года на базе ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет» состоялась Международная конференция стран – членов Совета Баренцева / Евроарктического Региона (СБЕР) и Европейского Союза (ЕС) по вопросам сотрудничества в области высшего профессионального образования.

Основной целью проведения международной конференции являлась активизация сотрудничества университетов и других научно-образовательных учреждений Баренцева / Евроарктического региона в рамках основных направлений Болонского процесса.

Для достижения данной цели в рамках проведения конференции планировалось обсудить следующие вопросы:

- Использование возможностей СБЕР по организации пилотных проектов на базе университетов России, Швеции, Норвегии и Финляндии по поддержке академической мобильности в рамках европейской программы «Erasmus Mundus» и программы стипендий Президента РФ для обучения за рубежом.
- Использование возможностей СБЕР по реализации совместных проектов по подготовке новых учебных программ в рамках проектов европейской программы сотрудничества в сфере образования «Tempus».
- Реализация концепций дистанционного обучения для сети университетов Баренцева / Евроарктического региона.
- Область практического использования и применения результатов выполнения работ (оказания услуг) в системе образования.

В работе конференции приняли участие Воронин А. В., ректор ПетрГУ, Васильев В. Н., президент ПетрГУ, Сверчков А. Б., зам. директора 2-го европейского департамента Министерства иностранных дел РФ, Богомолов С. А., главный специалист-эксперт отдела двустороннего сотрудничества Управления международного образования и сотрудничества Федерального агентства по образованию, Скарамуццо Никола, руководитель образовательных проектов Представительства Европейской Комиссии в России, Секиринский С. С., профессор, зав. отделом журнала «Отечественная история», Рогинский В. В., ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Комаров А. А., руководитель научного центра «Северная Европа: архивные и исследовательские проекты», Муравьева А. А., зам. директора Национального офиса программы Темпус в России, Гриппа С. П., ректор КГПУ, Трипольский Р. И., ректор Мурманского государственного педагогического университета, Соловьев В. А., ректор Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова, Панкратов А. А., проректор по морскому образованию и довузовской подготовке Мурманского государственного технического университета, Тойвонен Н. Р., проректор по развитию проектной деятельности

Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики, Пивненко Р. Р., директор Карельского филиала Северо-Западной академии государственной службы в г. Петрозаводске и др.

Программа конференции состояла из пленарного заседания, работы секций по:

а) Инициативы СБЕР и ЕС по развитию международных научно-образовательных программ и проектов. Руководители секции: Васильев В. Н., профессор, президент ПетрГУ; Максимова В. С., профессор, декан ФПиСН ПетрГУ; Веригин С. Г., доцент, декан исторического факультета ПетрГУ.

б) Использование дистанционных образовательных технологий в сети университетов БЕАР. Руководитель секции: Рузанова Н. С., доцент, проректор по информатизации ПетрГУ; Корякина А. Н., зав. лабораторией открытого дистанционного обучения Республиканского центра новых информационных технологий (РЦНИТ) ПетрГУ.

На круглых столах обсуждались темы:

1. Совместные международные научно-образовательные проекты;

2. e-Learning педагогика, организация и стратегия внедрения дистанционных технологий;

3. Образовательные программы по проблеме БЕАР и Европейского Севера России.

По результатам работы конференции были предложены следующие действия:

- возобновить деятельность Объединенной рабочей группы СБЕР по образованию и науке;
- активизировать создание консорциумов и сетей научно-образовательных учреждений, на основе многосторонних договоров, которые позволят уже в начале 2009 года подавать на рассмотрение и в дальнейшем осуществлять крупные сетевые проекты с использованием возможностей Tempus IV (Совместные проекты и Структурные мероприятия), Erasmus Mundus (IV тип) и других источников финансирования;
- более активно и продуктивно использовать такие финансовые инструменты, как Европейский инструмент соседства и партнерства (СВС ENPI), особенно программу приграничного сотрудничества «Балтийское море», Седьмую рамочную программу ЕС (FP7), различные программы норвежско-российского сотрудничества (через Норвежский Баренцев секретариат), программы Совета Министров Северных стран и другие инструменты, поддерживающие развитие высшего образования и науки;

- одобрить опыт реализации долгосрочных трансграничных проектов, таких как Финляндско-Российский Трансграничный университет (FRCBU) и Баренц-Трансграничный университет (BCBU). Рекомендовать использовать этот опыт более широко с точки зрения географии партнеров;
- более эффективно использовать возможности в сфере академической мобильности, предлагаемые такими финансирующими организациями и программами, как СІМО, FIRST (Финляндия), Erasmus Mundus (тип 1, 2);
- рекомендовать Федеральному агентству по образованию включить в тематику ФЦПРО развитие образования и науки в БЕАР на условиях софинансирования со стороны стран-участников СБЕР и, в первую очередь, на приоритетные направления развития науки и образования РФ;
- использовать дистанционное обучение (e-Learning) как эффективный инструмент для взаимодействия вузов БЕАР, развивать сотрудничество по предметным областям в области дистанционного обучения;
- разработать стратегию внедрения дистанционного обучения с учетом опыта ведущих вузов, повышать информированность преподавателей вузов о стратегии, тактике развития информационной среды дистанционного обучения;
- создать единую коллекцию образовательных ресурсов и использовать ее при разработке дистанционных курсов;
- проводить сертификацию тестов по учебным курсам;
- использовать как коммерческие, так и свободно распространяемые платформы для сетевого образовательного процесса для различных целевых аудиторий;
- создать ассоциацию образовательных учреждений, использующих сетевую платформу WebCT для ведения образовательных процессов;
- разработать нормативно-правовые документы, описывающие критерии оценки качества дистанционных образовательных ресурсов и процедур оценки дистанционного обучения и определяющих порядок применения авторских и смежных прав;
- расширить список образовательных программ с целью повышения квалификации в области теории и практики дистанционного обучения.

Сайт конференции: [http:// bearptz.petrus.ru/](http://bearptz.petrus.ru/)

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложением в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – 5–6 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – 3 страниц. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами, название должно быть по возможности кратким, точно отражающим содержание статьи. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и контактные телефоны). Аннотация (объемом не более 6 строк) на русском и английском языках, перед ней – название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на 2 языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускается, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде концевых сносок. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или количество)) приводится

в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи (сначала отечественные, затем зарубежные. Фамилии иностранных авторов приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи ссылка на источник делается путем указания в квадратных скобках порядкового номера цитируемой книги или статьи, через точку с запятой – цитируемых страниц, если это необходимо. В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты – название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до))). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и указывают, на соискание какой степени и в какой области науки защищена диссертация, место издания, год, страницы.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок (их не должно быть более 5–6) должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.